

44-1

Пролетарии всех стран, соединитесь!

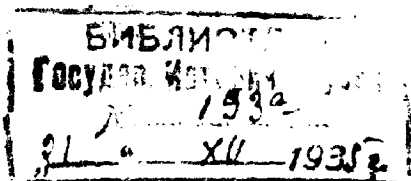
БОРЬБА

КЛАССОВ

№ II   **НОЯБРЬ**
1935

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5-й год издания

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ СТАХАНОВЦЕВ

1. ЗНАЧЕНИЕ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Товарищи! О стахановцах здесь, на этом совещании, так много и так хорошо говорили, что мне, собственно, мало что остается сказать. Все же, раз меня вызвали на трибуну, придется сказать несколько слов.

Стахановское движение нельзя рассматривать, как обычное движение рабочих и работниц. Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое войдет в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных ее страниц.

В чем состоит значение стахановского движения?

Прежде всего в том, что оно выражает новый подъем социалистического соревнования, новый высший этап социалистического соревнования. Почему новый, почему высший? Потому, что оно, стахановское движение, выгодно отличается, как выражение социалистического соревнования, от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, года три тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование не обязательно было связано с новой техникой. Да тогда у нас, собственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, — обязательно связан с новой техникой. Стахановское движение было бы немыслимо без новой, высшей техники. Перед вами люди, вроде гг. Стаханова, Бусыгина, Сметанина, Кривоноса, Пронина, Виноградовых и многих других, люди новые, рабочие и работницы, которые полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед. Таких людей у нас не было или почти не было года три тому назад. Это — люди новые, особенные.

Далее. Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, преодоление существующих производственных планов и балансов. Преодоление — потому что они, эти

самые нормы, стали уже старыми для наших дней, для наших новых людей. Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и требует создания новых, более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов. Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию. Именно поэтому оно, стахановское движение, является в основе своей глубоко революционным.

Здесь говорили уже, что стахановское движение, как выражение новых, более высоких технических норм, представляет собой образец той высокой производительности труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм. Это совершенно правильно. Почему капитализм разбил и преодолел феодализм? Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Потому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства.

Некоторые думают, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным,— необходимо иметь в стране такую производительность труда, которая перекрывает производительность труда передовых капиталистических стран. Без этого нечего и думать об изобилии продуктов и всякого рода предметов потребления. Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну.

Но этим не исчерпывается значение стахановского движения. Его значение состоит еще в том, что оно prepares условия для перехода от социализма к коммунизму.

Принцип социализма состоит в том, что в социалистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по своим потребностям, а по той работе, которую он произвел для общества. Это значит, что культурно-технический уровень рабочего класса все еще невысок, противоположность между трудом умственным и трудом физическим продолжает существовать, производительность труда еще не так высока, чтобы обеспечить изобилие предметов потребления, ввиду чего общество вынуждено распределять предметы потребления не соответственно

ИСТУПАЕТ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ
СОВЕЩАНИИ СТАХАНОВЦЕВ 17 НОЯБРЯ 1935 Г.

потребностям членов общества, а соответственно работе, произведенной ими для общества.

Коммунизм представляет более высокую степень развития. Принцип коммунизма состоит в том, что в коммунистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по той работе, которую он произвел, а по тем потребностям культурно-развитого человека, которые у него имеются. Это значит, что культурно-технический уровень рабочего класса стал достаточно высок для того, чтобы подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, противоположность между трудом умственным и трудом физическим уже исчезла, а производительность труда поднялась на такую высокую степень, что может обеспечить полное изобилие предметов потребления, ввиду чего общество имеет возможность распределять эти предметы соответственно потребностям его членов.

Некоторые думают, что уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться путем некоторого культурно-технического поравнения работников умственного и физического труда на базе снижения культурно-технического уровня инженеров и техников, работников умственного труда, до уровня среднеквалифицированных рабочих. Это совершенно неверно. Так могут думать о коммунизме только мелкобуржуазные болтуны. На самом деле уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе под'ема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Было бы смешно думать, что такой под'ем неосуществим. Он вполне осуществим в условиях Советского строя, где производительные силы страны освобождены от оков капитализма, где труд освобожден от гнета эксплуатации, где у власти стоит рабочий класс и где молодое поколение рабочего класса имеет все возможности обеспечить себе достаточное техническое образование. Нет никаких оснований сомневаться в том, что только такой культурно-технический под'ем рабочего класса может подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, что только он может обеспечить ту высокую производительность труда и то изобилие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму.

Стахановское движение знаменательно в этой связи в том отношении, что оно содержит в себе первые начатки, правда, еще слабые, но все же начатки такого именно культурно-технического под'ема рабочего класса нашей страны.

В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом,— молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами. Большинство из них прошло так называемый технический минимум и продолжает пополнять свое техническое образование. Они свободны от консерватизма и застойности некоторых инженеров, техников и хозяйственников, они идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая

новые, более высокие, они вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы, составленные руководителями нашей промышленности, они то и дело дополняют и поправляют инженеров и техников, они нередко учат и толкают их вперед, ибо это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше? Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического под'ема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?

Таково, товарищи, значение стахановского движения в деле нашего социалистического строительства.

Думали ли об этом великом значении стахановского движения Стаханов и Бусыгин, когда они приступали к ломке старых технических норм? Конечно, нет. У них были свои заботы,—они стремились к тому, чтобы вывести предприятие из прорыва и перевыполнить хозяйственный план. Но добиваясь этой цели, им пришлось разбить старые технические нормы и развить высокую производительность труда, перекрывшую передовые капиталистические страны. Было бы однако смешно думать, что это обстоятельство может хоть сколько-нибудь умалить великое историческое значение движения стахановцев.

То же самое можно сказать о тех рабочих, которые впервые организовали в нашей стране Советы Рабочих Депутатов в 1905 году. Они, конечно, не думали, что Советы Рабочих Депутатов послужат основой социалистического строя. Они только оборонялись от царизма, от буржуазии, создавая Советы Рабочих Депутатов. Но это обстоятельство несколько не противоречит тому несомненному факту, что движение за Советы Рабочих Депутатов, начатое в 1905 году ленинградскими и московскими рабочими, привело в конечном счете к разгрому капитализма и победе социализма в одной шестой части мира.

2. КОРНИ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Мы присутствуем сейчас у колыбели стахановского движения, у его истоков.

Следовало бы отметить некоторые характерные черты стахановского движения.

Бросается в глаза прежде всего тот факт, что оно, это движение, началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без какого бы то ни было давления со стороны администрации наших предприятий. Более того. Это движение зародилось и стало разворачиваться в известной мере вопреки воле администрации наших предприятий, даже в борьбе с ней. Товарищ Молотов уже рассказывал вам о том, какие муки пришлось пережить тов. Мусинскому, лесопильщику в Архангельске, когда он тайком от хозяйственной организации, тайком от контролеров вырабатывал новые, более

высокие технические нормы. Судьба самого Стаханова была не лучшей, ибо ему приходилось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высмеивавших и травивших его за «новшества». Что касается Бусыгина, то известно, что он за свои «новшества» чуть было не поплатился потерей работы на заводе, и лишь вмешательство начальника цеха тов. Соколинского помогло ему остаться на заводе.

Как видите, если и имело место какое-либо воздействие со стороны администрации наших предприятий, то оно шло не навстречу стахановскому движению, а наперекор ему. Стало быть, стахановское движение зародилось и развернулось как движение, идущее снизу. И именно потому, что оно зародилось самопроизвольно, именно потому, что оно идет снизу, оно является наиболее жизненным и непреодолимым движением современности.

Следует, далее, остановиться еще на одной характерной черте стахановского движения. Состоит она, эта характерная черта, в том, что стахановское движение разнеслось по всему лицу нашего Союза не постепенно, а с какой-то невиданной быстротой, как ураган. С чего началось дело? Стаханов поднял техническую норму добычи угля впятеро или вшестеро, если не больше. Бусыгин и Сметанин сделали то же самое, один—в области машиностроения, другой—в области обувной промышленности. Газеты сообщили об этих фактах. И вдруг—пламя стахановского движения об'яло всю страну. В чем тут дело? Откуда взялась такая быстрота в деле распространения стахановского движения? Может быть Стаханов и Бусыгин являются большими организаторами с большими связями в областях и районах СССР, и они сами организовали это дело? Нет, конечно, нет! Может быть Стаханов и Бусыгин имеют претензию быть великими фигурами нашей страны и они сами разнесли искры стахановского движения по всей стране? Это тоже неверно. Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина. Они выступали на совещании. Это—люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всесоюзного масштаба. Мне даже кажется, что они несколько смущены тем размахом движения, которое развернулось у нас вопреки их ожиданиям. И если, несмотря на это, спички, брошенной Стахановым и Бусыгиным, оказалось достаточно для того, чтобы все это дело развернулось в пламя,—то это значит, что стахановское движение является делом вполне назревшим. Только движение, которое вполне созрело и ждет толчка для того, чтобы вырваться на волю,—только такое движение могло распространиться так быстро и нарастать, как снежный ком.

Чем об'яснить, что стахановское движение оказалось делом вполне назревшим? Где причины того, что оно получило такое быстрое распространение? Каковы корни стахановского движения?

Их, этих причин, по крайней мере четыре.

1) Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица—бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо,

неприглядно, не весело, то никакого стахановского движения не было бы у нас (*аплодисменты*). Наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой довелось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные. Из всех рабочих революций мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это — Парижская Коммуна. Но она существовала недолго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу благие материальные результаты революции. Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции. Конечно, хорошо прогнать капиталистов, прогнать помещиков, прогнать царских опричников, взять власть и получить свободу. Это очень хорошо. Но, к сожалению, одной лишь свободы далеко еще недостаточно. Если нехватает хлеба, нехватает масла и жиров, нехватает мануфактуры, жилища плохие, то на одной лишь свободе далеко не уедешь. Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой (*одобрительные возгласы, аплодисменты*). Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни. Вот почему жить стало у нас весело и вот на какой почве выросло стахановское движение.

2) Вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знать не хочет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и наняли, чтобы ты обогащал эксплуататоров. Ты не согласен с этим, — ступай в ряды безработных и прозябай как знаешь, — найдем других, более сговорчивых. Поэтому-то труд людей не высоко ценится при капитализме. Понятно, что в таких условиях стахановскому движению не может быть места. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой. Понятно, что только в таких условиях могло зародиться стахановское движение.

3) Третьим источником стахановского движения следует считать наличие у нас новой техники. Стахановское движение органически связано с новой техникой. Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы у нас зародиться. Без новой техники можно поднять технические нормы в один-два раза — не

больше. Если стахановцы подчяли технические нормы в пять и в шесть раз, то это значит, что они опираются целиком и полностью на новую технику. Таким образом, выходит, что индустриализация нашей страны, реконструкция наших заводов и фабрик, наличие новой техники и нового оборудования послужили одной из причин, породивших стахановское движение.

4) Но на одной лишь новой технике далеко не уедешь. Можно иметь первоклассную технику, первоклассные заводы и фабрики, но если нет людей, способных оседлать эту технику, техника так и останется у вас голой техникой. Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работниц, способные стать во главе техники и двинуть ее вперед. Зарождение и рост стахановского движения означают, что у нас уже родились такие кадры среди рабочих и работниц. Года два тому назад партия сказала, что, построив новые заводы и фабрики и дав нашим предприятиям новое оборудование,— мы сделали лишь половину дела. Партия сказала тогда, что энтузиазм строительства новых заводов надо дополнить энтузиазмом их освоения, что только таким путем можно довести дело до конца. Очевидно, что за эти два года шло освоение этой новой техники и рождение новых кадров. Теперь ясно, что такие кадры уже имеются у нас. Понятно, что без таких кадров, без этих новых людей у нас не было бы никакого стахановского движения. Таким образом новые люди из рабочих и работниц, освоившие новую технику, послужили той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение.

Таковы условия, породившие и двинувшие вперед стахановское движение.

3. НОВЫЕ ЛЮДИ—НОВЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ НОРМЫ

Я говорил, что стахановское движение развилось не в порядке постепенности, а в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину. Очевидно, что ему пришлось преодолеть какие-то препоны. Кто-то ему мешал, кто-то его зажимал, и вот, накопив силы, стахановское движение прорвало эти препоны и залило страну.

В чем тут дело, кто же, собственно, мешал?

Мешали старые технические нормы и люди, стоявшие за спиной этих норм. Несколько лет тому назад наши инженерно-технические и хозяйственные работники составили известные технические нормы применительно к технической отсталости наших рабочих и работниц. С тех пор прошло несколько лет. Люди за это время выросли и подковались технически. А технические нормы оставались неизменными. Понятно, что эти нормы оказались теперь для наших новых людей устаревшими. Теперь все ругают действующие технические нормы. Но они ведь не с неба упали. И дело тут вовсе не в том, что эти технические нормы были составлены в свое время, как нормы заниженные. Дело прежде всего в том, что теперь, когда эти нормы стали уже устаревшими, пытаются отстаивать их, как нормы современные. Цепляются за техническую отсталость наших рабочих и работниц, ориентируются на эту отсталость, исходят из отсталости, и дело доходит наконец до того, что начинают играть в отсталость. Ну, а как быть, если эта отсталость отходит в область прошлого? Неужели мы будем преклоняться перед нашей отсталостью и делать из нее икону, фетиш? Как быть,

если рабочие и работницы успели уже вырасти и подковаться технически? Как быть, если старые технические нормы перестали соответствовать действительности, а наши рабочие и работницы успели уже на деле перекрыть их впятеро, вдесятеро? Разве мы когда-либо присягали на верность нашей отсталости? Кажется, не было этого у нас, товарищи? (*Общий смех*). Разве мы исходили из того, что наши рабочие и работницы так и останутся навеки отсталыми? Как будто бы мы не исходили из этого? (*Общий смех*). В чем же тогда дело? Неужели у нас не хватит смелости сломить консерватизм некоторых наших инженеров и техников, сломить старые традиции и нормы и дать простор новым силам рабочего класса?

Толкуют о науке. Говорят, что данные науки, данные технических справочников и инструкций противоречат требованиям стахановцев о новых, более высоких, технических нормах. Но о какой науке идет здесь речь? Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом,—какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки, не было бы, скажем, астрономии, и мы все еще пробавлялись бы обветшалой системой Птолемея, у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека, у нас не было бы химии, и мы все еще пробавлялись бы прорицаниями алхимиков.

Вот почему я думаю, что наши инженерно-технические и хозяйственные работники, успевшие уже порядочно поотстать от стахановского движения, сделали бы хорошо, если бы они перестали цепляться за старые технические нормы и перестроились по-настоящему, по-научному, на новый, стахановский лад.

Хорошо, скажут нам. Но как быть с техническими нормами вообще? Нужны ли они для промышленности, или можно обойтись вовсе без всяких норм?

Одни говорят, что нам не нужно больше никаких технических норм. Это неверно, товарищи. Более того,—это глупо. Без технических норм невозможно плановое хозяйство. Технические нормы нужны, кроме того, для того, чтобы отстающие массы подтягивать к передовым. Технические нормы — это большая регулирующая сила, организующая на производстве широкие массы рабочих вокруг передовых элементов рабочего класса. Следовательно, нам нужны технические нормы, но не те, какие существуют теперь, а более высокие.

Другие говорят, что технические нормы нужны, но их надо довести теперь же до тех достижений, которых добились Стахановы, Бусыгины, Виноградовы и другие. Это тоже неверно. Такие нормы были бы нереальны для настоящего времени, ибо рабочие и работницы, менее подкованные технически, чем Стахановы и Бусыгины, не смогли бы выполнить таких норм. Нам нужны такие технические нормы, которые проходили бы где-нибудь посредине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины. Взять, например, Марию Демченко,

всем известную пятисотницу по свекле. Она добилась урожая свеклы на гектар в 500 и больше центнеров. Можно ли это достижение сделать нормой урожайности для всего свекловичного хозяйства, скажем, на Украине? Нет, нельзя. Рано пока говорить об этом. Мария Демченко добилась пятисот и больше центнеров на один гектар, а средний урожай по свекле, например, на Украине в этом году составляет 130—132 центнера на гектар. Разница, как видите, не маленькая. Можно ли дать норму для урожайности по свекле в 400 или в 300 центнеров? Все знатоки дела говорят, что нельзя этого делать пока-что. Очевидно, что придется дать норму по урожайности на гектар по Украине на 1936 год в 200—250 центнеров. А норма эта не маленькая, так как в случае ее выполнения, она могла бы дать нам вдвое больше сахара, чем в 1935 году. То же самое надо сказать насчет промышленности. Стаханов перекрыл существующую техническую норму кажется раз в десять или даже больше. Объявить это достижение новой технической нормой для всех работающих на отбойном молотке было бы неразумно. Очевидно, что придется дать норму, проходящую где-либо по середине между существующей технической нормой и нормой, осуществленной тов. Стахановым.

Одно во всяком случае ясно: нынешние технические нормы уже не соответствуют действительности, они отстали и превратились в тормоз для нашей промышленности, а для того, чтобы не тормозить нашу промышленность, необходимо их заменить новыми, более высокими техническими нормами. Новые люди, новые времена,— новые технические нормы.

4. БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

В чем состоят наши ближайшие задачи с точки зрения интересов стахановского движения?

Чтобы не разбрасываться, давайте сведем это дело к двум ближайшим задачам.

Во-первых. Задача состоит в том, чтобы помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР. Это с одной стороны. И с другой стороны— обуздать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически тормозят развертывание стахановского движения. Чтобы распространить во-всю стахановское движение по всему лицу нашей страны, для этого одних лишь стахановцев, конечно, недостаточно. Необходимо, чтобы наши партийные организации включились в это дело и помогли стахановцам довести движение до конца. В этом отношении Донецкая областная организация проявила бесспорно большую инициативу. Хорошо работают в этом смысле Московская и Ленинградская областные организации. А как другие области? Они, видимо, все еще «раскачиваются». Например, что-то не слышно или очень мало слышно об Урале, хотя Урал является, как известно, громадным промышленным центром. То же самое надо сказать о Западной Сибири, о Кузбассе, где еще, по всем видимостям, не успели «раскачаться». Впрочем, можно не сомневаться, что наши партийные организации возьмутся за это дело и помогут стахановцам преодолеть труд-

ности. Что касается другой стороны дела—обуздания упорствующих консерваторов из среды хозяйственных и инженерно-технических работников,— то здесь дело будет обстоять несколько посложнее. Придется в первую очередь убеждать, терпеливо и по-товарищески убеждать эти консервативные элементы промышленности—в прогрессивности стахановского движения и в необходимости перестроиться на стахановский лад. А если убеждения не помогут, придется принять более решительные меры. Взять, например, Наркомат Путей Сообщения. В центральном аппарате этого наркомата недавно существовала группа профессоров, инженеров и других знатоков дела—среди них были и коммунисты, — которая уверяла всех в том, что 13—14 километров коммерческой скорости в час является пределом, дальше которого нельзя, невозможно двигаться, если не хотят вступить в противоречие с «наукой об эксплуатации». Это была довольно авторитетная группа, которая проповедывала свои взгляды устно и печатно, давала инструкции соответствующим органам НКПС и вообще являлась «властителем дум» среди эксплуатационников. Мы, не знатоки дела, на основании предложений целого ряда практиков железнодорожного дела в свою очередь уверяли этих авторитетных профессоров, что 13—14 километров не могут быть пределом, что при известной организации дела можно расширить этот предел. В ответ на это эта группа вместо того, чтобы прислушаться к голосу опыта и практики и пересмотреть свое отношение к делу, бросилась в борьбу с прогрессивными элементами железнодорожного дела и еще больше усилила пропаганду своих консервативных взглядов. Понятно, что нам пришлось дать этим уважаемым людям слегка в зубы и вежливо выпроводить их из центрального аппарата НКПС (*аплодисменты*). И что-же? Мы имеем теперь коммерческую скорость в 18—19 километров в час (*аплодисменты*). Мне думается, товарищи, что в крайнем случае придется прибегнуть к этому методу и в других областях нашего народного хозяйства, если, конечно, упорствующие консерваторы не перестанут мешать и бросать палки в колеса стахановскому движению.

Во-вторых. Задача состоит в том, чтобы помочь перестроиться и возглавить стахановское движение тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые не хотят мешать стахановскому движению, которые сочувствуют этому движению, но не сумели еще перестроиться, не сумели еще возглавить стахановское движение. Я должен сказать, товарищи, что таких хозяйственников, инженеров и техников имеется у нас не мало. И если мы поможем этим товарищам, то их будет у нас несомненно еще больше.

Я думаю, что если эти задачи будут выполнены нами, стахановское движение развернется во-всю, охватит все области и районы нашей страны и покажет нам чудеса новых достижений.

5. ДВА СЛОВА

Несколько слов насчет настоящего совещания, насчет его значения. Ленин учил, что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них. Кое-кому из большевиков эти слова Ленина не понравились. Но история показывает, что Ленин оказался прав и в этой

области на все сто процентов. В самом деле, миллионы трудящихся, рабочих и крестьян трудятся, живут, борются. Кто может сомневаться в том, что эти люди живут не впустую, что, живя и борясь, эти люди накапливают громадный практический опыт? Разве можно сомневаться в том, что руководители, пренебрегающие этим опытом, не могут считаться настоящими руководителями? Стало быть, мы, руководители партии и правительства, должны не только учить рабочих, но и учиться у них. Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства,—этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо! *(Бурные аплодисменты)*.

Наконец, два слова о том, как следовало бы ознаменовать настоящее совещание. Мы здесь в президиуме совещались и решили, что придется как либо отметить это совещание руководителей власти с руководителями стахановского движения. И вот мы пришли к такому решению, что человек 100—120 из вас придется представить к высшей награде.

Голоса: правильно. *(Бурные аплодисменты)*.

Сталин. Если вы одобряете, товарищи, то мы это дело проведем.

(Участники совещания стахановцев устраивают бурную восторженную овацию товарищу Сталину. Весь зал гремит от рукоплесканий, мощное «ура» потрясает своды зала. Бесчисленные возгласы, приветствующие вождя партии товарища Сталина, несутся со всех концов. Овация заканчивается мощным пением «Интернационала» — три тысячи участников совещания исполняют пролетарский гимн).

А. Дрезен

КОРНИЛОВЩИНА

Накануне корниловщины

Июльская расправа с демонстрациями рабочих в Петрограде и других городах определила дальнейшую наступательную политику империалистической буржуазии и Временного правительства.

Контрреволюция объединяется для борьбы против пролетариата и его завоеваний. Ее единый фронт сложился из партии кадетов—авангарда организованной империалистической буржуазии,—командного состава армии во главе со Ставкой, черносотенно-монархической и буржуазной печати, православной церкви с «республиканским» Синодом и, наконец, меньшевиков и эсеров, окончательно связавших свою судьбу с русской контрреволюцией.

Продолжающаяся война все больше разрушала промышленность и сельское хозяйство. Транспорт стоял на грани полной катастрофы. Земля по-прежнему оставалась в руках помещиков, и брать ее приходилось силой.

На происходившем в августе Всероссийском съезде мелкой и средней промышленности были приведены данные о состоянии ряда ведущих отраслей народного хозяйства. По этим данным, выработка хлопка уменьшилась на 40%, обработка металлов—на 50—60%, выработка кожи—на 40%, производство бумагопрядильных фабрик—на 28%¹. Добыча каменного угля и антрацита в июне 1917 г. была на 20 миллионов пудов меньше чем в июне 1916 года. По сведениям Совета съез-

дов горнопромышленников, каменного угля в августе было добыто уже на 29 миллионов пудов меньше чем в том же месяце 1916 года.

Такое резкое падение добычи угля в свою очередь должно было отразиться на деятельности заводов и фабрик, отапливаемых исключительно углем. Однако не недостаток топлива являлся решающим фактором свертывания промышленности.

Решающее значение имел саботаж самих предпринимателей. В ответ на 8-часовой рабочий день, введенный явочным путем, отказ от сверхурочных работ, требования повышения заработной платы и, наконец, на практику рабочего контроля буржуазия отвечала свертыванием или даже полной ликвидацией своих предприятий.

Особенно тяжелым было финансовое положение страны. В своем докладе на частном совещании членов Государственной думы 28 июня Бубликов—член Государственной думы—приводит ряд цифр о задолженности России. «Оказывается, — читаем мы в стенограмме его выступления, — что долг наш, который к концу 1913 г. вырос до 10,5, к 1 января 1916 г. — до 18,9 и к 1 января 1917 г. — до 33,6 миллиарда рублей, если к этому присоединить установленное в настоящее время преимущественно в порядке 87-й статьи эмиссионное право в сумме 18 миллиардов рублей, не использованное, однако, до сих пор примерно в 2,5 миллиарда, прибавить суммы задолженности нашей за границей и выручку по займам свободы, то к настоящему моменту долг наш должен определиться в сумме 48, 5 миллиарда»².

Финансовый кризис связан был с общим экономическим положением в стране и с войной, уже стоившей стране (к июлю 1917 г.) больше 37,5 миллиарда рублей³. Ежедневный расход на войну с 15,4 миллиона в 1914 г. повысился до 61 миллиона в 1917 г.⁴.

¹ «Биржевой курьер» № 192 от 9 августа 1917 г.

² Сборник «Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. 136. ЛОЦИА. 1932.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же.

Стремясь выйти из разрухи и переложить все тяготы войны на рабочих, буржуазия тем самым ускоряла активное выступление российского пролетариата за социалистическую революцию.

Нарастает также движение среди крестьянской бедноты, положение которой после Февральской революции еще ухудшилось. Беднота, игнорируя все постановления правительства и, в частности, министра земледелия — лидера эсеров Чернова, — захватывает помещичьи и кулацкие хозяйства, активно участвует в дальнейшем развитии революции.

Непрерывное откладывание правительством решения земельного вопроса (поставленного в зависимость от Учредительного собрания) крайне возбуждающе действовало на крестьян.

Временное правительство и соглашатели на практике убеждались, что даже посылаемые в деревню карательные отряды не в силах отстоять помещичьи и кулацкие земли.

Лозунги, выдвигаемые партией большевиков и сформулированные Лениным в его знаменитых «Апрельских тезисах», жадно воспринимались крестьянскими низами. Крестьянство постепенно отходило от эсеровщины.

Таково было положение в городе и деревне после июльских событий. Пролетариат России мобилизует свои революционные силы. Организуется Красная гвардия, которая готовится под руководством партии большевиков к вооруженной схватке с буржуазией.

Вместе с пролетариатом готовятся к активному выступлению и низы крестьянства — беднота. Армия (фронт и тыл) близка к тому, чтобы присоединиться к восстанию рабочих. Солдаты, уставшие от трехлетней бойни, изверившиеся в болтовне эсеров и меньшевиков, готовы повернуть штыки в сторону буржуазии. Солдатские массы все больше проникаются большевистскими настроениями. Эсеровская газета «Голос солдата» указывает, что «на бунтовщиков сильное влияние имела газета «Правда», которой они отдавали преимущество перед всеми другими газетами».

Враждебное отношение солдат к войне и правительству сказалось и на взаимоотношениях с командным со-

ставом. Солдаты оказывают сопротивление всем попыткам сменить выбранных ими офицеров. В этой обостренной классовой борьбе особую роль играли комитетские «верхи», составленные из эсеров и меньшевиков. Соглашатели, имея вообще значительное большинство в высших армейских выборных организациях, всячески стремятся вогнать в «русло» революционную борьбу армии. Кроме таких организаций, как высшие армейские комитеты, соглашатели с той же скрытой целью борьбы против углубления революции в армии создают институт военных комиссаров. Задача последних в основном сводилась к восстановлению армии с ее старым режимом и порядками.

Но солдатская масса не желала больше царских порядков. Происходят непрерывные столкновения солдат с офицерством. Выступления солдат имели место в частях Московского округа, в ярославском и тверском гарнизонах. В последнем движение возглавлялось местным советом военных депутатов: приказы штаба округа признавались только после утверждения их советом.

Приподнятое настроение наблюдается и в частях харьковского гарнизона: по мнению штаба, местный 28-й полк полностью является большевистским.

Резолюционизирующую роль на настроения солдат оказывали также довольно частые и массовые пребывания их на сельских работах, где они вплотную сталкивались с враждебной крестьянству аграрной политикой Временного правительства. В Московском округе изчисляющихся 740 тысяч солдат в первых числах августа почти 200 тысяч были отпущены на работу или числились дезертирами. Многие из них так и не вернулись в свои части, ежеминутно увеличивая и так уже астрономическую цифру дезертиров.

Подготовка выступления

Непрекращающийся революционный процесс, втягивающий в круг своего действия все более широкие массы рабочих и крестьян, толкал буржуазию на ряд серьезных мероприятий. Объединенные силы контрреволюции от слов перешли к делу.

В августе состоялись два офицерских съезда: в Петрограде и в Ставке. Задачи, выдвинутые обоими съездами, сводились к тому, чтобы положить предел большевизации солдатской массы и создать такую «боеспособную» армию, которая разрешила бы проблемы, выдвигаемые своей и антантовской буржуазией. Намечалось объединение вокруг Ставки более 100 тысяч офицеров, которые должны были стать основной штурмовой силой контрреволюции.

Кроме офицеров Ставка рассчитывала на юнкеров, казаков и национальные части. Возможности Ставки были ограничены с самого начала, и вся надежда на победу строилась в расчете на то, что солдаты не окажут сопротивления разоружению рабочих.

Буржуазия и правительство в поисках «сильного человека», который сумел бы восстановить армию, остановились на генерале Корнилове, который в бытность свою главнокомандующим Югозападным фронтом показал себя человеком достаточно решительным в борьбе с революционным движением. Корнилову же принадлежит авторство восстановления на фронте смертной казни.

Кандидатуру его выдвигает «демократическая» часть Ставки: комиссар при верховном главнокомандующем эсер Б. Савинков и комиссар Югозападного фронта М. Филоненко. 19 июля вместо Брусилова верховным командующим назначается Корнилов.

Став главкомом, Корнилов выдвинул ряд условий, которые, по словам эсеровского комиссара Филоненко, сводились к следующему:

«1. Генерал Корнилов несет ответственность только перед своей совестью и народом. 2. Невмешательство правительства в стратегические операции и замещение лиц командного состава (в частности, недопустимость назначения ген. Черемисова главнокомандующим Югозападным фронтом, сделанного Керенским без ведома Корнилова). 3. Немедленное восстановление дисциплинарной власти начальников. 4. Распространение мер, принятых к поддержанию дисциплины армии на фронте и в тылу».

Из этих условий видно, что гене-

«Окопная правда». С карт. П. Скаля.

рал поставил себе целью военную диктатуру.

Чрезвычайная самостоятельность действий Ставки и ультимативный тон обращений и предложений Корнилова (в частности, назначение против желания Керенского главнокомандующим Югозападным фронтом Деникина) вызвали опасения у Керенского за свое собственное положение. Бонапартист Керенский боялся своего союзника и в то же время опасался, что в результате неудачи заговора усилится революционное движение, которое приведет к власти большевиков, непрерывно разоблачающих политику правительства Керенского и Ставки.

7 августа Корнилов узнал о решении правительства сменить его. Сторонники его начинают кампанию против этого решения. На экстренном заседании Совета казачьих войск принимается резолюция, требующая оставления Корнилова главкомом. Вызовом звучит заявление Совета, «что он снимает с себя возложенную на него ответственность за казачьи войска на фронте и в тылу при удалении ген. Корнилова».

Выполняя директивы империалистической буржуазии, правительство назначило на 12 августа Государствен-

ное совещание представителей крупной и мелкой буржуазии, чтобы установить «необходимое единение государственной власти со всеми организованными силами страны». В действительности же, как это подчеркивалось в большевистской декларации, «чтобы почерпнуть новые силы для нового похода на все завоевания революции». Корнилов получил приглашение на совещание, однако с условием, что он может выступить исключительно с докладом о стратегическом положении на фронтах, что ему не помешало, однако, выступить с политической речью.

Как и следовало ожидать, все выступления на совещании в основном свелись к вопросу о создании единой сильной власти. Керенский, открывая совещание, заявил: «Пусть знают все, кто раз уже пытался поднять вооруженную руку на власть народную... что попытка (колебания власти. — А. Д.) будет прекращена железом и кровью». Этот прямой намек на июльские дни и призыв к контрреволюции были встречены аплодисментами совещания.

Выступления Корнилова и Каледина, которые явились ничем не прикрытой демонстрацией и призывом к решительным действиям, нисколько не шли вразрез с общим настроением совещания.

Особенно откровенным было выступление Каледина, развернувшего целую программу практических мероприятий, вытекающих из посланной Корниловым Временному правительству ультимативной докладной записки. Для осуществления лозунга «Война до победы!» и борьбы с революцией Каледин предлагает «шесть мероприятий», сводящихся к следующему: упразднению «всех советов и комитетов», пересмотру декларации прав солдата, укреплению дисциплины в армии «самыми решительными мерами» с применением таких же мер в тылу, восстановлению дисциплинарных прав офицеров и предоставлению «полной мощи вождям армии».

Свою речь—одно из наиболее ярких контрреволюционных выступлений на совещании—Каледин закончил заявлением, что «время слов прошло, терпение народа истощилось. Нужно делать

великое дело спасения родины», то есть буржуазии¹.

Московское совещание, послужившее делу объединения сил контрреволюции, восторженно приветствуемое меньшевиками и эсерами, встретило в широких массах враждебное отношение. Политическая забастовка московского пролетариата, явившаяся протестом против наступления буржуазии, усиление активности в Красной гвардии показывают отношение масс к разворачивающимся событиям.

Среди солдат совещание вызвало новую волну движений, идущих под лозунгами дальнейшей демократизации армии и укрепления солдатских организаций. В ответ на «откровение» контрреволюции армия и флот тысячами постановлений самого решительного порядка протестуют против планов распоясавшейся военщины и форсирующей события буржуазии. Происходят выступления целых частей. Развертывается усиленная кампания пере выборов в комитеты.

Особенно резко враждебное отношение к московскому совещанию проявилось в частях петроградского гарнизона, и не только в запасных полках (1-й стрелковый полк, броневой дивизион и др.), но и в среде трех казачьих полков. Под революционизирующим влиянием петроградского пролетариата рядовые казаки отмежевываются от выступления генерала Каледина, показавшего органическую связь войскового казачьего круга (возглавляемого казачьей верхушкой) с империалистической буржуазией.

Революционный процесс в армии сказался и на далеком, оторванном от центра Кавказе и на других окраинах. В первых числах августа в Грозном был расформирован местный пехотный полк, категорически отказавшийся выступить на фронт.

Подготавливая контрреволюционный удар, Временное правительство подчиняет Ставке весь район Петроградского военного округа, за исключением Петрограда с ближайшими его окрестностями. Получив правительственное решение, Корнилов немедленно образует отдельную Петроградскую армию,

¹ «Государственное совещание». Центр-архив, стр. 76.

которую подчиняет непосредственно себе.

Вновь утвержденному главному начальнику Петроградского военного округа Корнилов подчиняет 42-й армейский корпус (в Финляндии), Балтийский флот со всеми подчиненными командующему флотом крепостями, войсками и позициями. Тогда же Северный и Западный фронты были объединены в один—Северозападный.

Все это менее всего вызывалось стратегической необходимостью. Перед Ставкой во главе с Корниловым стояла задача—подготовить плацдарм и обстановку для контрреволюционных действий против петроградского пролетариата и гарнизона. В полной связи со всем указанным находится «просьба» Керенского, переданная Б. Савинковым Корнилову, послать в Петроград конный корпус для реального осуществления военного положения в столице. Сдача Риги германской армии 21 августа также являлась подготовкой к удушению нарастающей пролетарской революции.

Единый фронт правительства и Ставки является бесспорным. Однако в последний момент Керенский отступил. Корнилов же, все время подталкиваемый лидерами буржуазии, решил воспользоваться этим моментом для установления открытой диктатуры буржуазии.

Выступление

В Могилеве, Ставке верховного главнокомандующего, начались усиленная концентрация «ударных» частей и продвижение конного корпуса на Петроград.

Первые воинские части, начавшие прибывать в Ставку еще 26 августа, почти исключительно состояли из корниловских ударных батальонов. Вызваны они были под предлогом отправления на Рижский фронт.

Согласно приказу Корнилова, Уссурийская казачья дивизия должна была 26 августа погрузиться и отправиться через Псков в Нарву. Тем же приказом Кавказская туземная (туземная, или, как ее называли, «дикая», дивизия состояла из осетин, ингушей и других народов Кавказа) и 1-я Донская дивизии были приведены в полную готовность к погрузке.

Буржуазия приветствует своего кумира — генерала Корнилова, прибывшего в Москву на Государственное совещание.

В ночь с 26 на 27 августа Корнилов опубликовал свое первое воззвание к войскам. Наборщики отказались его набирать. Только под угрозой репрессий Корнилову при помощи текинцев удалось отпечатать его.

Силы Корнилова были сравнительно небольшие. В первую очередь он опирался на офицерский корпус с его контрреволюционными союзами, затем, на конницу (Туземная дивизия, в которой офицерство, состоявшее из кавказских помещиков, пользуясь неграмотностью и отсталостью солдат, захватило в свои руки руководство всеми армейскими организациями) и на «корниловские батальоны смерти». Артиллерия была представлена в самом ограниченном количестве, пехоты вовсе не было, имелись лишь английские броневики. Основной план Корнилова сводился к захвату Петрограда, где он надеялся встретить поддержку со стороны офицеров и местных военных училищ, объединявших контрреволюционный молодежь.

В приказе, подписанном Корниловым еще 25 августа, предлагалось начальнику Туземной дивизии занять основные районы города и немедленно раз-

оружить петроградских рабочих, местный гарнизон и гарнизоны Павловска и Царского села, оставив оружие лишь юнкерам военных училищ.

Прервав сношения с правительством, Корнилов надеялся на активную помощь главнокомандующих фронтами.

Особенно подготовленным к выступлению Корнилова оказался штаб Югозападного фронта во главе с Деникиным. Извещенный своевременно о положении в Ставке, Деникин изолировал членов фронтового комитета и запретил им пользоваться прямым проводом и другими видами связи. Все караулы штаба были заменены спешенными казачками. Теми же казачками были заняты редакции газет Бердичева, где помещался штаб фронта, в том числе и органы исполнительного комитета Югозападного фронта. Казачьи разъезды заняли все дороги и шоссе, выходящие из города.

Только благодаря связи с большевистски настроенным броневым отделением, стоящим в нескольких километрах от города, фронтовому исполкому удалось удержать Деникина от непосредственного выступления на помощь Корнилову.

Большие надежды Ставка возлагала на казачество и его войскового атамана генерала Каледина. Связь Каледина с Корниловым видна хотя бы из того, что Каледин, правда, «без портфеля», был включен в состав намеченного Корниловым — Аладьиным — Филоненко нового правительства.

Весь план движения войск на Петроград был построен на сплошной провокации. Среди солдат, систематически натравливаемых на партию большевиков и Советы, распространяли слух о восстании большевиков в Петрограде.

Однако тактика Корнилова и Ставки, рассчитанная на устойчивость Туземной дивизии и казаков и на быстроту передвижения этих частей к Петрограду, потерпела неудачу. Устойчивым оказалось лишь офицерство, казачество же и Туземная дивизия при первом же соприкосновении с Советами и посланными из Петрограда делегациями разложились, несмотря на то что принимались все меры для предохранения казаков от пропаганды: во время движения эшелонов никого в

вагоны не пускали, запрещалось вступать на станциях в разговоры с «посторонней публикой», кроме того была обещана выдача в Петрограде усиленного жалованья.

28 августа эшелоны 1-й Донской казачьей дивизии были задержаны на станции Луга. Местный совет предложил организовать объединенное заседание и послать представителей от казаков в Петроград. Начальник дивизии и генерал Крымов, командир корпуса, категорически запретили комитетам собираться и посылать делегатов в Петроград.

Между тем дивизии, продвинувшиеся вперед, оказались благодаря действиям рабочих и солдат местных гарнизонов отрезанными от Ставки. Убедившись в этом, 29 августа Корнилов письменно предоставляет Крымову право действовать сообразно с обстановкой «в духе моих первоначальных указаний». Письмо было отправлено с офицером-летчиком.

Имея в своем распоряжении три дивизии: 1-ю Донскую, Туземную и Уссурийскую, — Крымов предполагал вечером 31-го занять Гатчину, с тем чтобы затем двинуться на Петроград. При этом Крымов, как и вся Ставка во главе с Корниловым, большие надежды возлагал на встречное выступление расположенных в Петрограде и окрестностях 8 юнкерских училищ и школ прапорщиков.

Корниловское выступление привело в движение все военные школы и училища Петрограда. Началось открытое вооружение юнкеров. Только одному Павловскому училищу было выдано свыше 200 тысяч патронов, пулеметы, минометы, ручные гранаты.

Но не эти силы, разумеется, могли решить исход борьбы.

Решающим моментом в разгроме Корнилова явилось соприкосновение его войск с организованными пролетарскими отрядами и частями гарнизона.

Изолированные Туземная и казачьи дивизии вынуждены были прекратить продвижение на Петроград. Создаются благоприятные условия для действия агитации и пропаганды, окончательно разложивших вооруженные силы Корнилова.

Дольше всех держалась Туземная

дивизия, но и здесь «китайская стена», созданная офицерством, была прорвана. Провокационное поведение самого же командного состава ускорило развязку. Один из офицеров сорвал красный флаг, водруженный солдатами на крыше дома, где помещался штаб дивизии. Это явилось толчком. Возмущенные солдаты арестовали зарвавшегося офицера. К вечеру 30 августа вся дивизия была охвачена волнением.

К этому времени в штаб корпуса явилась мусульманская делегация, посланная по инициативе С. М. Кирова Центральным комитетом горских народов и делегация выступивших навстречу корниловцам частей 1-й гвардейской дивизии. Делегации вскрыли перед горцами контрреволюционные замыслы командного состава. Это было решающим в отходе «дикой дивизии» от контрреволюции. Одновременно с делегациями прибыл приказ Керенского командному составу с предписанием явиться в Петроград.

Был созван корпусный комитет, на расширенном совещании которого командир дивизии князь Багратион пытался изобразить дело так, как будто и сам командный состав был введен Корниловым в заблуждение, полагая, что дивизия направлялась не для разгрома петроградских рабочих и гарнизона, а для «разгрома немцев под Ригой».

Речь Багратиона неоднократно прерывалась негодующими возгласами делегатов-солдат. После совещания из общего количества в 170 делегатов было избрано около 40 делегатов для отправки в Петроград. Делегаты были уполномочены заявить о «преданности революции и демократии» и добиться разрешения реорганизовать туземные полки и создать полковые и сотенные комитеты. Уже 31 августа Керенский принял делегатов корпуса.

Аналогично разворачивались события и в других дивизиях.

Собственно, уже 30 августа ничего не осталось от созданного и двинутого Корниловым на Петроград кавалерийского корпуса. Корпус фактически полностью, со всем командным составом, перешел на сторону Временного правительства. Офицерство, опасаясь

С. М. Киров в 1917 году.

самосуда со стороны солдат, массами шло с повинной к Керенскому.

Партия большевиков и пролетариат в борьбе с корниловщиной

Ответом на контрреволюционное выступление Корнилова явилось организованное под руководством партии большевиков массовое выступление рабочих и солдат. Красная гвардия совместно с петроградским и другими местными гарнизонами готовилась дать решительный отпор начавшей наступление контрреволюции. Рабочие вооружались, создавались революционные комитеты, практически осуществлялся контроль над офицерством.

Ленин, который в этот момент находился в Гельсингфорсе, в специальном, строго конспиративном письме на имя ЦК партии дает оценку положения, созданного восстанием Корнилова.

Письмо Ленина — это директива. «Поддерживать правительство Керенского, — пишет он, — мы даже теперь не должны. Это беспринципность...»

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно

тонкая, но архи-существенная, и забывать ее нельзя»¹.

Тактика партии сводилась к тому, чтобы «раз'яснить народу (борящемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского»², требуя от него конкретных, решительных действий в борьбе против Корнилова. Это Ленин считает главным.

В первые же дни корниловщины товарищ Сталин, разоблачая планы Корнилова и Временного правительства, призывал пролетариат к отпору, подчеркивая, что пролетариат даст отпор Корнилову не для того, чтобы облегчить победу диктатуре Керенского, а для того, «чтобы проложить дорогу полному торжеству русской революции»³.

Он подчеркивал, что для решительной ликвидации контрреволюции борьба должна вестись за те основные требования, которые выставляют большевики.

Под непосредственным руководством товарища Сталина происходила мобилизация сил петроградского пролетариата для отпора корниловщине.

28 августа делегатские собрания петроградской большевистской военной организации постановили: «Немедленно развернуть гарнизон Петербурга в боевой порядок и совместно с представителями солдатских организаций обсудить план обороны и подавления контрреволюционного наступления, а также и охраны в Петербурге всех опорных пунктов революции»⁴.

Следующим требованием являлось вооружение рабочих и организация Красной гвардии.

В ряде гарнизонов солдаты формировали специальные отряды, посылая их навстречу Корнилову. Первое место среди них принадлежало петроградским рабочим и революционному петроградскому гарнизону. Местами солдаты брали на себя инициативу приведения своей части в боевую готовность. Усилились конфликты с командным составом.

Павловский полк отказывается выступить по приказу Ставки в Юрьев. Вопрос был поставлен на рассмо-

рение солдатской секции Совета. Полковой комитет Семеновского полка, активно помогавший в июльские дни Временному правительству, в своей резолюции заявляет, что генеральный штаб — это источник контрреволюционных выступлений в армии, и требует «подробной чистки». Такая же активность наблюдается в установлении контроля за офицерами и в других частях.

С колоссальным подъемом рабочие Петрограда готовились выступить против Корнилова. На таких гигантах, как «Путиловец» и Обуховский завод, создавались специальные красногвардейские отряды, отправляемые на фронт против корниловских дивизий. Кроме петроградского гарнизона, Кронштадта и матросов Балтфлота, занявших первые ряды среди борющихся с корниловской авантюрой, активно выступает целый ряд гарнизонов и в первую очередь финляндский и московский.

Вечером 31 августа состоялось общее собрание военной организации большевиков. Присутствовали представители 37 частей петроградского гарнизона, в том числе представители Кронштадта и сводного отряда, прибывшего из Выборга. С разоблачающим докладом о поведении меньшевиков и эсеров выступил Я. Свердлов.

На совещании было отмечено, что, после того как Корнилов потерпел поражение, эсеры и меньшевики всячески тормозят вооружение рабочих.

Открытое, возглавляемое главкомверхом, контрреволюционное выступление, к которому были причастны кадеты и партия эсеров, члены которой входили в правительство, и даже глава правительства «эсер» Керенский, сыграло значительную роль в окончательном отходе широких солдатских масс петроградского гарнизона от эсеров и меньшевиков.

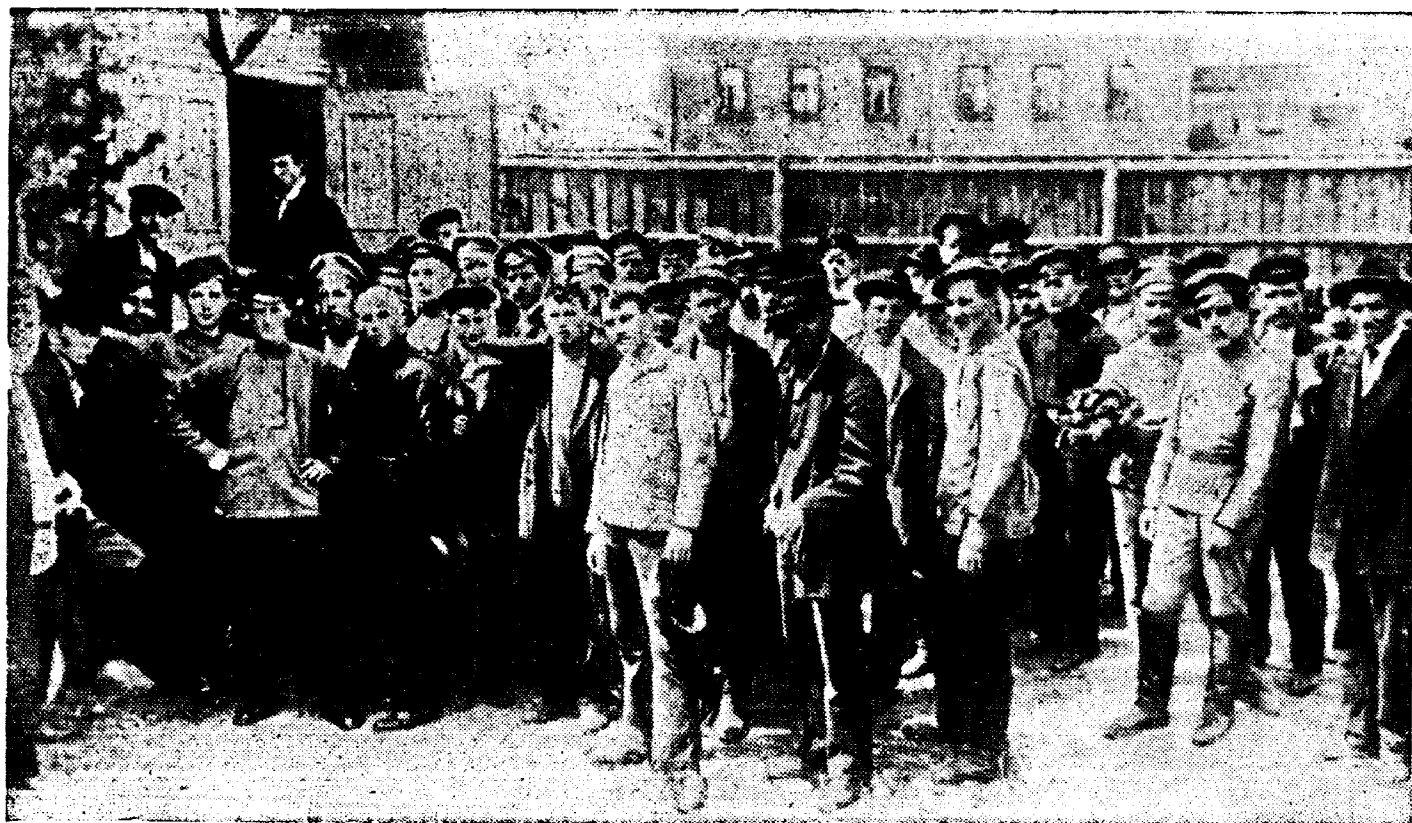
Конец августа характерен резким поведением масс и их чрезвычайной активностью. Это немедленно сказалось и на Петроградском совете. Последний меняет свою тактику и уже 31 августа впервые с февраля принимает большевистскую общеполитическую резолюцию. Вместо ушедшего президиума выбирается новый, состоящий в основном из большевиков. С

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 116.

² Там же, стр. 119.

³ И. Сталин «На путях к Октябрю».

⁴ «Солдат» № 13 за 1917 г.

Мобилизация петроградских рабочих против Корнилова.

этого момента Петроградский совет становится одним из очагов революционизирования рабочих и солдат. В полках также происходит усиленный процесс большевизации, сопровождающийся перевыборами полковых комитетов, усилением партийного состава и т. п.

Восстание Корнилова создало новый поворот в революции, в настроении широких масс города, деревни и армии.

Ленин, исключительно верно и полно оценив создавшееся положение, пишет в «Проекте резолюции о современном политическом моменте»:

«Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эс-эров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления... все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян»¹.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 138—139.

„Борьба“ Временного правительства с корниловщиной

В то время как петроградский пролетариат под руководством большевиков организует отпор корниловцам, Временное правительство и штаб округа заняты не столько вопросами борьбы с Корниловым, сколько мероприятиями по предупреждению восстания рабочих против Временного правительства.

Показательно уже то, что план обороны и борьбы с Корниловым был проконсультирован махровым реакционером и явным корниловцем генералом Алексеевым. Не менее любопытно, что командующим войсками против Корнилова в первый момент назначается заведомый корниловец, комиссар при «верховном» — М. Филоненко. Явная несуразность этого назначения заставила Керенского заменить его другой, не менее колоритной фигурой — капитаном Кузьминым.

Не спеша с корниловским фронтом, Временное правительство принимает самые решительные меры «на всякий случай» в Петрограде.

Еще вечером 26 августа по распоряжению Керенского броневики занимают ряд ответственных точек: Николаевский вокзал, Главный почтамт, арсенал, телефонную станцию, Государственный банк и Зимний дворец.

В пяти первых пунктах было установлено по одному броневику и в Зимнем—пять. Ночью было предписано (новым распоряжением) послать в Зимний дворец все свободные от нарядов броневые машины. Правительство и Керенский боялись пролетарской революции больше чем корниловского наступления и поэтому в первую очередь концентрировали свое внимание и силы на борьбе против пролетариата столицы.

Указом правительства от 30 августа верховным главнокомандующим назначается Керенский. Начальником штаба был назначен уже достаточно известный своей реакционностью генерал М. Алексеев. Фактическим главкомверхом становится последний.

Исключительное внимание продолжают уделять Петрограду. Петроградским военным губернатором назначается В. Пальчинский. Вместо сменного Савинкова управляющим военным министерством становится произведенный в генерал-майоры А. Верховский. Морским министром был назначен только что освобожденный по делу 3—5 июля контрадмирал Вердеревский.

Рост революционного движения в Петрограде и Москве, поворот советов влево заставили Керенского издать приказ об аресте Корнилова. Но вместо того чтобы двинуть на Могилев революционные отряды Петрограда и Москвы, Керенский поручает разрешение этой задачи генералу Алексееву и комиссару Западного фронта Жданову.

Местом формирования отряда назначен был город Орша. Прибывший 29 августа в Оршу полковник Коротков достаточно энергично и успешно приступает к делу. Общая обстановка в Орше полностью этому благоприятствовала: местный совет владел всей связью, в городе была организована патрульная служба учебной команды местной дружины совместно с членами Оршанского совета, на шоссе Орша—Могилев непрерывно курсировали мотоциклы.

Утром 30 августа, по приказу Короткова, небольшим отрядом была занята станция Шклов по пути к Могилеву.

31 августа Коротков получил от Керенского телеграмму:

«Орша, члену Искомзапа¹ полковнику Короткову.

В шесть утра 31 августа в Ставку выезжает назначенный наштаверхом² генерал Алексеев. С генералом Алексеевым следует помощник его по гражданской части Василий Вырубов, назначенный для производства следствий над генералами и офицерами Ставки прокурор Шабловский с чинами судебного ведомства. Прошу вас подготовить все для посадки ваших войск и двинуть к Могилеву по требованию Вырубова»³.

Вечером 31 августа отряд Короткова был усилен драгунским Северным полком. По распоряжению начальника сводного отряда, полк из эшелонов не разгружался и был оставлен в полной готовности к отправке по железной дороге на Могилев.

К этому времени оршанский отряд вырос до 3 тысяч штыков при 3 полевых батареях и 30 пулеметах.

В ночь с 31 августа на 1 сентября Коротков получил по прямому проводу из Петрограда новый приказ—двинуть свой отряд на Могилев и арестовать бывшего верховного главнокомандующего генерала Корнилова, генерала Лукомского и изблеченных соучастников заговора и мятежа. «Главный морской прокурор Шабловский со следственной комиссией выезжает в час 1 сентября в Могилев. Действуйте в согласии с прокурором Шабловским и помнаштаверхом по гражданской части».

В то время как части оршанского революционного отряда готовились к дальнейшим действиям против Могилева, генерал Алексеев задержался на станции Витебск для вторичного разговора с Корниловым по прямому проводу.

Первый разговор Алексеева с Корниловым состоялся еще ночью 30 августа по прямому проводу Петроград—Могилев. Отвечая Алексееву, Кор-

¹ Исполнительный комитет солдатских депутатов Западного фронта.

² Начальник штаба верховного главнокомандующего.

³ Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках. Т. I. 1917 г.

нилов тогда зачитал заготовленную по его распоряжению на имя Керенского новую телеграмму-ультиматум: «Если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка, и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, то он (т. е. Корнилов. — А. Д.) немедленно примет со своей стороны все меры к тому, чтобы успокоить те круги, кои шли за ним». Требуя прекращения ареста офицеров, приостановки следствия над Деникиным и другими генералами Югозападного фронта, Корнилов особым пунктом требует, «чтобы правительство прекратило немедленно дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, порочащих его, Корнилова, еще не сдавшего верховного командования, и вносящих смуту в стране и войсках»¹.

Алексеев со всем этим согласен. «Мольба о сильной, крепкой власти,— говорит он,—думаю, есть общая мольба всех любящих родину и ясно отдающих себе отчет в истинном ее положении. Поэтому вы можете быть убеждены,—подчеркивает Алексеев,— в самой горячей поддержке вашего призыва»².

Во время второго разговора Корнилов никаких требований уже не выставлял, полностью отдавая себя в распоряжение Алексеева. Согласовывая по телеграфу «сдачу» Корнилова и Ставки, Алексеев несколько задерживал выполнение приказа Керенского относительно ареста Корнилова.

Получив утром 1 сентября телеграмму о выезде Алексеева и Вырубова, Коротков приостановил движение своих эшелонов. Около 12 часов 1 сентября на станцию Орша прибыл поезд Алексеева и Вырубова. Коротков сообщил им о положении и позициях, занятых частями оршанского отряда. Алексеев остался недоволен, что со стороны Орши двигались вооруженные войска, и заявил, что в этом сейчас нет необходимости, так как он получил от Корнилова положительный ответ и надеется уладить все мирно.

¹ Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о генерале Корнилове и его соучастниках. Т. I. 1917 г.

² Там же.

Из Орши Алексеев немедленно уехал в Могилев.

Вечером 1 сентября Коротков по прямому проводу передал свой разговор с Алексеевым.

Поспешность, с которой Керенский предлагает полковнику Короткову двигаться на Могилев, настойчивость, с которой предлагается генералу Алексееву ускорить арест корниловцев, в первый момент несколько даже поражают, тем более что те же корниловцы не только гуляют на свободе, но уполномочиваются сами произвести аресты в Ставке.

Завесу приподнимает разговор по прямому проводу, состоявшийся 1 сентября между В. Вырубовым и генералом Алексеевым с одной стороны и начальником кабинета военного министра полковником Барановским — с другой.

«Верховный главнокомандующий (т. е. Керенский. — А. Д.) требует, — передает Барановский, — чтобы генерал Корнилов и его соучастники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Демократия взволнована выше меры, и все грозит разразиться колоссальным взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв в форме выступления советов и большевизма ожидается не только здесь, в Петрограде, но и в Москве и других городах. В Омске арестован командующий войсками и власть перешла к совету. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя: или промедление и гибель всего дела спасения родины или немедленное решительное действие и аресты указанных вам лиц и тогда возможна еще борьба... Советы бушуют, и разрядить атмосферу можно только проявлением власти и арестом Корнилова»³.

2 сентября Коротков получил новое телеграфное распоряжение генерала Алексеева: «Немедленно расформировать ваш отряд, отозвать эскадрон со ст. Латва, отправить все войска на места их квартирования, передать части в подчинение их постоянным началь-

³ «Рабочий путь» от 8 октября 1917 г.

никам. Расформировать импровизированные батареи, передать взятых лошадей в свои части. Об исполнении мне донести. Представить отчет со всеми документами о деятельности всего отряда с минуты начала его формирования». Это распоряжение телеграфно же было подтверждено помнаштаверха Вырубовым.

Все эти документы—материалы Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова,—передающие разговоры по прямому проводу и характеризующие деятельность лиц, уполномоченных Временным правительством, свидетельствуют прежде всего о том, что контрреволюция, возглавляемая Милюковым, Алексеевым и др., при полной поддержке Керенского пыталась спасти Корнилова и его помощников от революционного суда.

Победа революции

Корниловский мятеж имел исключительное влияние на дальнейший ход революции: он помог массам окончательно разобраться в сущности социал-соглашательских, предательских партий.

В ночь на 1 сентября Петроградский совет большинством 279 против 150 голосов при 51 воздержавшемся¹ принимает резолюцию большевиков, в которой подчеркивалось, что исключительные полномочия Временного правительства и его безответственность в дальнейшем не терпимы и вся власть должна быть передана представителям революционного пролетариата и крестьянства. Принятая резолюция обязывала президиум Совета к проведению новой политики, с которой соглашательский состав президиума был несогласен. Члены президиума предпочли в полном составе сложить свои полномочия. Московский совет большинством 555 голосов против 254 принял аналогичную резолюцию, и президиум по тем же причинам также сложил свои полномочия. Такие же резолюции приняли советы: Астраханский, Владивостокский, Гельсингфорский, Гомельский, Казанский, Красноярский, Николаевский, Новобухарский, Одесский, Симферопольский, Уфимский, Харьковский, Хабаровский, Че-

лябинский и ряд советов других, менее значительных городов.

В связи с корниловщиной в Петрограде, Москве, Минске, Гомеле и других городах состоялись новые выборы исполнительных комитетов Советов Р. и С. Д., причем в подавляющем большинстве прошли большевики. Наряду с большевизацией состава исполкомов, естественно, изменилось и отношение советов к революции в целом и к деятельности Временного правительства в частности.

Советы активно вмешиваются в деятельность местных органов Временного правительства. Солдатская секция Петроградского совета Р. и С. Д. принимает резолюцию, в которой настаивает на реорганизации штаба Петроградского военного округа. Рабочая секция Совета Р. и С. Д. требует закрытия буржуазных газет, а Выборгский районный совет издал обязательное постановление о запрещении продажи в Выборгском и Лесном районах буржуазных газет. Во Владивостоке местный совет закрыл буржуазную газету «Дальний Восток». В некоторых местах советы стали вмешиваться в деятельность частных банков. Из доносений губернских комиссаров видно, что в г. Остроге, Воронежской губернии, совет контролировал деятельность Воронежского коммерческого банка и наблюдал за всеми его операциями. Исполнительный комитет Орехово-Зуева арестовал управляющего Московским банком и установил контроль красногвардейцев за операциями банка, запретив выдавать отдельным лицам более тысячи рублей. В Симферополе «Комитет революционных организаций» с начала корниловщины и до 6 сентября фактически управлял губернией. Совет при станции Гуково, Екатерининской железной дороги, сообщает по району, что им «введена диктатура пролетариата с подчинением ему милиции и всего административного аппарата».

Все это было показателем того, что большинство рабочего класса — на стороне большевиков. Борьба с корниловщиной непосредственно подвела пролетариат к вооруженному восстанию, победа которого под руководством Ленина и Сталина осуществилась в великие Октябрьские дни 1917 года.

¹ «Рабочий» № 12 от 2 (15) сентября 1917 г.

ПЕТРОГРАДСКАЯ КРАСНАЯ ГВАРДИЯ

В Б О Р Ь Б Е ЗА ВЕЛИКУЮ ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

1

Закончились баррикадные бои февральских дней 1917 года. Рабочий класс в союзе с революционным крестьянством свергнул власть царя и помещиков.

Новые грандиозные задачи встали перед победившим в буржуазно-демократической революции пролетариатом — задачи дальнейшей борьбы под руководством великой партии Ленина — Сталина за пролетарскую социалистическую революцию.

Для достижения этой цели всеобщее вооружение народа и в первую очередь пролетариата приобретало значение исключительной важности.

«Не дать восстановить полиции! — писал Ленин 11 марта¹. — Не выпускать местных властей из своих рук! Создавать действительно общенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом, милицию! — вот задача дня, вот лозунг момента, одинаково отвечающий и правильно понятым интересам дальнейшей классовой борьбы, дальнейшего революционного движения, и демократическому инстинкту всякого рабочего, всякого крестьянина, всякого трудящегося и эксплуатируемого человека, который не может не ненавидеть полиции...»².

Директивы вождя партии были подхвачены рабочим классом. И рабочая

милиция, возникшая под руководством большевистской партии в бурные дни Февральской революции на фабриках и заводах, была той первоначальной формой вооружения пролетариата, из которой затем выросла Красная гвардия.

Попытки Временного правительства и соглашательского исполкома Петроградского совета разоружить рабочих были безрезультатны: рабочие не сдавали оружие, захваченное в февральские дни.

4 марта начальник петроградской общегородской милиции издал следующий приказ:

«Для поддержания порядка в Петрограде образована городская народная милиция. Для нужд милиции требуется вооружение, поэтому предлагается гражданам Петрограда немедленно сдавать все имеющееся у них оружие в канцелярию начальника милиции, которая помещается в здании Городской думы»³.

Решение исполкома Совета о слиянии рабочей милиции с общегородской милицией преследовало, по сути дела, ту же цель — разоружить рабочих. Городская милиция — национальная гвардия русской буржуазии, — по идее исполнительного комитета, должна была поглотить рабочую милицию — гвардию пролетариата.

Петроградский комитет большевиков, разоблачая стремление буржуазии и меньшевистских советов разоружить рабочий класс, уже 3 марта 1917 г. вынес решение о создании Военно-милиционной комиссии, которой было поручено срочно представить «на обсуждение Петроградского комитета проект организации пролетарских милиционных кадров».

Большевистская «Правда» посвятила этому вопросу специальную статью — «Организация милиции», — в которой определялись цели и задачи рабочей милиции: «Рабочая милиция должна стать постоянной крепкой силой. Это не временная организация для нужд момента. Это рабочая армия, самоуправляющаяся и держащая в своих руках порядок в рабочих кварталах. Она охраняет гражданские

¹ В статье все даты даны по старому стилю.

² Ленин. Т. XX, стр. 36—37.

³ «Известия Петроградского совета» № 5 от 4 марта 1917 года.

свободы от всяких нарушений, от всяких покушений на них. При ее существовании имеется уверенность, что свобода — не пустой звук, а жизненная реальность»¹.

«Правда» давала подробный план организации, укрепления и сплочения пролетарских милиционных кадров.

По этому плану рабочая милиция должна была иметь следующую организацию.

В каждом районе создается районная организация рабочей милиции, объединяемая в масштабе всего Петрограда единым центром. Она должна иметь единый устав и правила несения службы.

Рабочая милиция составляется из рабочих и солдат. Начальствующий состав рабочей милиции избирается из среды милиционеров.

На время исполнения милицейских обязанностей (дежурство, постовая служба и т. д.) рабочие-милиционеры должны освобождаться от работы на предприятиях, причем заработная плата сохраняется за счет предприятия.

Рабочая милиция работает под руководством районных комитетов и Петербургского комитета РСДРП(б). Она посылает в каждый районный комитет большевиков своих выборных представителей и представителя от всех районов в Петербургский комитет партии.

Заканчивалась статья призывом к усиленной организации и сплочению пролетарской милиции:

«Товарищи! Это — дело спешное и необходимое. Сила революционного рабочего класса должна крепнуть. Товарищи рабочие! Товарищи солдаты! Не сдавайте оружие, вооружайте новые кадры революционной милиции!

Революция не кончилась, требования восставшего народа поставлены, но еще не осуществлены. Осуществить их можем только мы сами. Укрепляйте милицию! Революция продолжается»².

Таким образом, уже в эти ранние дни революции большевистская «Правда» видела в вооруженной пролетарской милиции ту реальную силу, опи-

раясь на которую пролетариат, руководимый большевистской партией, может не только сохранить завоевания революции, но и двигать развитие революции дальше.

18 марта «Правда» писала:

«Среди нас, товарищи, имеется много солдат и офицеров — республиканцев, до самозабвения преданных делу Великой русской революции. Воспользуемся их опытом, и пусть они немедленно приступят при нашем деятельном участии к устройству Красной гвардии пролетариата, организованной со всем знанием дела нашего вдвойне военного времени»³.

В этой статье речь идет уже не просто о рабочей милиции, а о рабочей Красной гвардии.

Наиболее ярким выражением большевистской политики в вопросе о вооружении пролетариата и создании Красной гвардии явилась статья товарища Сталина «Об условиях победы русской революции».

В этой статье товарищ Сталин рассматривал вопросы вооружения пролетариата и создания Красной гвардии как одно из основных условий победы революции.

Он писал: «Армия не может стоять вечно на одном месте, ограждая революцию от контрреволюции. Поэтому нужна другая вооруженная сила, армия вооруженных рабочих, естественно связанных с центрами революционного движения. И если верно положение, что революция не может победить без вооруженной силы, всегда готовой к ее услугам, то и наша революция не обойдется без своей собственной рабочей гвардии, кровно связанной с интересами революции».

Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия — таково второе условие победы революции»⁴.

И в рабочих кварталах столицы революции питерские пролетарии продолжали вооружаться. В этот период своей деятельности растущая Красная

³ «Правда» № 12 от 18 марта 1917 года.

⁴ «Правда» № 12 от 18 марта 1917 года. (Подчеркнуто нами — М. Л.).

¹ «Правда» № 3 от 8 марта 1917 года.

² Там же.

Рабочие-красногвардейцы. Петроград. 1917 год.

гвардия должна была маскироваться под вид рабочей милиции.

Рабочая милиция росла и крепла с каждым днем. Но в первые послереволюционные недели не было еще ни общегородской руководящей организации, ни даже районных. На каждом предприятии, в каждом районе она строилась по-разному.

Общегородская конференция представителей фабрично-заводских дружин, созванная 28 апреля 1917 г. инициативной группой, не создала единого петроградского организационного центра рабочей милиции.

Меньшевики, преобладавшие на этой конференции, не посмели ослушаться соглашательского исполкома Петроградского совета.

Было решено пока работу конференции закончить и послать делегацию в исполком Петроградского совета для переговоров.

1 мая меньшевистская фракция Петроградского совета, обсудив этот вопрос, постановила: «Собрание считает создание особой Красной гвардии нецелесообразным...»¹.

¹ «Рабочая газета» № 43 от 29 апреля 1917 года.

Так апрельская конференция Красной гвардии по вине меньшевиков была сорвана. Красная гвардия была не только ненужна меньшевикам, но ее создание шло вразрез со всей их соглашательской политикой.

Являясь прямой угрозой господству буржуазии, Красная гвардия не могла не вызвать борьбу против ее создания со стороны лакеев буржуазии—меньшевиков.

Меньшевик Ф. Дан, нынешний социал-интервент, поместил в «Известиях Петроградского совета» передовицу, посвященную конференции, в которой он в самых резких тонах выступил против создания Красной гвардии. «Противоставлять жалкие берданки и револьверы Красной гвардии всем чудесам военной техники современной армии было бы безумием. И притом безумием ненужным...»

Пусть же участники сегодняшнего собрания хорошенько обсудят вопрос и не дадут увлечь себя на путь недуманных решений, способных повредить (?) делу пролетариата и революции(?)»².

² «Известия Петроградского совета» № 52 от 28 апреля 1917 года.

Выступление «Известий» против создания Красной гвардии являлось официальной директивой Петроградского совета.

В тон «Известиям» выступила и «Рабочая газета» — орган ЦК меньшевиков.

«В Петрограде, — писала «Рабочая газета», — в результате агитации ленинцев образовалась уже многотысячная Красная гвардия. Она обучается, она устраивает собрания, она организует вооруженные демонстрации. Создается особая психология печальной памяти «боевых дружин», потребность в чем-нибудь проявить свой «боевой дух» свою воинственность»¹.

Большевики, бывшие еще в меньшинстве на конференции фабрично-заводских дружин, в тот же день перенесли вопрос о Красной гвардии на заседание выборгского районного совета — ведущего пролетарского района, бывшего уже тогда в основном большевистским.

Решение выборгского районного совета рабочих и солдатских депутатов было лаконично: «Районный совет рабочих и солдатских депутатов Вы-

боргской стороны... решил преобразовать милицию в «рабочую гвардию»².

Одновременно выборгский районный совет принял «Проект основ устава рабочей гвардии». Проект этот страдал еще демократическими иллюзиями: он отражал настроения, чаяния и надежды рабочего класса, соответствовавшие доиюльскому этапу революции, — но все же это была первая попытка организационного оформления Красной гвардии пролетариата, давшая сильный толчок дальнейшей организации вооруженных сил социалистической революции.

Красная гвардия занималась в это время не только охраной порядка в пролетарских районах, охраной фабрик и заводов: она участвовала как общепролетарская организация во всей борьбе рабочего класса. Она шла во главе рабочих в массовых демонстрациях, происходивших в Петрограде в апреле, июне и июле. Она боролась вместе со всем пролетариатом под руководством большевистской партии за передачу всей власти советам.

Наибольшего размаха в своей дея-

¹ «Рабочая газета» № 48 от 5 мая 1917 года.

² «Правда» № 44 от 29 апреля 1917 года.

Павловский полк на демонстрации в апрельские дни. Петроград. 1917 год.

Большевистские части петроградского гарнизона, разоруженные правительством Керенского. 1917 г.

тельности Красная гвардия достигла на следующем этапе революции, когда в порядок дня партией было поставлено вооруженное восстание как непосредственная практическая задача.

2

Июльское выступление петроградского пролетариата и революционных частей гарнизона было подавлено. Впервые после Февральской революции против революционных пролетариев открыто применено оружие. Июльские дни легли кровавой чертой между двумя этапами революции 1917 года. Кончился период двоевластия. Контрреволюция перешла в наступление на рабочий класс и на его революционный авангард — партию большевиков.

Большевистская «Правда» была закрыта, редакция и типография газеты разгромлены. Дворец Кшесинской — военный штаб большевистской партии и ее петербургской организации — был захвачен гвардией Керенского. С большевиками в «свободной республике» расправлялись с не меньшей жестокостью и свирепостью чем в царской России в годы столыпинского каторжного режима. Владимир Ильич был вынужден перейти на нелегальное положение и скрываться.

Рука об руку с контрреволюцией шли верные псы капиталистов — меньшевики и эсеры. С остервенением продолжали они обманывать массы, верой и правдой служа буржуазии. Они стали прямыми пособниками палачества. «...Их взяли просто в лакеи, — писал о меньшевиках и эсерах товарищ Сталин, — для услужения торжествующим контрреволюционерам»¹.

Расформировать революционные части петроградского гарнизона, разоружить питерских пролетариев и Красную гвардию, вконец раздавить развернувшееся пролетарское движение — таково было основное содержание контрреволюционной политики Временного правительства.

Вводится смертная казнь на фронте и в тылу. Расформируются революционные полки петроградского гарнизона, требовавшие в июльские дни перехода власти в руки советов. В столицу революции вливаются реакционные части с фронта в целях разоружения питерских пролетариев и Красной гвардии.

По приказу Временного правительства, в Петроград прибыл 6 июля «Сводный отряд действующей армии» под командованием члена ЦИК поручика Мазуренко.

¹ Сталин «На путях к Октябрю», стр. 121. Физ. 1925.

«Сводный отряд» немедленно приступил к своим полицейским обязанностям: начались массовые обыски в пролетарских предместьях революционной столицы.

В Сестрорецк, где Красная гвардия к июлю 1917 г., по данным «Известий Петроградского совета»¹, насчитывала до 700 человек, 11 июля прибыл специальный карательный отряд под командованием капитана Гвоздева для разоружения рабочих.

Но разоружить петроградских пролетариев было не так легко. Все годное оружие, по директиве Петербургского комитета большевиков, было спрятано, а сдавалось лишь испорченное, выбывшее из строя.

В Нарвском районе винтовки были розданы членам партии и надежным беспартийным рабочим и спрятаны ими. Пулемет «Люис», обмазанный салом, был зарыт в землю, а «Максим» ввиду его промоздкости был спрятан по частям.

То же происходило и во всех остальных рабочих районах Петрограда, на фабриках, заводах и мастерских.

Прибывший с фронта «Сводный отряд», вступив в тесное соприкосновение с питерскими пролетариями, подвергся значительному разложению.

Таким образом Временному правительству не удалось окончательно разоружить питерских пролетариев. Но путем разрома пролетарских организаций и преследования лучших сынов большевистской партии и великого Ленина, путем беспощадного белого террора Временному правительству все же удалось захватить в подполье петроградскую Красную гвардию. После июльских дней уже нельзя было маскироваться под вид рабочей милиции, и вплоть до конца августа, до выступления генерала Корнилова, Красная гвардия как легальная организация не существовала.

Лишь после VI партийного съезда и подавления корниловского мятежа, когда партия повела энергичную подготовку к вооруженному восстанию, Красная гвардия вновь появилась на исторической арене классовых боев.

¹ «Известия Петроградского совета» № 116 от 13 июля 1917 года.

Наступил август — переломный месяц в истории русской революции. Лихорадочно мобилизовывались реакционные силы, готовясь к смертельной схватке с революцией.

Корнилов, бывший в то время верховным главнокомандующим, потребовал от Временного правительства применения военных судов не только для армии, но и для населения. Он потребовал милитаризации промышленности и транспорта, для того чтобы расправиться с пролетариатом по законам военного времени: каторгой, виселицей, расстрелами.

Этими мероприятиями Корнилов подготовлял установление своей диктатуры и удушение революции.

25 августа с полного согласия Временного правительства командиру 3-го конного корпуса генералу Крымову было приказано немедленно двигаться корпусом на Петроград, занять город, обезоружить петроградский гарнизон и рабочих и разогнать Петроградский совет.

26 августа началось движение частей 3-го конного корпуса на Петроград. Через день, 27 августа, Корнилов опубликовал свой известный манифест, возвещавший о контрреволюционном выступлении мятежного генерала.

Питерский пролетариат был призван к борьбе. Великая партия Ленина — Сталина руководила его борьбой. 28 августа товарищ Сталин писал: «События бегут. Новые факты и слухи с быстротой проносятся перед нами... Появился «манифест» Корнилова, где он объявляет себя диктатором, врагом и могильщиком завоеваний русской революции.

А Временное Правительство, вместо того, чтобы встретить врага по-вражески, предпочитает совещаться с ген. Алексеевым, еще и еще переговаривает с Корниловым, еще и еще уговаривает заговорщиков, открыто предающих Россию...

Но они, эти соглашатели, сводят счет без хозяина. Ибо настоящий хозяин страны, рабочие и солдаты, не хотят иметь никаких совещаний с врагами революции. Сведения из рай-

оных и полков в один голос говорят о том, что рабочие мобилизуют силы, солдаты стоят под ружьем. Очевидно, рабочие предпочитают говорить с врагами по-вражески.

Иначе и не может быть: с врагами бьются, а не совещаются.

Заговор продолжается, — готовьтесь к отпору!»¹

И пролетарии столицы революции выступили на борьбу с контрреволюционным мятежом генерала Корнилова.

Вечером 27 августа меньшевистско-эсеровский ЦИК советов, симулируя революционную активность, создал «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». «Комитет», разумеется, не был способен на действительную борьбу с контрреволюцией. Он это сразу продемонстрировал перед пролетариатом всей страны: 30 августа корниловская авантюра была уже ликвидирована, а только 5 сентября «Комитет народной борьбы с контрреволюцией» издал положение о рабочей милиции, которая должна была быть организована для борьбы с ликвидированной уже авантюрой.

Так было во всем: соглашатели вели разговоры о борьбе с контрреволюцией, а пролетариат под руководством большевистской партии на деле боролся с контрреволюцией.

В противоположность соглашательскому ЦИК по-революционному действовало большевистское междурайонное совещание советов. 28 августа оно вынесло постановление: «создать немедленно же рабочую милицию (читай: «Красную гвардию». — М. Л.), действующую согласно особой инструкции, вооруженную под политической ответственностью междурайонного совещания и районных советов, для чего немедленно приступить к составлению списков революционных рабочих, согласно особой инструкции»².

Постановлением о создании рабочей милиции из революционных рабочих большевистское междурайонное совещание советов легализовало рабочую

¹ Сталин «На путях к Октябрю», стр. 152. Гиз. 1925.

² Сборник «Корниловские дни», стр. 9. Петроград. 1917.

ШТАБЪ
КРАСНОЙ ГВАРДИИ
ВЫБОРГСКАГО РАЙОНА

№ 78

21 Октября
В. Коллигетти Фиштон
начо завода

Обязательное Постановление

Согласно Постановлению Революционного Комитета при Ц. К. РСФ СР Штата Кра. Уагдами Выборгского района предлагается Вам уведомить на 28-е октября на все делы у себя на заводе Фуксрутево Краен Уагдами в Полной Белвой Готовности Венавание.

Именно с уведомлением о готовности выступить Комитетом Революции

Председатель Штаба Н. Вильямс
Секретарь Вильямс

Постановление штаба Красной гвардии Выборгского района об установлении дежурства ввиду готовящегося выступления контрреволюции.

Красную гвардию и сосредоточило в своих руках вооружение рабочих.

В разосланной инструкции междурайонное совещание предписывало исполкомам райсоветов немедленно приступить к составлению списков «революционных рабочих, достойных полного доверия», и вооружить их; списки составлять с соблюдением особой строгости и осторожности, с обязательным требованием от вступающих в Красную гвардию рекомендаций партийных организаций и фабзавкомов. Запись в Красную гвардию без рекомендаций или по рекомендациям отдельных лиц инструкцией не разрешалась³.

Для руководства всей работой по организации Красной гвардии были созданы районные комендатуры Красной гвардии. Круг их деятельности был определен специальным положением.

Через несколько дней была создана центральная комендатура Красной гвардии, впоследствии утвержденная на общем собрании районных комендантов 13 сентября.

Таким образом, не меньшевистский «Комитет народной борьбы с контрреволюцией» выступил в качестве организатора пролетарских масс в те грозные для революции дни: доподлинным

³ Ленинградский областной архив (АОР). 1, ф. 47, св. 1, д. № 2, л. 23.

организатором масс являлась великая партия Ленина — Сталина. Междурайонное совещание советов выполнило лишь роль приводного ремня от пролетарской партии к широчайшим пролетарским массам.

Организация Красной гвардии шла усиленными темпами. Рабочие предместья оцетинились штыками. Даже меньшевистские «Известия» были вынуждены признать, что в первые же два — три дня после выступления Корнилова в рабочих районах Петрограда записалось в Красную гвардию до 25 тысяч рабочих.

«Здесь, — писал орган ЦК большевиков «Рабочий», — внешне царит полное спокойствие. Но там, в глубинах рабочих масс, совершается колоссальная работа. Среди всеобщего предательства рабочий класс не потерял головы, он бодрствует, организуется и вооружается всеми средствами революционной защиты и нападения»¹.

Кипучую деятельность развили только что созданные районные комендатуры Красной гвардии. У районных советов и комендатур стояли очереди желающих вступить в ряды боевой гвардии рабочего класса.

На всех фабриках и заводах Петрограда происходила запись в красногвардейские отряды, выдача винтовок и патронов. Организованные и вооруженные отряды рабочей Красной гвардии направлялись в районные советы. Там происходило комплектование общих отрядов, которые направлялись навстречу войскам Корнилова.

«Корниловщина имеет не только отрицательную сторону, — писал товарищ Сталин. — Она, как и всякое явление в жизни, имеет и свою положительную сторону. Корниловщина покушалась на самую жизнь революции. Это несомненно. Но, посягая на революцию и приведя в движение все силы общества, она тем самым, с одной стороны, подстегнув революцию, толкнула ее к большей активности и организованности, с другой стороны — раскрыла истинную природу классов и партий, сорвала с них маску, помогла разглядеть их подлинную физиономию»².

¹ «Рабочий» № 7 за 1917 год.

² Сталин «На путях к Октябрю», стр. 158. Гиз. 1925.

Тщетно теперь меньшевики и эсеры прилагали все усилия к тому, чтобы «направить разбушевавшуюся стихию» («Рабочая газета»), тщетно кричали они, что «корниловская опасность ничто в сравнении с опасностью ленинской» («День»).

Пролетарская революция назревала, она приближалась с каждым днем, с каждым часом. Ничто не могло остановить ее грозный ход.

«Бурлит уже стихия солдатских и рабочих масс!» — с ужасом восклицала в те дни меньшевистская «Рабочая газета».

В пролетарских кварталах Петрограда действительно бурлило и кипело: чувствовалось дыхание приближающейся Великой пролетарской революции. Гневные протесты рабочих и солдатских собраний Петрограда против контрреволюционной политики Временного правительства и их «социалистических» лакеев, требования освобождения брошенных в тюрьмы большевиков, приветствия большевистской партии и великому Ленину беспрестанно раздавались на митингах и собраниях пролетарских предместий столицы.

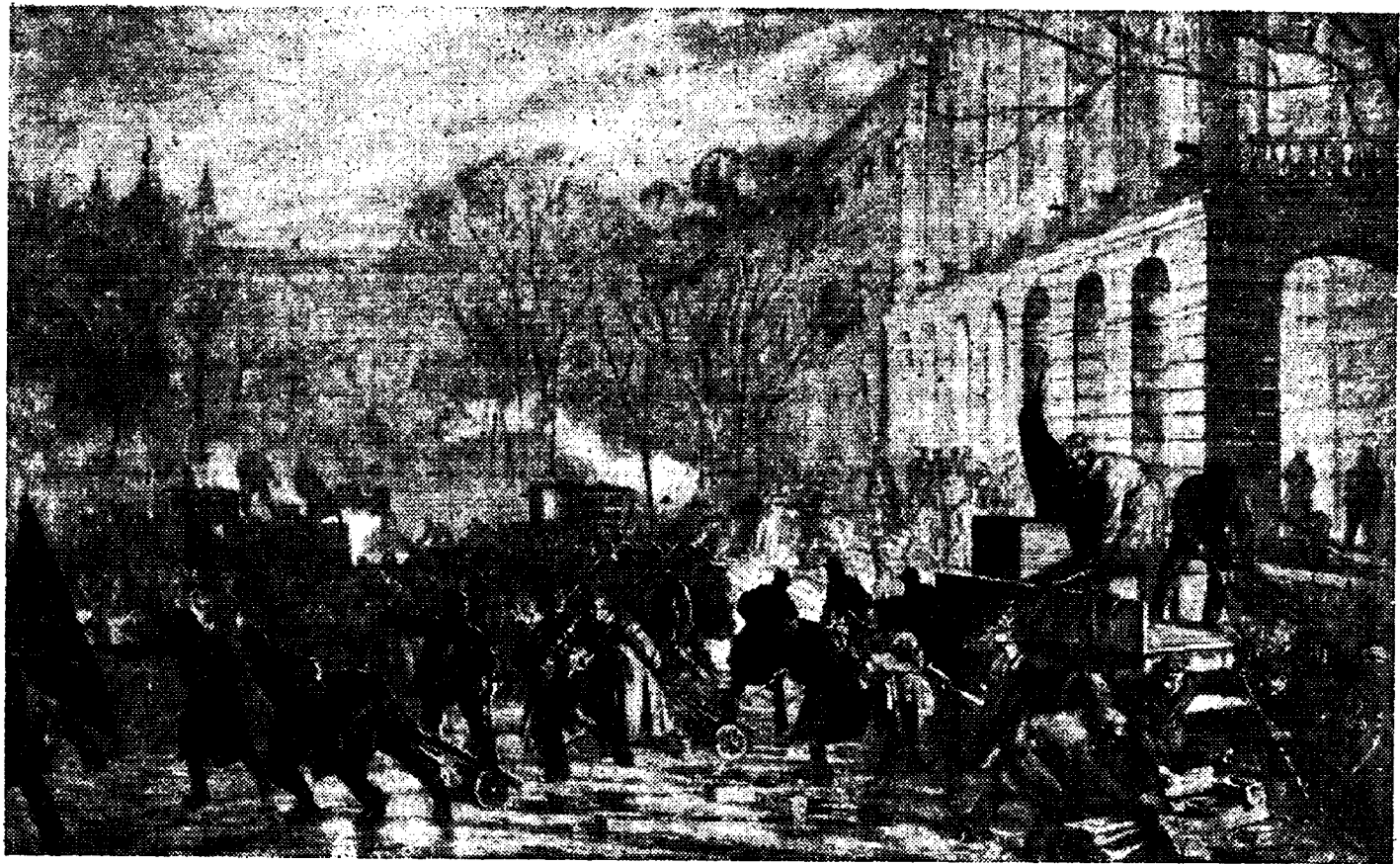
И, как правило, обязательным пунктом всех рабочих резолюций являлось требование вооружения рабочих, усиления пролетарской Красной гвардии.

Широкие слои трудящихся знали теперь, что выход из войны, нищеты и голода — только в переходе власти к советам рабочих и солдатских депутатов. Они ясно понимали необходимость вооруженного восстания и были готовы идти на смерть ради победы пролетарской революции.

Легализованной в дни корниловского мятежа, вооруженной не только за счет спрятанного, но и вновь приобретенного оружия Красной гвардии не приходилось больше маскироваться и скрываться: она открыто вооружалась и обучалась, готовясь к грядущим боям.

Красная гвардия на этом этапе «прямого подхода революции к диктатуре пролетариата путем восстания» (И. Сталин) становится доподлинным органом вооруженного восстания.

«За власть советов». С карт. В. Кузнецова (первая выставка ленинградских художников. 1935 г.).

4

Огромное внимание уделяли Красной гвардии в предоктябрьские дни и недели петербургская организация большевиков и военка.

Десятки инструкторов, посланных военной организацией большевиков (военка), руководили заводскими и районными красногвардейскими организациями. На 79 фабриках и заводах Петрограда в сентябрьские дни 1917 года происходили регулярные военные занятия под руководством инструкторов военки¹.

Красногвардейские ячейки на фабриках и заводах объединяли десятки и сотни пролетариев. Они пользовались всеобщим вниманием и любовью рабочего класса.

«Мастерская превратилась в лагерь,— пишет красногвардеец Франко-русского завода Ракитов.— Войдешь в мастерскую — за станками стоят токаря, через плечо подсумок, винтовка у станка. В слесарной, в углу, стоит куча винтовок, у слесарей тоже надеты подсумки... За час приблизительно до окончания работы приходят десят-

¹ С. Венцов и С. Белицкий «Красная гвардия», стр. 30. Госвоениздат. 1924.

ники и указывают, кто куда назначен. Гудок. Винтовка на ремень — и по назначению. Выйдешь на двор — уже построились и ждут инструктора. Пришел. Начинается ученье. Взглянешь на рабочее войско, как оно разлообразно. Стоят рядом рабочий с бородой и ученик-мальчик, и оба внимательно слушают инструктора. Сколько желаний, сколько решимости и смелости в их глазах, и с какой охотой они маршируют и делают ружейные приемы после трудового дня!»².

Красногвардейцы изучали особенности города, его улиц и кварталов, места расположения опорных пунктов контрреволюции. Изучалась тактика новой баррикадной борьбы на основе опыта декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году. Изучались тактика боевых действий, техника пулеметной, артиллерийской стрельбы и т. д.

Так, изо дня в день, вооружаясь и обучаясь, Красная гвардия Петрограда готовилась к последнему, решительному бою за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата.

Петроградская Красная гвардия имела руководящий штаб — центральную комендатуру. Во главе каждого райо-

² «Красная летопись» № 6, стр. 185. 1923.

на стоял районный комендант. Но все же единой системы в организации Красной гвардии во всем Петрограде еще не было. И задача заключалась в том, чтобы придать Красной гвардии силу большевистской организованности, стойкости и дисциплинированности, превратив разрозненные красногвардейские отряды и ячейки в единую общегородскую организацию с единой системой организации сверху донизу, с единым, централизованным руководством. На помощь центральной комендатуре Красной гвардии пришла в первую очередь военная организация большевиков, разработавшая проект устава Красной гвардии для общегородской конференции. Газета военной организации большевиков «Солдат» изо дня в день на своих страницах давала указания рабочим районам, как надо строить Красную гвардию, как обучать ее военному искусству, и т. д.

6 сентября в «Солдате» были опубликованы схемы организации рабочих дружин и памятка красногвардейца, которые впоследствии наряду с уставами Красной гвардии Выборгского и Нарвского районов были положены в основу общего устава Красной гвардии Петрограда.

19 сентября «Солдат» писал:

«Для того чтобы вооружение рабочих было настоящим делом, а не пустыми словами, нужно, чтобы товарищи рабочие и солдаты сами проявили и большой интерес и большое участие к этому делу и в этом деле.

Для этого нужно, чтобы товарищи члены рабочей гвардии требовали в каждом районе от своих выборных начальников созыва общегородского совещания (конференции) представителей всех уже действующих дружин.

Это совещание необходимо потому, что уже давно нужно выработать и принять на такой общегородской конференции устав рабочей Красной гвардии»¹.

По решению Петербургского комитета вопрос о Красной гвардии был включен в повестку дня III общегородской конференции петербургской организации РСДРП(б).

¹ «Солдат» № 29 от 19 сентября 1917 года.

13 октября исполнительная комиссия Петроградского комитета опубликовала от имени конференции резолюцию о Красной гвардии. В резолюции конференция указывала, что всеобщее вооружение народа является в настоящее время ближайшей практической задачей, которую выдвигает перед пролетариатом большевистская партия. Организуя Красную гвардию, партия рабочего класса не только создаст вооруженные, боевые кадры революции, но практически осуществляет всеобщее вооружение народа.

Конференция указывала, что Красная гвардия, являясь беспартийной организацией, должна быть подчинена руководству Петроградского совета (к этому времени уже большевистского), а на местах — руководству районных советов рабочих и солдатских депутатов. Вместе с тем конференция указывала, что «непременным условием успешности создания и функционирования Красной гвардии» является «преобладающее влияние нашей партии в рядах Красной гвардии».

В последнем пункте резолюции конференция обращала внимание Петроградского комитета и военной организации «на всю важность организации Красной гвардии» и выражала твердую уверенность, что большевистский Петроградский совет «возьмет дело создания Красной гвардии в свои руки»².

Директивы Петроградского комитета большевиков были положены в основу всей работы районных партийных организаций.

Под руководством районных комитетов большевиков в первой половине октября почти во всех районах Петрограда происходили конференции Красной гвардии, на которых оформлялись красногвардейские организации районов, принимались уставы Красной гвардии и избирались руководящие центры районов — районные штабы Красной гвардии.

2 октября 1917 г. по поручению райкома РСДРП(б) Выборгский райсовет создал организационную комиссию по созыву районной конференции Красной гвардии.

² «Рабочий путь» № 35 от 13 октября 1917 года.

7 октября в доме № 62, по Большому Сампсониевскому проспекту, открылась конференция Красной гвардии Выборгской стороны.

На конференции присутствовали 29 делегатов от 22 фабрик и заводов Выборгской стороны, по одному представителю от райкома РСДРП(б), союза социалистической молодежи, исполкома Выборгского районного совета и бюро центральной комендатуры Красной гвардии.

Конференция заслушала доклад организационной комиссии, обсудила доклад о целях и задачах Красной гвардии, приняла устав, избрала районный штаб Красной гвардии и потребовала немедленного созыва общегородской конференции Красной гвардии.

По данным докладчика организационной комиссии, на 27 заводах Выборгской стороны насчитывалось 4084 красногвардейца. Общее же количество красногвардейцев по району было гораздо больше, так как 16 заводов не представили сведений. Таким образом, Красная гвардия Выборгской стороны в этот период насчитывала больше 5000 человек.

Кроме боевых дружин на предприятиях района существовали и санитарные отряды в количестве 117 человек (104 женщины и 13 мужчин).

Устав, принятый на октябрьской конференции Красной гвардии Выборгской стороны, следующим образом формулировал цели и задачи Красной гвардии: «Красная рабочая гвардия есть средство защиты рабочих, крестьян и всех угнетенных капиталом граждан общества от гнета, насилий и произвола буржуазии»¹.

«Красная гвардия есть средство защиты...» — эта формулировка целей и задач Красной гвардии целиком соответствовала оригинальной особенности большевистской тактики в предоктябрьские дни, заключающейся в том, что «революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны...»².

Устав Красной гвардии Выборгской стороны, формулируя практические задачи Красной гвардии, исходил из ленинской идеи о всеобщем вооруже-

нии народа и в первую очередь — пролетариата. В уставе подробно рассматривался вопрос об обязанностях красногвардейца. От каждого красногвардейца требовалась железная, большевистская дисциплина, умноженная на высокую классовую сознательность. Разработанная конференцией, организационная структура Красной гвардии действительно делала возможным превращение отдельных красногвардейских отрядов в организованную, боевую и сплоченную армию пролетарской революции.

Выборгская сторона шла впереди других районов Петрограда. Но и в остальных рабочих районах работа партийных ячеек и коллективов по организации Красной гвардии ни на минуту не ослабевала.

Деятельность руководящих органов Красной гвардии в эти предоктябрьские дни была сконцентрирована вокруг одной цели — «составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф, телефон и прочее) с лозунгом: «погибнуть всем, но не пропустить неприятеля»³.

Благодаря этой огромной работе Петербургского комитета большевиков, партийных районов и большевистских коллективов на местах к середине октября 1917 г. в Петрограде находилось под ружьем до 12 000 красногвардейцев.

По отдельным районам они распределялись следующим образом⁴:

Р а й о н ы	К о л и ч. ч е л.
Выборгский	5 000
Василеостровский	1 000
Петроградский	1 000—1 200
Обуховский	1 400
Шлиссельбургский	200—250
Петроградский	600—800
Московский	800—900
Пороховский	300—400
Охтинский	500

Их количество во много раз увеличилось в дни непосредственных баррикадных боев.

К выполнению директивы III общегородской партийной конференции о Красной гвардии приступил и Петроградский совет рабочих и солдатских

¹ «Солдат» № 50 от 13 октября 1917 г.

² Сталин «Об оппозиции», стр. 114. Гиз. 1928.

³ Ленин. Т. XXI, стр. 320.

⁴ Е. Пинежский «Красная гвардия», стр. 64. Партиздат. 1933.

Знамена петроградской Красной гвардии.

депутатов. Завоеванный большевиками, он много сделал в эти предоктябрьские дни для организации Красной гвардии Петрограда.

10 октября при исполнительном комитете Петроградского совета был создан отдел «рабочей гвардии».

Задача этого отдела заключалась в том, чтобы сосредоточить в своих руках работу по организации в районах Петрограда красногвардейских отрядов, во-первых, и немедленно приступить к подготовительной работе по созыву общегородской конференции Красной гвардии — во-вторых.

В специальном письме к районным советам Петрограда предлагалось оказывать красногвардейским организациям всяческую помощь — как людьми, так и денежными средствами.

Накануне созыва общегородской конференции Красной гвардии исполнительный комитет совместно с центральной комендатурой вторично обратились к районным советам Петрограда, предлагая им взять на себя всю работу по организации конференции, делегированию представителей и т. д.

Вечером 22 октября открылась об-

щегородская конференция Красной гвардии Петрограда¹.

На ней был принят устав Красной гвардии, который целиком отражал собой атмосферу бурных дней кануна Великой пролетарской революции. Он создал стройную, сплоченную сверху донизу боевую организацию пролетарской революции.

Конференция завершила ту огромную работу, которую проделала петербургская организация большевиков в течение всего периода мобилизации сил для свержения буржуазии.

Накануне вооруженного восстания петроградская Красная гвардия насчитывала до 20 000 организованных, дисциплинированных, сплоченных бойцов, готовых отдать жизнь для победы пролетарской революции.

Петроградская Красная гвардия — детище партии Ленина — Сталина. Ее победы являлись победами всего рабочего класса и всех трудящихся. Ее борьба на октябрьских баррикадах Петрограда — непревзойденный образец для всего мирового пролетарского движения!

¹ Заседание конференции происходило в помещении совета 1-го городского района, Литейный проспект, дом № 3.

ПЕРВЫЕ ДНИ НОВОЙ ВЛАСТИ

К. Никифорова

БОРЬБА ЗА ТЕЛЕГРАФ

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

1

Во Владивостоке власть в руки советов перешла в декабре 1917 г. Ответом на это было появление во Владивостокском порту в конце декабря — начале января об'единенной союзной эскадры.

Несмотря на это владивостокский совет приступил к развертыванию усиленной советизации в городе и области: введению рабочего контроля на предприятиях, назначению комиссаров в государственных и частных банках и т. д. Эти мероприятия вызвали ярое сопротивление со стороны буржуазии и мелкобуржуазных кругов, руководимых меньшевиками и эсерами. Сопротивление буржуазии было дружно поддержано союзниками, местными генеральными консулами и их сотрудниками.

Так, 27 декабря консульский корпус обратился с коллективным протестом против постановления совета о роспуске городской думы, замены начальника владивостокской таможни и торгового порта представителями рабочих, против охраны Красной гвардией тишины и порядка в городе и в особенности против учреждения рабочего контроля.

Консульский корпус вмешался так-

же и в вопросы продовольственного снабжения населения. Владивосток и Приморская область снабжались тогда привозным хлебом из Манчжурии — запасы хлеба во Владивостоке и области были очень ограничены. Зная это, консульский корпус в качестве репрессии против совета добился от китайских властей закрытия русско-китайской границы. Только после того как владивостокский совет издал приказ о прекращении выдачи хлеба иностранным подданным — а их во Владивостоке было большое количество, особенно китайцев, — граница вновь была открыта.

В такой сложной политической обстановке, когда международное положение Владивостока было очень тревожным и когда особенно было необходимо иметь самую тесную связь с Советом народных комиссаров для подробной информации о положении на Дальнем Востоке, почтово-телеграфные чиновники под руководством меньшевиков и эсеров повели активную борьбу против владивостокского совета, всячески препятствуя ему в связи как с местами, так и с центром.

Так например, когда председатель владивостокского совета тов. Суханов был вызван Советом народных комиссаров к прямому проводу, начальник телеграфной конторы не сообщил об этом совету. Телеграфные чиновники беспрепятственно распространяли по всему краю клеветнические телеграммы о действиях владивостокского совета; были приняты и разосланы по всему Дальнему Востоку воззвания генерала Каледина. Эти контрреволюционные действия вызвали сильное возмущение в рабочих массах. Не была передана владивостокскому совету и телеграмма харбинского совета о разоружении советского гарнизона. Наглость распоясавшихся контрреволюционеров пошла еще дальше: была отправлена Центральному комитету Сибирской флотилии и командирам союзной эскадры якобы от имени владивостокского совета провокационная телефонограмма следующего содержания: «13 марта с. г. к 10 часам утра изволят прибыть американские, японские и английские представители кораблей, находящихся на рейде в настоящее время, для обсуждения вопросов в весь-

ма срочном порядке о секретном обстоятельстве. Председ. исп. комитета К. Суханов»¹.

Суханов, никогда не посылавший такой телефонограммы, вынужден был давать соответствующее объяснение командирам и начать срочное выявление источника, откуда исходит эта провокация.

Как на почте, так и на телеграфе против советов продолжалась усиленная контрреволюционная агитация. Действовали, главным образом, чиновничьи верхи во главе с председателем подпольного стачечного комитета — чиновником 1-го разряда Судаковым. Членами его были: председатель комитета почтово-телеграфных служащих — тоже чиновник 1-го разряда — Попов, начальник телеграфа Чеславский, начальник почты Радецкий и близко стоящие к ним чиновники первых разрядов. Стачечный комитет был избран по распоряжению центра — Потеля² — на случай объявления все-российской забастовки по поводу разгона Учредительного собрания. Контрреволюционным руководством было дано приказание чиновникам — не давать большевикам возможности связываться с местами и центром и всячески мешать работе совета.

Поддавшись контрреволюционной агитации и опасаясь увольнений, которыми им угрожали, большинство чиновников начало действовать тоже против советской власти. Комитет служащих пустил среди почтовиков и телеграфистов анкету «Кто за советы, кто против?» На телеграфе за советы подписалось только 11 рассыльных и один механик Бахур, а на почте — 6 чиновников и все почтальоны, за исключением одного. Список подписавшихся за советскую власть был вывешен на черную доску.

Несмотря на контрреволюционное настроение на телеграфе и почте Владивостока совет попытался наладить нормальные отношения с чиновника-

ми, предложив комитету почтово-телеграфных служащих послать своего представителя в исполнительный комитет совета для постоянной связи. Комитет почтово-телеграфных служащих ответил на это отказом. Тогда совет развернул среди чиновничества широкую агитационную работу: на специально созванных на телеграфе и почте собраниях выступали от совета, призывая основную массу низших чиновников прекратить саботаж, т.т. Суханов, П. Никифоров, С. Гроссман. Однако эти попытки не встретили отклика, наоборот, предпринятые шаги к совместной работе были оценены как слабость совета, и чиновники окончательно обнаглели.

Вслед за этим комитет почтово-телеграфных служащих постановил: «Не предоставлять прямого провода совету, и если провод будет насильственно занят, отказаться от его обслуживания и объявить стачку».

Считая, что совет все же попытается занять почту и телеграф вооруженной силой, председатель стачкома Судаков обратился за помощью на случай стачки к городской и земской управам и к биржевому комитету.

Владивостокские биржевики были растроганы «патриотическим героизмом» чиновников и обещали им всяческую поддержку. С той же просьбой выступил Судаков и на общем собрании торговопромышленников, где он был встречен горячими аплодисментами.

Видя, что оставлять телеграф и почту в руках саботажников дальше невозможно, совет решил во что бы то ни стало взять их под наблюдение и назначить туда своих комиссаров. Требование совета о предоставлении прямого провода и намерение назначить на телеграф и почту комиссаров стачком поставил на обсуждение всех почтово-телеграфных служащих. Собрание было созвано в большом зале почтовых операций. Присутствовало более 500 человек из центрального телеграфа и почты и 4 почтово-телеграфных отделений в городе.

Представителем от совета на собрание явился зампредела исполнительного комитета тов. Никифоров. Его одежда: арестантский бушлат, в котором он вышел с каторги, и тяже-

¹ «Крестьянин и рабочий», объединенный орган исполбюро приморского областного совета крестьянских депутатов и владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов № 27 от 13/III 1918 г. Владивосток.

² Центральная профсоюзная организация почт и телеграфов.

Здание главного почтамта во Владивостоке.

лые сапоги — вызывала у чиновников насмешки и пренебрежение. Никифоров, взобравшись на стол, коротко обрисовал картину антисоветских настроений почтово-телеграфных чиновников и их ненормальное отношение к совету и объявил, что совет решил для обеспечения связи с Советом народных комиссаров и с местами, а также для пресечения использования телеграфа в контрреволюционных целях поставить на почту и телеграф своих комиссаров. Заявление представителя совета было встречено враждебными выкриками:

— А что вы сделаете, если мы все не выйдем на работу?

Никифоров оглядел волнующихся чиновников и спокойно ответил:

— Мы всех бастующих уволим как саботажников.

— Правильно! — раздалось со стороны почтальонов и рассыльных.

Председатель стачкома Судаков, протолкавшись к Никифорову, стал яростно на него наступать:

— Кто вы такие? Узурпаторы! Захватчики! Кто вам дал право диктовать нам условия?

— Да, да! Кто вы такие? — зашумела толпа чиновников.

— Мы власть и распорядимся телеграфом как нам надо, — ответил представитель совета.

Чиновники окончательно взбесились и толпой кинулись на него.

У кладовых, которые были рядом с залом, стояли вооруженные шашками и револьверами почтальоны. Видя, что Никифорову угрожает опасность, они бросили посты и двинулись ему на помощь.

Почтальоны и рассыльные всей массой стали наступать на чиновников, стараясь их оттеснить от стола. Последние, увидя вооруженных почтальонов, отступили и стихли.

Воспользовавшись наступившей тишиной, представитель совета громко заявил:

— Сегодня на почту и телеграф будут поставлены комиссары. И тот, кто завтра не явится на работу, будет уволен. Руководители стачки будут арестованы. Решайте.

После этих слов он сошел со стола и, держа руку в кармане, через ряды расступившихся чиновников направился к выходу.

Как только Никифоров вышел, Судаков забрался на стол и, вытирая лицо носовым платком, истерически обратился к собранию. Он внес предложение сейчас же решить и объявить стачку.

— Кто за стачку, пусть отойдет направо, а кто за большевиков — направо! — потребовал он.

Ярые враги советской власти решительно двинулись направо; колеблющиеся, неуверенно потоптавшись на месте, тоже потянулись за ними; почтальоны и рассыльные двинулись налево. Вместе с ними отошли влево 7 телеграфистов, 6 почтовиков, в том числе я, и единственный из технического персонала — механик Бахур.

Видя результаты голосования, руководство чиновников стало еще самоувереннее. Судаков объявил, что все бастующие жалованием обеспечиваются, так как «кое-кто позаботится об этом», — добавил он многозначительно.

Стачка началась.

2

Чиновникам было известно, что меньшевистская городская управа, торговая палата (в которую входили иностранцы купцы), биржевой комитет и стачечные комитеты служащих Добровольного флота, государственного банка, таможни и других правительственных учреждений были тесно связаны между собой и что ими был решен вопрос об объявлении всеобщей городской стачки против советской власти. Стачку должны были начать почтово-телеграфные чиновники. Саботажники распространяли по городу слухи, что если начнется всеобщая забастовка и жизнь города замрет, то торговая палата предложит японцам, якобы для охраны порядка в городе, высадить десант, что должно было послужить началом широкой интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке.

В тот же вечер, т. е. в день общего собрания почтовиков и телеграфистов, 12 марта, исполнительный комитет совета решил: «Поставить на телеграф и почту советских комиссаров. В целях сохранения почтово-телеграфного имущества, на случай забастовки почтово-телеграфных служащих, поставить на почту и телеграф военный караул»¹.

Ночью назначенные комиссары на телеграф — тов. Д. Мельников — и на почту — один из молодых почтовиков — с отрядом вооруженных красно-

гвардейцев заняли эти учреждения. Как только красногвардейцы появились на всех ответственных участках телеграфа, председатель комитета почтово-телеграфных служащих Попов собрал телеграфистов и зачитал им постановление стачкома о прекращении работы. Чиновники бросили работу и ушли, успев известить все крупные станции, что телеграф захватили большевики и разрушают связь и что это может послужить поводом к началу интервенции.

Саботажники успели сделать несколько серьезных повреждений в аппаратной и аккумуляторной и утащили с собой схемы станций и батарейной.

Утром в советских газетах появилось объявление исполнительного комитета, которое было расклеено по городу. В объявлении говорилось:

«Ввиду саботажа почтово-телеграфных служащих, объявивших забастовку, во всех учреждениях почтово-телеграфного ведомства г. Владивостока срочно требуются граждане, знакомые с почтово-телеграфным делом, для замещения свободных мест. Товарищи и граждане! Спешите прийти на помощь рабоче-крестьянскому правительству! Совместно с частью почтово-телеграфных служащих, оставшихся верными революции, мы сможем прекратить забастовку, руководимую кучкой чиновников»².

А на почте и телеграфе был вывешен следующий приказ исполнительного комитета: «Ввиду назначения на почту и телеграф советских комиссаров стачечный комитет почтово-телеграфных служащих объявил стачку. Исполнительный комитет считает настоящую стачку контрреволюционным выступлением против советской власти. Считая, что объявленная стачка наносит вред государству и обществу, исполнительный комитет предписывает всем служащим приступить к несению своих обязанностей 13 марта с 8 часов утра».

Придя утром на почту, я застала там толпу чиновников, скопившихся в том же зале, где происходило накануне собрание. Они читали объявления и шумно обсуждали события ночи.

¹ «Крестьянин и рабочий» № 29 от 13/III 1918 г. Владивосток.

² Там же.

Красногвардейцы выгоняют из здания почтамта саботажников.

Красногвардейцы, занявшие посты на почте, у кладовых, озлобленно следили за шумевшей толпой, состоявшей из чиновников и посетителей, пришедших сдавать и получать письма, посылки, переводы, и т. д. Многие из них беспокойно спрашивали, скоро ли начнут работать.

Шум и толкотня в зале стояли невероятные. Буржуазная часть посетителей относилась к стачке сочувственно; рабочие же, которые пришли специально для того, чтобы узнать, как обстоят дела на почте, резко осуждали бастующих, называя их саботажниками и предателями революции.

Через зал почтамта с довольной физиономией прошел начальник почты Радецкий. Он, повидимому, в успехе стачки не сомневался. Но когда он поднялся на второй этаж и хотел пройти в свой кабинет, красногвардейцы его туда не пустили. Я и ряд других товарищей, выяснив, сколько из числа почтовых служащих являются сторонниками совета, совместно с почтальонами устроили небольшое совещание, на котором стали обсуждать, как целесообразнее использовать наши маленькие силы на почте. Было решено на некоторые операции

вместо чиновников посадить старых, опытных почтальонов, которые хотя и опасались, что не справятся с работой, но все же взялись за нее. На почте нас, почтальоников, кроме почтальонов, было 6—7 человек. Эта группа с полутрамотными почтальонами должна была выполнять работу, которую раньше вели около 100 человек. Больше всего посетителей скопилось у отдела—до востребования, заказных писем, продажи марок. Двое почтальонов и я пошли в отдел «до востребования», в котором было 3 окошка. Чиновники пытались не допустить нас к месту работы, но вооруженный почтальон расчистил нам дорогу. Саботажники посторонились. Заняв свои места и наскоро подобрав письма по алфавиту, мы приступили к работе. На нас посыпались ругань, угрозы и упреки со стороны чиновников и большинства посетителей. Рабочие, которых было немного, были на нашей стороне и горячо нас защищали.

Остальные товарищи, тоже совместно с почтальонами, открыли ряд других операций, и количество посетителей постепенно рассосалось.

Во время перерыва в работе, от 2 до 5 часов, мы пошли в отдел экспе-

диции, разобрали прибывшую почту, запаковали, составили ведомость и отправили принятую корреспонденцию, посылки и т. д. Затем, по окончании работы, т. е. после 7 часов вечера, все остались на ночь приводить в порядок накопившуюся почту. Я же как телеграфист пошла на помощь на телеграф, находящийся от почтамта в 15 минутах ходьбы, на Китайской улице. Когда я подошла к зданию телеграфа, толпа чиновников, стоявшая у входа, встретила меня руганью и угрозами.

Предъявив красногвардейцам пропуск, я прошла на телеграф. Если на почте почтальоны могли оказать большую помощь, заменяя на некоторых операциях чиновников, то на телеграфе дело обстояло хуже: там нужны были специалисты, умеющие работать на аппаратах. Рассыльные в аппаратной помочь не могли, но они заменили чиновников, работавших в экспедиции телеграфа. Кроме 7 телеграфистов, заявивших на собрании о готовности работать, утром, после объявления исполкома, к ним присоединились еще 2—3 человека. Большие залы трех аппаратных казались пустынными; десяток работающих терялся среди аппаратов.

Чиновники, бросая работу, совершили несколько серьезных повреждений, но механик тов. Бахур вместе с электромехаником Владивостокского порта тов. Бовтом исправили их, и главные провода начали работать. Особое внимание было обращено на провода с Японией, Харбином, Иркутском, Хабаровском. Комиссар тов. Мельников, бывший телеграфист, хорошо знал телеграфное дело и сам работал как машина, не поддаваясь утомлению, несмотря на то что совсем недавно вернулся с каторги, где пробыл много лет. Из работавших на телеграфе во время стачки помню следующих товарищей: Мешкова, Корнера — 70-летнего старика, хорошо знавшего английский язык, Бахура и одного из опытных юзистов телеграфа — тов. Васильева. Бахур работал за механика и телеграфиста. На него также было временно возложено исполнение обязанностей начальника телеграфной конторы. Тов. Бовт, перед тем как придти работать на телеграф, был занят какими-то электроустановками в здании владиво-

стокского совета; тов. Мельников, увидя его там, подошел к нему и спросил, не сможет ли он чем-либо помочь на телеграфе. Тов. Бовт ответил, что кроме того, что он электромеханик, он еще и телеграфист и, если нужно, то сейчас же пойдет работать на телеграф. Тогда ему выдали в совете наган и пропуск, и тов. Бовт немедленно отправился на помощь телеграфистам. В это время на телеграфе шла напряженная работа. Нужно было в первую очередь наладить прием и отправку депеш иностранных консульств. Это необходимо было сделать, чтобы не давать консульскому корпусу поводов к протестам и обвинению советов. Консульства неустанно следили за работой телеграфа; консулы даже лично приходили справляться, отправлены ли их телеграммы.

В течение первых пяти дней стачки никто из работающих не выходил из аппаратной, проводя там дни и ночи. Питание нам приносили.

Я иногда ходила на почту, чтобы помочь там, а затем снова возвращалась на телеграф. Чиновники встречали меня во время этих переходов на улице, грозили побить и даже убить.

В совете мне дали револьвер, с которым я не расставалась во время стачки. Работая на почте, я клала револьвер перед собой на стол. На тов. Бахура чиновники особенно злились, так как из всех механиков он работал один.

Все ответственные участки телеграфа охранялись красногвардейцами, ими же охранялся и вход в телеграф. Красногвардейцы и рабочие поддерживали нас и открыто выражали свое сочувствие. Советская печать воодушевляла нас, сообщая о работе почты и телеграфа и отмечая наше боевое состояние.

На следующий день после объявления стачки были арестованы все руководители ее: Судаков, председатель стачкома; Попов, председатель комитета почтово-телеграфных чиновников; Чеславский, начальник телеграфа; Радецкий, начальник почты; Чурсин, чиновник; Беркис, заместитель Радецкого. Все они были заключены в тюрьму.

На поддержку бастующим чиновникам и против ареста их главарей вы-

ступила вся враждебная советам печать Владивостока, включая меньшевистскую и эсеровскую. Статьи, полные клеветы и злобы, заполняли в эти дни их газеты. Городская дума и земство совместно с меньшевиками и эсерами устроили экстренное заседание, на котором вынесли такую резолюцию: «Обсудив на совместном заседании вопрос о вторжении на почту и телеграф группы солдат, посланных исполнительным комитетом, выражают свой протест против этого насильственного акта, а также против ареста начальников почтовой и телеграфной контор и председателя почтово-телеграфного комитета, отказавшихся подчиниться незаконному распоряжению исполнительного комитета о предоставлении ему прямых проводов для переговоров»¹.

Этот позорный документ подписали председатель земской управы А. Медведев, председатель городской управы Агарев, Семешко, Соловьев и др.

Меньшевистская газета «Далекая окраина» поместила обращение стачечного комитета с призывом не сдаваться и продолжать забастовку. Там же было помещено и обращение собрания делегатов служащих правительственных учреждений, которое призывало служащих всех правительственных учреждений к активной борьбе с насильственными действиями местной советской власти и прекращению работы до освобождения арестованных и отозвания комиссаров из правительственных учреждений².

3

В советской и партийной большевистской печати: «Красном знамени», «Рабочем и крестьянине» — были заполнены целые полосы протестами рабочих против стачки саботажников и требованиями привлечения их к революционному суду.

Рабочие и служащие временных вагонноборочных мастерских и депо «Первая речка» через большевистскую газету «Красное знамя» дали саботажникам следующий достойный

ответ: «С презрением отказать и протестовать против начавшейся забастовки, направленной против советской власти, а с ней и против всего трудового народа». Заканчивается это постановление так: «Знайте же, саботажники, что мы, железнодорожники, стоящие на платформе советской власти, которую мы будем поддерживать, протягиваем свою мозолистую руку тем труженикам, которые не примыкают к забастовке и работают совместно с советской властью, и будем всегда их поддерживать. Да здравствует советская власть!»³.

Грузчики Владивостокского порта на своем собрании постановили: «Признавая, что все забастовки трудового народа были вынуждены голодом или невыносимым гнетом капиталистов, признавая, что забастовка чиновников и служащих Добровольного флота, проводимая с целью саботажа, без всякой иной нужды, вносит еще большую разруху и в без того разрушенное хозяйство, постановили: контрреволюционерам — чиновникам почты и телеграфа, служащим Добровольного флота — вынести глубокое порицание, презрение и просить исполнительный комитет СРД принять самые решительные меры к контрреволюционерам, вплоть до предания их революционному суду»⁴.

В ответ на обращение стачечного комитета младшие служащие почты и телеграфа вынесли следующее постановление: «Принимая во внимание, что забастовка объявлена саботажниками-чиновниками, мы, младшие служащие, протестуем против этого поступка чиновников и всецело будем исполнять распоряжения, исходящие от комиссара, назначенного исполнительным комитетом СРД»⁵.

Так все пролетарии Владивостока отвечали на предательскую, контрреволюционную стачку почтово-телеграфных чиновников.

Против стачки чиновников выступило и исполнительное бюро областного совета крестьянских депутатов: «Имея в виду, что почтово-теле-

¹ «Крестьянин и рабочий» № 28 от 14/III 1918 г. Владивосток.

² «Далекая окраина» № 3507 от 15/III 1918 г. Владивосток.

³ «Красное знамя» № 159 за 1918 г. Владивосток.

⁴ «Крестьянин и рабочий» от 4 апреля 1918 г. Владивосток.

⁵ Там же.

графная забастовка создана и организована буржуазно-черносотенными элементами, пытающимися вызвать международные осложнения и вмешательства иностранной буржуазии в наши внутренние дела, против трудового народа Российской советской республики. Деятельность владивостокской почтово-телеграфной конторы в лице ее исполнительных органов имела, безусловно, провокационное направление против интересов трудовых масс, против крестьян, солдат, рабочих и казаков. Выступление областной земской управы и владивостокской городской управы в защиту забастовки признать гнусной поддержкой со стороны земства и города контрреволюционного выступления почтово-телеграфных служащих».

Весь Владивосток сделал за ходом событий на почте и телеграфе; появление телеграмм агентов иностранных консульств во всех газетах, своевременная отправка и прием иностранных не только дипломатических, но и частных телеграмм опровергли распускаемые саботажниками слухи о бездействии телеграфа и заставляли поражаться той четкости, с которой работала небольшая группа и почтовиков и телеграфистов под руководством большевиков, преодолевающая все трудности в создавшейся сложной обстановке.

На улицах, в учреждениях и трамваях злобой дня были разговоры о стачке. У почты и телеграфа митинговали толпы народа; саботажники тоже толкались там. Из зала почтамта они были удалены красногвардейцами на улицу, где шли ожесточенные споры, порой доходившие до драки. Красногвардейцам приходилось разнимать дерущихся. Снимая эти сценки, японцы помещали их в своих газетах и журналах за подписью «Восстание 500 почтово-телеграфных чиновников против советской власти».

На призыв владивостокского совета пришли на почту и телеграф человек двенадцать, знающих почтово-телеграфное дело. Пришло 6 телеграфистов-фронтвиков, и после этого понемногу наше положение стало улучшаться. Вскоре приехала из Хабаровска группа добровольцев — 7 телеграфистов и механиков, и тут уже мы

почувствовали, что наше положение становится крепким.

Видя это, саботажники начали терять свою уверенность, и колеблющиеся стали поодиночке просить принять их обратно на работу.

Следствие об арестованных саботажниках было поручено вести члену исполнительного комитета тов. А. Крастину, выяснившему, что Чеславский и Радецкий похитили из касс 250 тысяч рублей и передали их японскому консулу для хранения как стачечный фонд для выдачи жалованья саботажникам и — на случай бегства за границу — организаторам стачки. Это обстоятельство немедленно же было опубликовано в советских газетах. Саботажники растерялись. Многие из них поняли, что дело пахнет не только уголовщиной, но и государственной изменой. Среди них началось сильное брожение. Стали раздаваться голоса, что их обманули и втянули в авантюру.

Непрекращающаяся работа на почте и телеграфе, арест руководящих работников почты и телеграфа, изменческая связь их с иностранцами внесли замешательство во всю чиновничью среду Владивостока и сорвали готовящуюся всеобщую стачку служащих правительственных учреждений. В связи с этим пошло окончательное разложение в среде бастующих, и они уже группами стали просить о возвращении их на работу.

По указанию совета рабочих и солдатских депутатов, почтальоны, рассыльные и мы, работающие телеграфисты и почтовики, избрали новый комитет почтово-телеграфных служащих. Этому комитету было поручено рассматривать заявления о принятии на работу бастующих. Новый комитет тщательно просеивал возвращающихся, и многим было отказано в приеме. После этого стачка быстро пошла на убыль, и к 8 апреля она была окончательно ликвидирована.

4

Опубликование в печати сведений о том, что японский консул принял похищенные чиновниками деньги, поставило его в очень неудобное положение и вынудило обратиться в совет с

Вступление десанта японских интервентов во Владивосток 1918 г.

объяснением, в котором он заверял, что будто бы совершенно не знал о содержимом переданного ему пакета. После длительных переговоров деньги японским консулом были совету возвращены.

Вскоре представители японского консульства начали вести переговоры с председателем городской управы относительно освобождения из-под ареста начальников почты и телеграфа и о возвращении в эти учреждения чиновников, уволенных новым почтово-телеграфным комитетом.

Между тем ходившие по городу слухи об интервенции начали превращаться в действительность: 29 марта городская управа за подписью городского головы Агарева выпустила провокационное воззвание, в котором после клеветнических обвинений и нападок на совет заявила о своей бессилии охранять порядок в городе и обеспечить неприкосновенность интересов и жизни населения города Владивостока и призывала жителей города поддержать ее в борьбе с анархией. Это заявление было сделано с целью привлечь внимание иностранцев и дать им повод для высадки десантов.

4 апреля было совершено провокационное нападение на экспортную контору Исидо, причем один японец был убит и двое ранены.

На следующее утро во Владивостоке высадился десант японских войск—

2 роты пехотных войск с пулеметами и походными кухнями. Командующий японской эскадрой адмирал Като расклеил по городу воззвание, в котором заявлял, что «он не является противником русской революции и высадил десант исключительно с целью защиты интересов японских подданных и подданных держав соглашения». Вслед за японским десантом, в тот же день, в 2 часа, высадился английский десант.

В ответ на высадку десантов и воззвание адмирала Като краевое бюро большевиков и владивостокский совет выпустили к трудящимся Дальнего Востока обращение, в котором разоблачалось воззвание Като и провокационное воззвание владивостокской городской управы, состоящей из меньшевиков, эсеров и представителей буржуазии.

Товарищи Суханов и Никифоров по прямому проводу сообщили совету народных комиссаров о высадке десантов и создавшейся на Дальнем Востоке политической обстановке. В ответ на эту информацию Владимир Ильич прислал владивостокскому совету телеграмму следующего содержания: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей — не делайте себе иллюзий: японцы, наверное, будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия

союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел.-дор. материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Ленин»¹.

В связи с высадкой во Владивостоке союзных десантов началось наступление белогвардейских отрядов из Харбина на Владивосток и на манчжурской границе. У станций Гродеково, Попраичная, Полтавская образовался фронт. В такой напряженной обстановке начался судебный процесс над саботажниками в революционном трибунале.

8 апреля, с 5 часов вечера, к большому зданию Народного дома, стоявшему на горе, потянулись со всех концов города массы рабочих и населения Владивостока. В Народном доме было назначено заседание революционного трибунала по делу саботажников. Большой зал Народного дома, который вмещал более тысячи человек, хоры, комнаты и коридоры, примыкающие к залу, были переполнены рабочими.

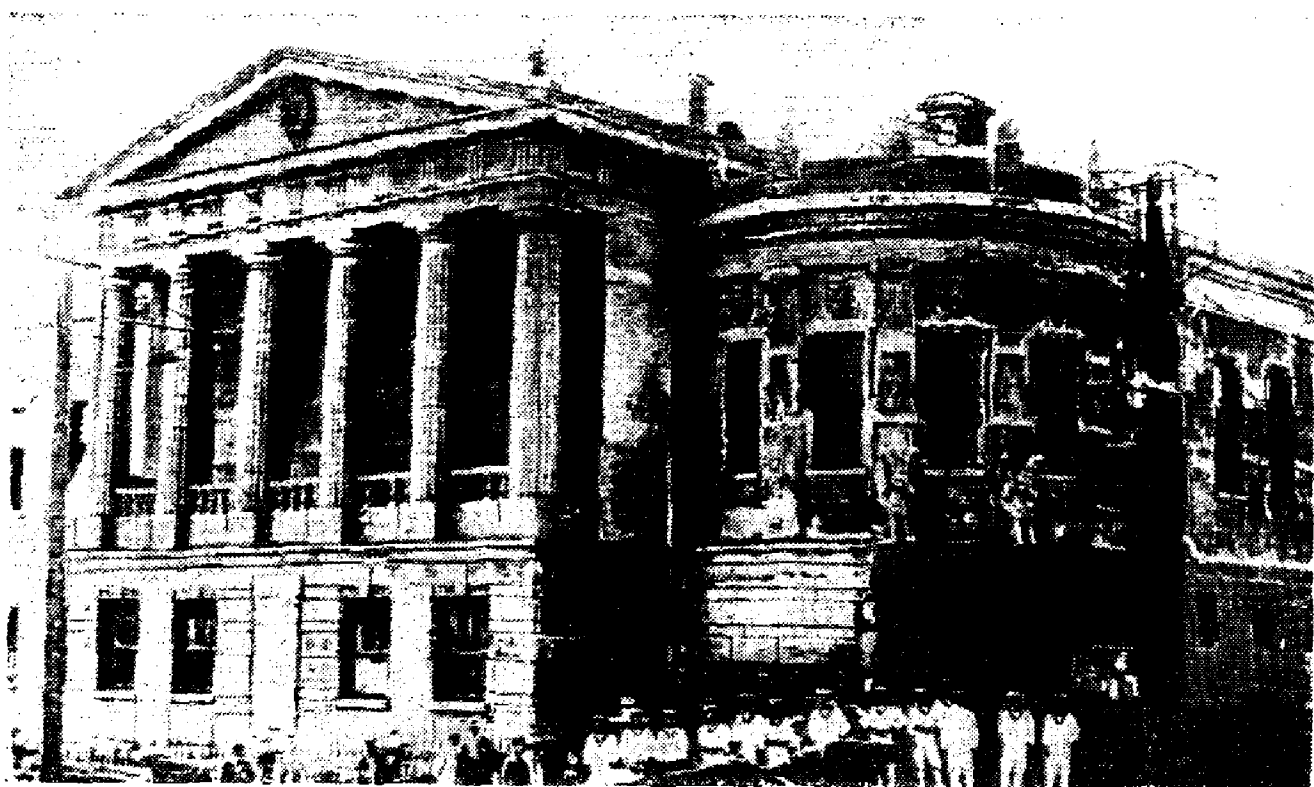
¹ «Хроника гражданской войны в Сибири 1917—1918 г.», стр. 160. Госиздат. 1926.

Грузчики, рабочие временных мастерских, порта, заводов и фабрик составляли главную массу. Толпы рабочих стояли на улице часами, не имея возможности попасть внутрь помещения, но все же стараясь узнать, как проходит судебный процесс.

Когда под конвоем привели саботажников к Народному дому, стоявшие рабочие встретили их криками возмущения и ненависти. В зале тоже поднялся сильный шум, как только рабочие увидели обвиняемых. Крики негодования неслись со всех сторон. Обвиняемые, перепугавшись, попросили председателя трибунала усилить конвой, боясь расправы рабочих над ними.

Революционный трибунал в своем приговоре дал четкую оценку стачке телеграфистов как стачке контрреволюционной и приговорил саботажников к лишению права поступления на государственную службу навсегда. А за похищение государственных сумм и передачу их иностранному консулу предал их уголовному суду.

Такой мягкий приговор революционного трибунала объяснялся тем, что необходимо было учесть сложность внешней политической обстановки Дальнего Востока и уже нависшую над ним интервенцию. Суровое решение, несомненно, вызвало бы вмеша-

Японское консульство во Владивостоке под охраной моряков. 1918 г.

тельство иностранцев, которые ждали предлога для начала своих активных действий. Процесс все же имел огромное агитационное значение для рабочих масс: на нем ярко выявилась предательская роль эсеров и меньшевиков, которые в своих выступлениях показали большую осведомленность относительно намерений союзников.

Лидер правых эсеров Выхристов квалифицировал борьбу совета со стачечниками и суд над ними как «эпизод провинциальной шутки». Однако эта «шутка» явилась не чем иным, как прологом к кровавой интервенции, во время которой погибли тысячи рабочих и крестьян Дальнего Востока.

Через два месяца после суда над саботажниками, 29 июня 1918 г., пала советская власть во Владивостоке, а затем и по всему краю интервенты временно победили. Погибли лучшие борцы-большевики: Константин Суханов, Дмитрий Мельников — и многие из первых красногвардейских отрядов. Многие ответственные работники-большевики были брошены в тюрьму, в чешские лагеря, среди них руководившие борьбой с саботажниками — П. Никифоров и другие.

В день наступления интервентов, 29 июня, на почту и телеграф явились

отстраненные советской властью начальники Радецкий и Чеславский со всей чиновничьей компанией и объявили приказом, что все сторонники советской власти, работавшие во время стачки, увольняются. Начались травля и аресты. Механик Бахур, телеграфисты Мешков и Васильев ушли в сопки, а впоследствии принимали участие в партизанских боях против интервентов и белогвардейцев. Мешков и Васильев погибли в боях.

Один из телеграфистов в сопровождении двух белогвардейцев ворвался в нашу квартиру, намереваясь меня арестовать, но мне удалось убежать и скрыться. Комиссар почты был захвачен на улице, жестоко избит. Остальным, кто не был арестован, пришлось уйти в подполье или же бежать из города.

После свержения колчаковщины, а затем и окончательной ликвидации интервенции все телеграфисты и почтовики, ушедшие в подполье и в сопки и оставшиеся в живых, вернулись работать на почту и телеграф.

Длительная, тяжелая и в то же время героическая борьба трудящихся Дальнего Востока под руководством нашей партии закончилась героической победой.

Н. Большаков

1917 ГОД В ПОДОЛЬСКЕ

1

26 октября 1917 года «Вечерний выпуск московской газеты «Социал-демократ» в отделе «Провинция» сообщал:

«Подольск, Московской губернии, — власть находится в руках большевист-

ской шестерки. Станция, почта, заводы и совет охраняются Красной гвардией. С уездом установлена тесная связь. Настроение бодрое. На улицах с жадностью читаются газеты. Только закончившиеся съезды фабрично-заводских комитетов и волостных управлений вынесли резолюции чисто большевистского характера. Шестеркой послан делегат для установления постоянных сообщений».

Небольшие отряды красногвардейцев, в 4—5 человек, быстро, без сопротивления занимали одно правительственное учреждение за другим. Казначейство, уездная управа, вокзал, заводская электростанция уже были в руках совета.

Четыре человека красногвардейцев арестовали уездного комиссара Вре-

тельство иностранцев, которые ждали предлога для начала своих активных действий. Процесс все же имел огромное агитационное значение для рабочих масс: на нем ярко выявилась предательская роль эсеров и меньшевиков, которые в своих выступлениях показали большую осведомленность относительно намерений союзников.

Лидер правых эсеров Выхристов квалифицировал борьбу совета со стачечниками и суд над ними как «эпизод провинциальной шутки». Однако эта «шутка» явилась не чем иным, как прологом к кровавой интервенции, во время которой погибли тысячи рабочих и крестьян Дальнего Востока.

Через два месяца после суда над саботажниками, 29 июня 1918 г., пала советская власть во Владивостоке, а затем и по всему краю интервенты временно победили. Погибли лучшие борцы-большевики: Константин Суханов, Дмитрий Мельников — и многие из первых красногвардейских отрядов. Многие ответственные работники-большевики были брошены в тюрьму, в чешские лагеря, среди них руководившие борьбой с саботажниками — П. Никифоров и другие.

В день наступления интервентов, 29 июня, на почту и телеграф явились

отстраненные советской властью начальники Радецкий и Чеславский со всей чиновничьей компанией и объявили приказом, что все сторонники советской власти, работавшие во время стачки, увольняются. Начались травля и аресты. Механик Бахур, телеграфисты Мешков и Васильев ушли в сопки, а впоследствии принимали участие в партизанских боях против интервентов и белогвардейцев. Мешков и Васильев погибли в боях.

Один из телеграфистов в сопровождении двух белогвардейцев ворвался в нашу квартиру, намереваясь меня арестовать, но мне удалось убежать и скрыться. Комиссар почты был захвачен на улице, жестоко избит. Остальным, кто не был арестован, пришлось уйти в подполье или же бежать из города.

После свержения колчаковщины, а затем и окончательной ликвидации интервенции все телеграфисты и почтовики, ушедшие в подполье и в сопки и оставшиеся в живых, вернулись работать на почту и телеграф.

Длительная, тяжелая и в то же время героическая борьба трудящихся Дальнего Востока под руководством нашей партии закончилась героической победой.

Н. Большаков

1917 ГОД В ПОДОЛЬСКЕ

1

26 октября 1917 года «Вечерний выпуск московской газеты «Социал-демократ» в отделе «Провинция» сообщал:

«Подольск, Московской губернии, — власть находится в руках большевист-

ской шестерки. Станция, почта, заводы и совет охраняются Красной гвардией. С уездом установлена тесная связь. Настроение бодрое. На улицах с жадностью читаются газеты. Только закончившиеся съезды фабрично-заводских комитетов и волостных управлений вынесли резолюции чисто большевистского характера. Шестеркой послан делегат для установления постоянных сообщений».

Небольшие отряды красногвардейцев, в 4—5 человек, быстро, без сопротивления занимали одно правительственное учреждение за другим. Казначейство, уездная управа, вокзал, заводская электростанция уже были в руках совета.

Четыре человека красногвардейцев арестовали уездного комиссара Вре-

менного правительства Кругликова. Однако начальник милиции Мужилкин, числившийся большевиком, обезоружил красногвардейцев и освободил арестованного комиссара Временного правительства.

Через несколько минут все тот же начальник милиции, получив телефонное сообщение о снятии красногвардейцами милицейского поста на почте, отдал распоряжение о разоружении и этого отряда красногвардейцев.

Положение очень осложнилось, и Кругликов, воспрянув духом, пользуясь сложившейся для него благоприятной обстановкой, пишет наглое воззвание против большевиков. Отпечатанное ночью воззвание 27 октября, рано утром, было расклеено по улицам города.

«Ко всем гражданам города и уезда.

Вчера, 26/X с. г., узурпаторы и захватчики-большевики, — говорилось в этом воззвании, — вооруженной силой захватили казначейство, почту, вокзал, городскую земскую управу. Арестовали меня как уездного комиссара — представителя Временного правительства. Только благодаря своевременным и энергичным мерам, принятым нашей уездной милицией в лице ее начальника Мужилкина, я из-под ареста освобожден, после чего захватчики-большевики были изгнаны из всех правительственных учреждений.

От лица Временного правительства объявляю гражданину Мужилкину и всем милиционерам глубокую благодарность и как уездный комиссар призываю всех граждан города и уезда еще теснее сплотиться вокруг нашей доблестной уездной милиции, для того чтобы дать решительный отпор большевикам как узурпаторам и захватчикам власти.

Да здравствует наше Временное правительство!

Подольский уездный комиссар

Б. К р у г л и к о в.

Подольск, 27/X 1917 года».

Рабочие и красногвардейцы были возмущены изменой Мужилкина и наглостью Кругликова.

В то время как комиссар сочинял воззвание, на снаряжном заводе «Земгор» — заводе Земского и Городского

союзов, где работали мобилизованные солдаты, составлявшие единственную воинскую часть в Подольске, — обсуждался вопрос об отношении солдат, работавших на этом предприятии, к совершившемуся перевороту. Они единогласно постановили приветствовать власть рабочих, солдат и крестьян и отдать себя в полное распоряжение советов. Поздно ночью солдаты вперемежку с рабочими, стройными рядами, под командой председателя солдатского комитета, с пением революционных песен подошли к зданию совета.

Ревком прервал заседание, вышел к подъезду. Здесь не было речей. Председатель солдатского комитета приблизился вплотную к членам ревкома и по-военному отрапортовал: «Товарищи члены подольского ревкома. Если вам нужна наша помощь, мы всегда готовы ее с радостью оказать все как один. Отдаем себя в полное ваше распоряжение».

Товарищ Чижов взволнованным голосом сказал: «Спасибо вам, товарищи солдаты...» — дальше от волнения он говорить не мог. В ответ раздалось дружное «ура».

Ревком собрал все свои наличные силы для решающих действий против Кругликова и начальника милиции Мужилкина. В 12 часов дня, 27-го, ревком письменно предложил им явиться для переговоров, но ни Кругликов, ни Мужилкин не явились. Вечером комиссар Кругликов был арестован солдатами-земгоровцами и отправлен в тюрьму.

А над «большевиком», заслужившим глубокую благодарность от Временного правительства, Мужилкиным, был устроен партийный суд. Мужилкин был исключен из партии, снят с должности начальника милиции и выведен из исполнительного комитета уездного совета, куда он ранее входил как официальный представитель партии большевиков.

Вторично красногвардейцы заняли правительственные и общественные учреждения, но уже без всяких осложнений.

На другой день, рано утром, толпы людей читали воззвания, расклеенные на заборах:

«От Совета рабочих и солдатских депутатов города Подольска.

Товарищи и граждане!

По постановлению Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, Временное правительство соглашателей свергнуто и вся власть находится в руках Совета рабочих и солдатских депутатов. Поэтому местный Совет призывает всех к полному порядку и спокойно продолжать свою мирную работу.

Комиссар Временного правительства Кругликов отстранен от должности, и вся власть находится в руках революционного комитета».

В совете бурлила жизнь; она выходила далеко за стены здания; с массой была установлена тесная связь: приходили солдаты и организованные рабочие.

Около моста через реку Пахру Красной гвардией был задержан подозрительный грузовой автомобиль, направлявшийся в Москву.

Небольшие подозрительные группы в трактирах пытались распространять всякие ложные, провокационные слухи по адресу советской власти: большевики якобы уже свергнуты, члены ревкома арестованы и т. п.

Члены ревкома стали перед фактом необходимости чаще показываться перед рабочими и убеждать их своим появлением, что эти слухи являются контрреволюционной клеветой.

Когда таким путем не удавалось посеять панику среди рабочих, агенты буржуазии изобретали другие пути.

Так, группа учеников реального училища решила ликвидировать советскую власть, причем довольно оригинальным способом: было решено переловить на улице поодиночке всех ответственных работников-большевиков и посадить в подвал, а комиссара Временного правительства Кругликова выпустить. Эта легковесная организация была быстро ликвидирована.

В первые дни советской власти меньшевики притихли, не показывались на собраниях, молча наблюдали со стороны. Когда кто-нибудь из рабочих их спрашивал:

— Кого поддерживаете?

— Мы нейтральны, — отвечали они, — посмотрим, чья возьмет.

Более активно вели себя эсеры, крикливо защищавшие на всех пере-

крестках свергнутое подольское Временное правительство в лице комиссара Кругликова.

2

Советская власть в Подольске установилась прочно, но закрепление ее на длительный срок зависело от Москвы. Октябрьские бои, происходившие в Москве, должны были решить вопрос о власти и в Подольске, который принял в этих боях непосредственное участие.

Еще за несколько дней до 25 октября, т. е. до начала Октябрьской революции, штабом московской Красной гвардии было вызвано из Подольска 10 боевиков. Они вместе с красногвардейцами из районов Москвы составили отряд в 45 человек для перевозки на грузовых автомашинах из Тулы в Москву различного оружия: пулеметов, винтовок, револьверов и патронов. Оружие перевозилось через Подольск, где была мастерская по его сборке и ремонту. В мастерской днем и ночью работали солдаты и рабочие, знакомые с оружейным делом: распаковывали ящики и корзины, собирали оружие, сортировали его, ремонтировали и отправляли в Москву в распоряжение Замоскворецкого районного ревкома.

Первый отряд подольских красногвардейцев, состоявший исключительно из латышей, рабочих завода «Земгор», в составе 45 чел. выехал в Москву вечером 25 октября. Начальнику этого отряда тов. Бергману было приказано нести охрану Моссовета, затем этот отряд получил задание вышибить с Никольской улицы засевших там юнкеров. Отряд успешно выполнил свое задание.

Подольск продолжал организацию помощи Москве.

Вечером 28 октября в подольский ревком приехала представительница Московского окружного комитета партии большевиков с целой пачкой воззваний, которые типографским способом нужно было размножить в Подольске. За эту работу взялись члены ревкома и редактор «Известий» Подольского совета, которые вместе с рабочими типографии быстро выполнили задание.

Представительница Московского окружного комитета большевиков, нагруженная воззваниями, благополучно вернулась в Москву.

29 октября, ровно в 11 часов, тревожный, необычайно долгий гудок на заводе Зингера возвестил рабочим о прекращении работы. Все вышли на двор завода, к обычному месту собраний, к железной лестнице, ожидая объяснений членов совета, заполнивших ее площадку.

Тов. Чижев первый отделился от группы людей, стоявших на площадке лестницы, и сообщил:

— Наш ревком получил телеграмму... Москва просит помощи. На карту поставлен вопрос, быть или не быть советам... Окажем поддержку, поедem в Москву и поможем большевикам и рабочим.

Неожиданно для всех первым выступил мастер маслоразливочного цеха Горнунг. Сильно взволнованный, он сказал всего несколько слов:

— Я от имени служащих заверяю рабочих, что мы готовы пойти на поддержку московской Красной гвардии!

Впоследствии его слова обсуждались на десятках собраний и заседаний. Краткое выступление Горнунга разжевало зингеровских рабочих и служащих на две части: одна часть, во главе с Горнунгом, твердо выступила за советскую власть, другая, во главе с Антоновым, была против нее.

Многотысячный митинг поддержал Горнунга, единодушно высказавшись за активную поддержку московского пролетариата; по окончании митинга рабочие многотысячной толпой направились к зданию совета, на Серпуховскую улицу. У входа образовался новый митинг. Сюда подошли рабочие с завода «Земгор», с цементного завода и других заводов города и уезда.

Ораторы, чтобы их могла видеть и лучше слышать толпа, влезали на плечи рабочих, держались за телефонные столбы.

— Товарищи, буржуазия сделала вызов пролетариату; юнкера и офицеры пытаются повернуть колесо истории назад; они пытаются силой оружия в потоках крови затопить пролетарскую революцию, — так начал свою речь председатель ревкома, блестящий оратор тов. Чижев.

Когда выступал прибывший из Кронштадта матрос, из Москвы доносился далекий орудийный гул.

В этот же вечер отряд в сто человек из рабочих-зингеровцев и солдат завода «Земгор» после напутственного слова тов. Чижева: «Не приезжайте, пока враг не будет окончательно побежден» — пассажирским поездом выехал в Москву.

На другой день утром выехал туда и отряд добровольцев в 400 человек, разбитый на сотни и десятки. Во главе каждой сотни стояли наиболее выдержанные, дисциплинированные и преданные партии большевики, а начальников десятков выбрали сами добровольцы-красногвардейцы. С ними вместе уехал женский санитарный отряд в 20 человек, с небольшой аптечкой и перевязочными средствами. Желающих ехать в Москву было так много, что уезжали не только организованными отрядами, но и рабочие-одиночки.

В эти дни и крестьянская беднота не оставалась безучастной к происходившим в Москве баррикадным боям. Многие крестьяне поехали добровольцами на московские баррикады. Так, из села Каледино рано утром в один из первых дней боев в Москву выехала целая группа бедноты, которая оставалась там до полной победы над юнкерами. Таких добровольцев было много. Большой отряд подольских крестьян был в Москве разбит на три группы. Двум группам был дан приказ занять позиции вдоль Китайгородской стены, от Лубянской площади до Москвы-реки, где в торговых помещениях засели юнкера и офицеры, непрерывно обстреливая близлежащие здания и красногвардейцев. Вторая группа действовала в районе Николаевской (сейчас Октябрьской) железной дороги.

Третья группа пошла по Сретенке, имея направление на гостиницу «Метрополь», затем была переброшена к Боровицким воротам Кремля и вечером 2(15) ноября через эти ворота вошла в Кремль.

Уже неделю длится борьба в Москве. Отряд все еще на московских баррикадах. В совете такое же напряжение, как и в первые дни. Члены ревкома, исполкома, красногвардейцы и многие партийцы, усталые, измучен-

ные от бессонных ночей, днем и ночью находились в совете.

В здании совета рабочие заполнили все проходы и лестницы, огромная толпа стояла на улице, около дверей, ожидая дальнейших распоряжений совета.

Наконец, после взятия войсками Московского военно-революционного комитета Кремля подольские красногвардейцы были отпущены домой, только незначительная часть их осталась для охраны правительственных учреждений.

Подольский ревком устроил красногвардейцам торжественную встречу. С вокзала отряд, окруженный рабочими, прошел к зданию совета, где члены ревкома горячо приветствовали бойцов за героизм, проявленный в борьбе за диктатуру пролетариата.

Под громкие аплодисменты, под звуки оркестра влез на ящик один из вернувшихся из Москвы красногвардейцев. Трехтысячная толпа напряженно ждала, что он скажет. Долго собирался с мыслями товарищ, с чего начать рассказывать о бурных московских днях.

— Товарищи и граждане, — начал он, — недавно вы провожали нас в Москву на бой с юнкерами. Провожая,

многие из вас плакали и в то же время радовались за наш поход на буржуев. Мы свое дело сделали, как подобает рабочим-революционерам. Вернулись живы, здоровы и невредимы. Спасибо за проводы, а еще больше — за встречу, а мы вам гостинчик привезли!

При этом оратор развернул и громко прочитал воззвание Военно-революционного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов: «К о в с е м г р а ж д а н а м М о с к в ы. Товарищи и граждане!

После пятидневного боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены.

Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа».

Повышая голос, красногвардеец прочел заключительные слова возвания:

«...Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своей кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

Слава павшим в великой борьбе!

Да будет их дело делом живущих!»

ЗАГОВОР ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ

**(ОСЕНЬ 1919 г.
В ПЕТРОГРАДЕ)**

1

В плане второго белогвардейского наступления на Петроград осенью 1919 г., являвшегося частью второго генерального похода Антанты против Страны советов, особо видное место отводилось деятельности заговорщиков в тылу красного фронта, внутри самого Петрограда.

Расчет на внутреннюю контрреволюцию был у противника и во время первого весенне-летнего наступления на Петроград. Товарищи Ленин и Дзержинский еще 30 мая 1919 г. в специальном обращении к местным советским и партийным организациям требовали усиления борьбы с внутренним врагом. В этом обращении говорилось: «Наступление белогвардейцев на Петербург с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе широко развиты организации шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций»¹.

Товарищ Сталин, руководивший обороной Петрограда летом 1919 г., в беседе с корреспондентом «Правды» о замыслах противника говорил: «По всем данным противник рассчитывал не только или вернее не столько на свои собственные силы, сколько на си-

лу своих сторонников белогвардейцев в тылу у наших войск, в Петрограде и на фронтах. Прежде всего проживавшие в Питере, так называемые посольства буржуазных государств (французское, швейцарское, греческое, итальянское, голландское, датское, румынское и проч.), занимавшиеся финансированием белогвардейцев и шпионажем в пользу Юденича и англо-франко-финно-эстонской буржуазии. Эти господа швыряли деньгами направо и налево, подкупая в тылу нашей армии все подкупное. Далее, продажная часть русского офицерства, забывшая Россию, потерявшая честь и готовая перекинуться на сторону врагов Рабоче-крестьянской России. Наконец, обиженные петроградским пролетариатом бывшие баловни судьбы, буржуа и помещики, накопившие, как оказалось потом, оружие и ждавшие удобного момента для удара в тыл нашим войскам. На эти силы и рассчитывал противник, наступая на Петроград»².

Эти слова товарища Сталина сохранили полную свою силу и по отношению к планам осеннего похода Юденича на Петроград. Ликвидация петроградского отделения буржуазно-помещичьей контрреволюционной организации, так называемого «Национального центра», обнаруженного летом 1919 г. в связи с антисоветским восстанием на форту «Красная горка», массовые обыски буржуазных квартир и тому подобные мероприятия нанесли серьезный удар по широко разветвленной сети шпионажа и предательства.

Однако дальнейшие события показали, что ряд других конспиративных шпионских организаций не прекратил своего существования и продолжал свою подрывную работу в тылу Петроградского фронта, стремясь обеспечить успех белой армии в борьбе за Петроград.

Героическому пролетариату Петрограда под руководством ленинской партии предстояло нанести сокрушительный, смертельный удар не только военной силе Юденича, но и всей шпионской сети, работавшей в нашем тылу. Это была единая задача, требовав-

¹ «Петроградская правда» № 119 от 31 мая 1919 года.

² «Петроградская правда» № 152 от 10 июля 1919 года.

шая одновременных действий со стороны защитников города.

Осенью 1919 г. шпионаж принял характер грандиозного по своему размаху заговора против социалистической родины.

Галерея заговорщиков-шпионов была чрезвычайно разнообразна: дворяне, буржуа, помещики, купцы, мещане, бывшие офицеры, служители культа. Разнообразны были и их профессии: профессора, педагоги, врачи, инженеры, военные специалисты и т. п. По партийной принадлежности это были монархисты, кадеты, меньшевики, эсеры.

Главным, непосредственным руководителем английской шпионской сети в Петрограде был Поль Дьюкс, долгое время живший в Петрограде. Поль Дьюкс развил энергичную деятельность, на вербовав значительный штат курьеров и агентов, вошел в контакт с «Национальным центром» в Москве, поддерживал другие контрреволюционные организации в Петрограде и т. п. Через его руки проходили все донесения шпионов, которые он систематизировал и отправлял с оказией в Финляндию, к английскому вице-консулу в Гельсингфорсе — Люме. Оттуда корреспонденция шла по назначению дальше.

Одно время (летом 1919 г.) передача шпионских донесений в Петрограде была организована при помощи быстрого английского катера, который имел свою базу в Терриоках. Таких поездок всего было проведено 13.

По поводу такой формы передачи информации командовавший катером английский офицер Эгар писал: «Этим путем мы смогли подконец снабжать адмирала (Вальтера Кована, командовавшего английской эскадрой в Финском заливе.—Н. К.) правильной и надежной информацией о внутреннем положении Петрограда, где мы имели англичанина сэра Поля Дьюкса, который управлял нашей системой с этой стороны»¹.

В конце августа 1919 г. Дьюкс был отозван в Англию для срочного свида-

ния с Гендерсоном, Черчиллем, Ллойд-Джорджем и другими английскими политическими деятелями. Резидентом Дьюкса в Петрограде была оставлена Петровская, врач по профессии, сумевшая пробраться в ряды РКП(б) и состоявшая членом василеостровской районной партийной организации.

Следующая крупная по значимости фигура заговора — Кюрц, темная личность, бывшая во время империалистической войны агентом штаба главнокомандующего армиями Югозападного фронта и работавшая и для России и для Германии. Одним из руководителей заговора, ведавшим военными делами всей организации заговорщиков, являлся бывший полковник Люндеквист. Люндеквист был на службе в Красной армии на различных ответственных должностях. В апреле 1919 г. Люндеквист был назначен командующим Олонецким фронтом, а в июле 1919 г. получил назначение начальника штаба 7-й армии, защищавшей Петроград. В конце сентября Люндеквист получил новое назначение, в качестве начальника штаба 11-й армии, но к месту новой службы не выехал. Получив в Москве месячный отпуск «по болезни», он решил провести его в Петрограде. Наконец, в числе заговорщиков были такие фигуры, как Лихтерман (уполномоченный Реввоенсовета республики по перевозкам инженерных войск, член РКП(б), Лишин (начальник воздушной обороны Петрограда), Медиокритский (бывший полковник, начальник сухопутного оперативного отдела штаба Балтфлота), Рейтер (морской инженер, бывший мичман, состоящий на советской службе в качестве начальника радиостанции «Новая Голландия» на острове Голодай), Лебедев (бывший полковник, инспектор артиллерии Петроградского военного округа), Берг (начальник Ораниенбаумского воздушного дивизиона, по собственному признанию — главный агент английской и белой контрразведки, получавший инструкции из разведочной конторы в Стокгольме и от военного совета в Лондоне), Еремин (начальник отряда Ораниенбаумского воздушного дивизиона), Эрикссон (начальник оперативного отдела штаба Балтфлота), Германович (флаг-секретарь штаба фло-

¹ «Морской сборник» № 1 за 1929 г., стр. 107 — 108. Издание управления Военно-морских сил РККА.

та), Развозов и Бахирев (бывшие адмиралы), и т. д., и т. п.

В заговор были вовлечены многие бывшие офицеры, находившиеся на службе в частях Красной армии, работавшие на фронте и в тылу.

Значительная часть этих людей, снискав себе обманым путем доверие, занимала ответственные советские посты, что давало им возможность усиливать свою гнусную предательскую работу. Петровская, прикрывавшая свою контрреволюционную деятельность партбилетом, создавала видимость активной работы по формированию санитарных отрядов из работниц для посылки на фронт, регулярно посещала заседания райкома и в то же время ежедневно держала связь с заговорщиками. Два сына ее, тоже состоявшие в партии, работали в пользу белых: один — в информационном отделе Поарма 7, другой — в оперативном отделе штаба 7-й армии.

Различные ячейки шпионажа (контрразведка Юденича, английская, французская и др.) объединились для совместной работы. Основной задачей заговорщиков являлась организация восстания в Петрограде при подходе армии Юденича к городу.

2

Вопрос о восстании обсуждался на трех конспиративных совещаниях руководителей заговора под председательством Люндеквиста. На первом совещании, на квартире Кюрца, велись разговоры об открытии фронта 4-м минно-подрывным дивизионом Карпова (стоявшим в Павловске), о взрыве железнодорожных мостов и о силах для организации восстания в самом Петрограде. В результате обмена мнениями заговорщики решили дивизион Карпова держать в своих руках, ограничившись пока организацией взрывов ряда железнодорожных мостов по Октябрьской и Северной дорогам. На этом совещании был выработан план восстания в Петрограде, с ориентировочным распределением обязанностей между членами организации. По докладом «с мест» в восстании могло принять участие 700 — 800 чел., из них 200 уголовников-рецидивистов,

мобилизованных Кюрцем. С этим бандитским отрядом Кюрц взял на себя задачу устроить погром в Петрограде, лично руководить занятием помещения Петроградской чрезвычайной комиссии (Гороховая, 2), взять «Асторию», телефонную, телеграфную и электрические станции, Смольный и т. д.

На третьем совещании заговорщиков, несмотря на то что очередные сообщения «с мест» указывали на уменьшение количества лиц, могущих принять участие в восстании, было решено все же быть готовыми к выступлению в любую минуту.

Общим сигналом для восстания должны были явиться 12-кратный удар большого колокола Исаакиевского собора и выпуск прокламации «Добро и зло». После этого отряды уголовников-рецидивистов должны были начать погром евреев, истребление коммунистов и сочувствующих коммунистам по специальному, заранее подготовленному списку, с указанием адресов и фамилий. Присутствовавший на этом совещании бывший адмирал Бахирев предложил захватить путем провокации крейсер «Севастополь», однако ввиду рискованности операции никто не взялся за эту задачу.

Основной вывод, к которому пришли заговорщики на этом совещании, сводился к тому, чтобы обязательно координировать свою работу в Петрограде с положением на фронте. Люндеквист по этому поводу впоследствии рассказывал: «Для меня окончательно становилось очевидным, что если успех выступления и будет возможен, то только при выступлении в самую последнюю минуту, и при этом расчет надо класть не на организованное выступление, а на тот беспорядок, который создаст выступление отдельных групп, и на то сочувствие, которое это выступление может вызвать в отдельных частях, которые могли бы оказаться в Петрограде в момент выступления, и в общей обывательской массе».

По поручению Кюрца Люндеквист написал подробное письмо Юденичу по всем вопросам деятельности заговорщиков. В этом письме говорилось: «До настоящего времени остается неустановленным определенный вопрос:

имеете вы, ваше превосходительство, категорическое намерение овладеть вашими войсками Петроградом, или же успешное продвижение ваших войск к городу является неожиданной случайностью?.. Без одновременного нажима ваших войск мятеж, поднятый в городе недостаточными силами, будет подавлен... Желательно иметь определенные, краткие и ясные указания от вас... Ставлю вас в известность о том, что предполагается выполнить при приближении ваших войск к Петрограду: а) создание паники и беспорядка среди войск, расположенных на позициях против финляндской границы (на Карельском секторе, к северу от Петрограда); б) инсценировку в Петрограде погрома и налеты для овладения телефонной и телеграфной станциями, Комиссариатом путей сообщения, Смольным институтом и т. п.; в) создание паники и беспорядка среди войск, защищающих подступы к Петрограду со стороны Царского села и Гатчины. Все действия должны произойти одновременно в определенный день и час по особому указанию. Выбор момента для выступления, если не последует особых указаний от вас, будет согласован с событиями на фронте».

Это письмо Люндеквиста было послано в штаб Юденича с курьером, состоявшим на службе в 4-м минно-подрывном дивизионе.

Второй задачей «большой политической важности», возложенной Юденичем на заговорщиков, было формирование нового состава белого правительства в Петрограде. Директива по этому поводу была сформулирована так: «Передайте, полуспекулятивное северозападное правительство не годится. Необходимо сформировать новое правительство для Петрограда». Эта записка была подписана Никольским, начальником политической разведки штаба Северозападной армии Юденича, бывшим жандармским офицером.

Петровская информировала о характере директивы Кюрца, который в свою очередь сообщил ей, что такое правительство уже намечено.

Премьер-министром незадачливого «кабинета» предполагался бывший статский советник, кадет Быков. На

пост министра путей сообщения выдвигался Альбрехт. Кандидатом министра финансов был намечен бывший товарищ министра финансов при царизме, сенатор Вебер, которого Быков знал как человека «осведомленного и бюрократически подготовленного». Портфель министра просвещения предполагалось поручить Воронову, профессору Технологического института, бывшему попечителю Петербургского округа. Морским министром намечался бывший адмирал Развозов, а его временным заместителем — бывший вице-адмирал Бахирев. Для замещения поста министра религиозных культов имелся в виду находившийся в Финляндии Карташев, бывший министр исповеданий при Керенском, оппозиционно настроенный к северо-западному правительству. Петроградским градоначальником намечался Люндеквист.

Помимо министерских портфелей среди заговорщиков распределялся и ряд других крупных должностных мест. Так например Кюрц облюбовал себе место начальника сыскной полиции с условием, что министром внутренних дел будет его приятель Завойко, отставной титулярный советник, заведывавший в октябре 1919 г. отделом машин и орудий сельскохозяйственного музея.

Наконец, третьей задачей было систематическое осведомление штаба Юденича о положении в Петрограде.

В этом отношении заговорщики развили максимальную активность. Почти ежедневно, а в некоторые дни по два — три раза отправлялись донесения Юденичу. Для этого были использованы все средства, основным из которых была живая связь. Заговорщики располагали несколькими курьерами, получившими в результате неоднократных переходов линии фронта известную специальность. Курьеры пользовались различными советскими документами, которые они получали в 4-м минно-подрывном дивизионе и в некоторых других местах. Корреспонденция шпионского характера концентрировалась, как правило, у Петровской, которая, имея в своем распоряжении специальных работников, зашифровывала очередные донесения и затем отсылала. За свою службу курь-

еры получали большие денежные награды. Так например Кюрц выдавал курьерам при отправке семь — восемь тысяч рублей, после возвращения две — две с половиной тысячи рублей. Вообще в деньгах заговорщики затруднений не испытывали. Все денежные средства были в основном английского происхождения. Большие ставки получали и сами руководители организации: Кюрц—20 тыс. рублей ежемесячно, Петровская—30 тыс. рублей, не считая сумм специального назначения, и т. д.

Информационный материал, посылаемый Юденичу, не был высокого ка-

— Караул! Опечатка...

Рис. Яноша.

чества. Шпионы часто строили свои донесения на различных сплетнях и слухах, циркулировавших в Петрограде, хотя сами отлично знали цену сообщаемых ими «фактов».

Так например они передавали Юденичу о паническом настроении в Петрограде, о вооруженных столкновениях на улицах города, о бегстве коммунистов из Петрограда, о том, что красные сестры получили яд для отравления раненых, и т. п.

В пересылке донесений в штаб Юденича видную роль сыграл начальник воздушного дивизиона в Ораниенбауме Берг. Из числа летчиков этого дивизиона несколько человек перелетело с самолетами на сторону врага. Так например перелет на сторону белых совершили по приказу Берга летчики дивизиона—бывший старший лейтенант Рагозин и бывший поручик Пилиповский.

С ними Берг послал в штаб Юденича последние сведения, план минных заграждений, а также особую записку, в которой говорилось о том, что летчики Техтелев и Бахвалов, севшие вследствие неисправности мотора в тылу белой армии, являются коммунистами и что их следует расстрелять. Коммунары Техтелев и Бахвалов, искусно прятаясь несколько дней в лесах, продвигаясь по направлению к фронту Красной армии, совершенно неожиданно для себя были задержаны белым пикетом недалеко от красноармейских окопов и зверски убиты.

3

Таким образом работа заговорщиков шла по трем основным линиям: 1) подготовки восстания в Петрограде, 2) формирования правительства и 3) систематической связи с Юденичем. Но несмотря на широко разветвленную сеть шпионажа и предательства, на большое количество лиц, втянутых в конспиративную организацию, в том числе и таких, которые занимали крупные военные посты, находясь на советской службе, заговорщики не смогли спасти Юденича. Основная надежда Юденича на контрреволюционные элементы в тылу Петроградского фронта была разбита.

Героический пролетариат Петрограда, коммунисты, комсомольцы сумели нанести сокрушительный удар не только армии Юденича, но и ликвидировать сеть шпионских организаций в самом Петрограде. Гнездившаяся в городе контрреволюция, пытавшаяся активно помочь белогвардейским бандам Юденича, получила смертельный удар. В результате напряженной работы всех органов советской власти, и в первую очередь Петроградской чрезвычайной комиссии, с конца октября 1919 г. стали выявляться отдельные конспиративные гнезда внутренней контрреволюции. К концу ноября 1919 г. весь заговор в Петрограде был раскрыт. 25 ноября на Гороховой № 2 уже «заседало» в полном составе (за исключением Карташова) сформированное в Петрограде контрреволюционное правительство.

Так рухнули последние надежды русских белогвардейцев и их великих империалистических покровителей на падение первой столицы Страны советов.

Интересно, что при подходе банд Юденича к району Пулковских высот чья-то судорожная белогвардейская рука сообщила по телеграфу о падении Красного Петрограда. Это известие, подхваченное радиоволной, облетело весь мир. Белогвардейская свора торжествовала. В штабе Деникина была издана массовым тиражом листовка со следующим текстом: «Экстренная телеграмма. Из официальных источников нам сообщают: английский флот бомбардировал Кронштадт и взял его. Генерал Юденич вступил в Петроград».

«Донская речь» писала: «Пал Петербург. Ожила чудесная северная сказка, желанная русская мечта...» Лондонские, парижские, берлинские газеты крупным шрифтом сообщали о падении Красного Петрограда. Узнав по сообщениям «Известий германского министерства иностранных дел» о взятии Петрограда Юденичем, русские белые генералы в Берлине назначили благодарственный молебен в церкви старого русского посольства.

Черчилль успел уже поздравить русского царского посла Саблина с успехами белого оружия, с захватом Юденичем Петрограда и выражал живей-

ший интерес к дальнейшим военным планам Юденича и к планам организации общественного порядка в Петрограде.

Однако вскоре стало известно настоящее положение вещей — разгром Юденича.

Советская республика в осенние дни 1919 г. нашла новые силы для разгрома второго похода Антанты. На Южном фронте — главном участке борьбы — произошел окончательный перелом в пользу Красной армии. Город Орел был возвращен Советской стране. Созданная партией, под непосредственным руководством товарища Сталина, героическая Конная армия во главе с Ворошиловым и Буденным наносила удар за ударом армии Деникина.

По поводу побед Красной армии на Петроградском фронте французский премьер-министр Клемансо в интервью с парижским корреспондентом вашингтонской газеты «Новости дня» заявил: «Случилось нечто такое, что решительно никто не мог предвидеть. Россия, доведенная до крайних пределов разрухи, вся изголодавшаяся, теснимая со всех сторон изнутри и извне, эта Россия вдруг точно прикоснулась к какому-то источнику живой воды и ощутила в себе такую мощь, что отразила и последний удар Юденича и Родзянко — удар, как всем казалось, смертельный»¹.

Таким «источником живой воды» явились исключительный героизм пролетариата, отстаивающего свое первое в истории рабочее государство, и невиданная по своим масштабам политическая и организационная деятельность великой партии Ленина — Сталина. Под непосредственным руководством партии и ее вождей Ленина и Сталина рабоче-крестьянская Красная армия нанесла сокрушительный удар войскам Деникина и Юденича, разбила вдребезги весь антантовский план второго похода на Страну советов и в длительной героической, упорной борьбе на фронте и в тылу со всеми врагами пролетарской диктатуры отстояла свою социалистическую родину.

¹ Цитирую по «Петроградской правде» № 257 от 11 ноября 1919 года.

М. Морвинов

ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА

В АВСТРО-ВЕНГРИИ
(Январь 1918 года)

«Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 101. Партиздат. 1934).

1

В своем докладе на III всероссийском съезде советов 24 января 1918 г. Ленин на основании полученных из Вены известий дал следующую оценку январской стачки 1918 г. в Австро-Венгрии и перспектив дальнейшего революционного развития.

«Если октябрьская стачка в 1905 году, — эти первые шаги победоносной революции, — сразу же перекинулась в Западную Европу и вызвала тогда, в 1905 году, движение австрийских рабочих, если уж тогда мы на практике видели, чего стоит пример революции, выступление рабочих в одной стране, — то теперь мы видим, что во всех странах мира социалистическая революция зреет не по дням, а по часам...

Мы видели пример Италии, мы наблюдали на этих днях геройскую

борьбу австрийских рабочих против хищников-империалистов. Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем этого нельзя, — оно непобедимо»¹.

Январская стачка была революционным взрывом, явившимся следствием полного загнивания основ австрийского капитализма. За время 4-летней неудачной войны в Габсбургской монархии, этой тюрьме народов, заселенной угнетенными национальностями (поляки, чехи, венгры, хорваты и др.), противоречия выявились с особой остротой.

В результате колониальной эксплуатации и национальной политики угнетения, проводимой финансовым капиталом и феодальным дворянством, господствовавшей немецко-австрийской буржуазией, в стране накопился горючий материал, который при сильном возбуждении масс должен был привести к революционному взрыву.

В социально-политическом отношении Австрия в Тройственном союзе была самым слабым звеном. Еще в 1888 г. Энгельс предсказывал неизбежный распад Австрии вследствие предстоящей победы пролетарской революции в России:

«И если взрыв Пруссии сам по себе не означает беды для Германии, то все же такой взрыв, произведенный Австрией, был бы так же вреден, как был бы вреден и взрыв Австрии, произведенный Пруссией до предстоящей победы революции в России, после которой он излишен, так как ставшая тогда излишней Австрия распадается сама собой»² (разрядка моя. — М. М.).

В результате военного поражения и крайнего недостатка продуктов питания³ Австрия оказалась в полной за-

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 217—218.

² F. Engels «Gewalt und Oeconomie bei der Herstellung des neuen Deutschland» «Die Neue Zeit», В. XIV, Т. I.

³ Урожай пшеницы в 1917 г. достиг лишь 28,8%, урожай ржи — 31,5% и урожай картофеля 2,8% урожая 1913 г. (Statistischer Nachweis für Volkswirtschaft. Wien, 1920).

Братание австрийских и русских солдат на фронте. 1917 год.

висимости от Германии. Прусский империализм, выбивавшийся из последних сил, старался предотвратить развал Австрии, однако безуспешно. Военские части, состоявшие в большинстве из угнетенных национальностей, т. е. чехов, поляков, украинцев и др., бунтовали. Когда-то мощное средство господства Габсбургов—императорская и королевская армии—в 1918 г. разваливалось не по дням, а по часам.

Настойчивое требование советской делегации в Бресте права на самоопределение для польского и украинского народов, победа Украинской советской социалистической республики над контрреволюционной «Центральной радой», продавшей немецкому империализму, и одновременное бурное развитие революционного движения в Польше произвели сильнейшее впечатление на солдатские массы польских легионов Пилсудского и петлюровских «Сичових стрільців», которые были организованы ППСД (польская соц.-дем. партия) и УСДП (украинская соц.-дем. партия) и подчинены генеральному штабу австрийской и немецкой империалистических армий.

Рабочие и бедняцкие крестьянские массы в этих легионах поднимали «бунты» и дезертировали с русского фронта такими массами, что немецкое военное командование вынуждено было перебросить их на итальянский фронт. Среди легионов, охваченных повстанческим движением, были произведены массовые аресты и даже расстрелы.

Недостаток продуктов питания вызывал постоянное уменьшение хлебного пайка (150 граммов в день). Рабочие в тылу и армии на фронтах голодали. Жестокая военная диктатура пыталась силой заставить голодающие рабочие массы работать в военной промышленности. Фабрики были милитаризованы, рабочие переведены на военное положение. Империализм делал последнее усилие и посылал на фронт стариков и юношей со школьной скамьи.

Раздражение масс росло с каждым днем. Социал-демократия, занявшая с момента объявления войны верноподданническую позицию по отношению к австро-прусскому империализму, пыталась всеми способами спасти Габсбургскую монархию от краха. Профсоюзная бюрократия принимала самые

крайние меры, для того чтобы потушить революционное выступление масс, но напрасно. Массы, доведенные до отчаяния, оказались брошенными на произвол судьбы. Они теряли доверие к своим вождям.

Если в начале войны социал-демократическая партия Австрии насчитывала 99 542 члена, то в середине 1917 г. она имела всего около 30 567 человек. Рабочий класс перешел к стихийным выступлениям. Стачечное движение в военной промышленности усиливалось. Официальная статистика дает сведения о следующих политических забастовках, происходивших в одном лишь 1917 году, причем против воли партийного руководства:

1 мая под лозунгом всеобщей стачки была проведена стачка металлистов в Вене и окрестностях вопреки запрещению социал-демократической партии;

26 мая на фабрике боевых припасов в Винер-Нейштадте бастовало 48 300 человек;

с 24 по 31 мая — 3000 рабочих в железнодорожных мастерских в Пильзене;

2 июня — 3000 рабочих на фабрике Шкода в Пильзене;

6 июня — 1700 рабочих на фабрике боевых припасов «Энцельсфельдер» в Пильзене;

24 июня — 10 000 рабочих на военных предприятиях в Граце, железнодорожники в Криглахе, горняки в Фонсдорфе, рабочие государственных железнодорожных мастерских в Книттельдорфе и мастерские Южных железных дорог в Марбурге;

8 июля — металлисты и горняки округов Моравской Остравы и Виттковицах;

с 21 по 24 июля — текстильщики Рейхенберга;

26 июля — крестьянские волнения в Сколе (Восточная Галиция);

с 30 июля по 5 августа — текстильщики в Брюне;

5 августа — 20 000 металлистов в Праге;

середина августа — металлисты и железнодорожники в Пильзене;

19 августа — рабочие шахты Франца-Иосифа в Фрейштадте;

с 26 августа по 1 сентября — рабочие округов Фридек и Фрейштадт¹.

Некоторые из этих стачек сопровождались кровавыми столкновениями.

Ленин с напряженным вниманием следил за развивающимся международным движением и, в частности, за ростом революционного движения в Австрии. В своем письме Францу Коричонеру от 25 октября 1916 г. из Цюриха Ленин писал:

«Дорогой друг! Мы очень сожалеем, что Вы нам до сих пор не написали ни одной строки. Надо надеяться, что крупные события в Вене побудят Вас наконец написать нам подробно.

В «*Berner Tagwacht*» (а затем в других газетах) было опубликовано известие, что на военном заводе в Шпейере (Австрия) бастовало 24.000 рабочих, что чешские солдаты стреляли, и убито 700 (семьсот!) рабочих. Какая в этом доля правды? Пожалуйста, сообщите об этом возможно более обстоятельно»².

В том же письме Ленин предлагает Коричонеру принять все возможные меры, чтобы выпустить воззвание к рабочим, в котором была бы разоблачена лакейская роль партийных вождей социал-демократии во время войны и дана правильная марксистская оценка поступку Фридриха Адлера³.

Было ясно, что австрийский пролетариат идет навстречу крупным битвам.

2

Когда 13 января до Австрии дошли известия о результатах брестлитов-

¹ Sozialdemokratische und anarchistische Bewegung im Jahre 1917 (Polizeidirektion Wien) Wien, 1917.

² Ленин. Т. XXIX, стр. 311.

³ Речь идет об убийстве премьер-министра Штюрка (24 октября 1916 г.). Фридрих Адлер пользовался после убийства большим влиянием среди масс, которые видели в нем «героического» бойца за их интересы. Однако, как показал дальнейший ход австрийской революции, он использовал свое влияние лишь для того, чтобы эту революцию удушить.

Отто Бауэр писал о нем следующее: «Только путем борьбы внутри советов рабочих и солдатских депутатов было предотвращено наступление большевизма. Целеустремленное руководство Фридриха Адлера в советах рабочих депутатов и Юлиуса Дейтча в советах солдатских депутатов решило исход борьбы».

ских переговоров, которые, по существу, были сорваны генералом Гофманом, выразившим кровожадные империалистические вождедения германских милитаристов, — этот факт сразу же нашел живой отклик на предприятиях и в армии Австро-Венгрии и Германии, вызвав там сильнейшее возмущение рабочих и солдат. В тот же день состоялись стихийные массовые собрания, на которых широчайшие массы с особой силой и яростью выражали протест против империалистического наступления на Советскую республику. Возбуждение, вызванное отсрочкой переговоров, усугублялось еще чрезвычайно тяжелым кризисом в снабжении продуктами питания. 14 января и без того скудный хлебный паек был наполовину уменьшен.

Рабочие выдвинули требование продолжения мирных переговоров через избранных представителей народа и немедленного сепаратного мира (без Германии) с советским правительством без аннексий и контрибуций. Они хотели «сами вести переговоры со своими братьями из Советской России».

В ответ на полученные из Брест-Литовска неблагоприятные известия, ставившие под угрозу заключение мира, пролетариат Австро-Венгрии ответил всеобщей стачкой.

Через головы социал-шовинистов Реннеров, Адлеров и Бауэров, лакеев австрийской династии Габсбургов, проповедывавших среди пролетариев патриотическую и шовинистическую политику, австрийский и венгерский пролетариат стал на защиту Советской России и перешел к революционной борьбе с невиданной до сих пор силой.

Большевистский лозунг «Вся власть советам» стал проникать в сознание передовых элементов. В ходе всеобщей стачки — сначала в Австро-Венгрии, а вскоре и в Германии — пролетариат требует создания советов рабочих депутатов.

14 января рабочие заводов Даймлера в Винер-Нейштадте начали забастовку. За ними последовали военные заводы в Воллерсдорфе и Блюмау, забастовка быстро охватила весь индустриальный район Винер-Нейштадт. В

первый же день в забастовке приняли участие 240 000 рабочих.

На массовых собраниях, созванных тотчас по прекращении работы, были приняты резолюции против затягивания мирных переговоров и выставлены следующие требования:

1. Делегаты на мирную конференцию избираются народом.

2. Отмена сокращения мучного пайка.

3. Отмена милитаризации заводов.

4. Отмена ограничений права коалиций и освобождение политических заключенных.

Из рядов рабочих раздавались требования отправиться к ратуше и продолжать там демонстрацию. К колонне рабочих завода Даймлера тотчас присоединились рабочие паровозного завода, радиаторной фабрики, аэропланного завода, военных заводов «Г. Рот» и рабочие из «Лихтенвертера». Демонстрация свыше 50 000 рабочих организовано двинулась на главную площадь, где уполномоченные от всех заводов проникли в городскую думу. Когда после долгих переговоров в городской думе министерство продовольствия по телефону отказалось отменить сокращение мучного пайка, собравшиеся рабочие решили до тех пор не возобновлять работы, пока их требования не будут удовлетворены. Собрание превратилось в мощную демонстрацию за немедленное заключение мира с Советской Россией.

Под возгласы «Да здравствует русская революция, да здравствует Ленин!» из окна городского совета было вывешено красное знамя, после этого произошли стычки с полицией и аресты демонстрантов.

На другой день, 15 января, забастовка расширяется подобно всепожирающему огню. Остановились все заводы в Тернице, за ними последовали рабочие военной промышленности, в Нейнкирхене, Сен-Пельтене и Тристингтале.

За Винер-Нейштадтом последовала вся Вена. 15 января было созвано пять больших собраний, на которые рабочие пришли массами и выразили свое твердое желание присоединиться к рабочим военных заводов Винер-Нейштадта.

В тот же день происходило собрание национальной немецкой партии против «нечестного мира, за победоносный мир». Рабочие штурмовали это собрание, после чего они провели уличную демонстрацию за мир и против поджигателей войны.

17 и 18 января движение нарастало все больше и больше. Примеру рабочих Вены последовали рабочие в Штирии, Кернтене, Брюнне и Моравской Острове, весь угольный район Брюкса, Бориславский нефтяной район, Краков, Львов и Стрый, а также рабочие Будапешта и крупнейших промышленных центров Венгрии. 18 января всеобщая политическая забастовка пролетариата в Австро-Венгрии развернулась по всему фронту.

17 января правление (партейфорштан) австрийской социал-демократической партии опубликовало декларацию в «Рабочей газете»¹, в которой снимало с себя ответственность за стачку и открыто призывало рабочих к штрейкбрехерству: «На многих заводах в Вене и Нижней Австрии вчера работа приостановилась. Это явилось следствием стихийного движения, не имеющего ничего общего с политическими и профсоюзными организациями...» Далее, правление требовало со стороны правительства мероприятий по успокоению рабочих. Оно заявило: «В интересах всего населения мы настоятельно предлагаем рабочим всех пищевых предприятий, горнякам, железнодорожникам, рабочим городского и иного транспорта, газовых и электрических предприятий не прекращать работы. Такие стачки резко ухудшили бы бедственное положение всех рабочих, и поэтому к ним не должно прибегать».

18 января в ответ на эту изменчивую декларацию правления партии вышла листовка группы сторонников циммервальдской левой, называвшейся «Революционный рабочий комитет», руководимой тов. Коричонером, в десятках тысяч экземпляров разошедшаяся в Вене и в Нижней Австрии.

Листовка призывала к всеобщей забастовке и созданию советов рабочих депутатов в Австрии:

¹ «Arbeiterzeitung» № 17 от 17 января 1918 года.

«Рабочие и работницы!

Народ, поднимись!

Сотни тысяч рабочих военной промышленности в Вене, Винер-Нейштадте, Тернице, Воллерсдорфе, в Трайзене и Фристингтале бастуют. Они не желают более терпеть бедствий войны! Они знают: правительство и теперь хочет воспрепятствовать заключению мира. В Брест-Литовске графы и генералы, опираясь на меч, свирепо оттолкнули предложение мира со стороны русских братьев. Но народные массы не желают ни победы, ни перемирия: они хотят немедленного мира, хотя бы сепаратного, если германское правительство мешкает. Интересы народных масс защищают не Чернин и Кюльман со своими властолюбивыми стремлениями, но Ленин и его учение о самоопределении наций.

Русские рабочие и солдаты, употребив самое острое оружие классовой борьбы—массовую забастовку, восстания и уличные бои,—боролись не только за свои собственные свободы—нет! Они пролили свою кровь за освобождение всех народов земного шара от страданий войны, от ига капитализма! Но их сил не хватает для того, чтобы одним выполнить эту задачу целиком! Рабочие других стран должны собраться вокруг знамени русской революции! Прежде всего австрийские пролетарии должны спасти революцию от неслыханного коварства нашего правительства.

Поэтому мы требуем:

1. Делегаты на мирную конференцию должны быть избраны народом.

2. Немедленное заключение перемирия на всех фронтах.

3. Немедленная отмена закона о военном производстве и о милитаризации предприятий.

4. Немедленное освобождение Фридриха Адлера и всех других политических заключенных.

Не верьте тем патристическим «рабочим вождям», которые предают вас с первого дня войны (и теперь задерживают ваши стачечные средства). Не слушайте их успокоительных речей, твердо оставайтесь на позициях борьбы за нашу цель.

Если вы и ваши братья по труду рисковали в окопах своей жизнью в ин-

тересах ваших угнетателей, то не бойтесь и теперь полицейских сабель и пулеметов.

Пусть никто не останется теперь в стороне! Выходите из всех заводов! Не выдвигайте больше смертоносных гранат! Выходите из шахт на поверхность! Остановите все колеса—на железной дороге и на трамвае! Собирайтесь на улицах и площадях! Избирайте советы рабочих, как в России!

Победа принадлежит пролетариату!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В ответ на этот призыв рабочие остановили не только крупную промышленность, но начались стачки и в мелкой и даже в кустарной промышленности. Все железнодорожные мастерские в Вене также приостановили работу; в Фаворитине стачка охватила все предприятия Южной и государственной (Staatsbahn) железных дорог, все предприятия прекратили работу; в Оттакринге в Флоридсдорфе было остановлено 60 предприятий. На улицах собиралось большое количество стачечников, пожарные остановили все уличное движение. В Фаворитине произошли открытые волнения населения и столкновения с полицией. Рабочие заняли мосты Дунайского канала, чтобы воспрепятствовать проникновению полиции в рабочие районы.

19 января перестали выходить все венские газеты, а 21 января не вышла ни одна газета и в Будапеште вопреки правлению социал-демократической партии, обратившемуся с воззванием к печатникам о том, что «оно считает нецелесообразным препятствовать выпуску газет, что нужно выждать, готово ли правительство выполнить требования рабочих»¹. На это воззвание печатники ответили забастовкой рабочих типографии «Рабочей газеты» — центрального органа социал-демократической партии.

За все время стачки выходил лишь информационный листок «Известия рабочих».

В то время как всеобщая стачка

Лео Ротцигель, один из организаторов и руководителей венской красной гвардии. Погиб в апреле 1919 г. в борьбе с контрреволюцией за советскую Венгрию.

распространилась по всей стране, рабочие Винер-Нейштадта приступили к созданию советов рабочих депутатов. 16 января на 14 массовых собраниях был создан первый совет рабочих депутатов в Австрии. Избранные до этого стачечные комитеты и исполнительные комитеты передали все свои полномочия и дальнейшее руководство действиями этому совету рабочих депутатов.

Примеру винернейштадтских рабочих последовали рабочие Вены, создавшие советы рабочих депутатов во всех районах Вены. Весь день 18 января прошел в Вене в лихорадочной организационной работе. Собрания доверенных чередовались с заводскими собраниями: в Флоридсдорфе было 52, а в Оттакринге — 43 собрания. В Флоридсдорфе были созданы комитет по охране улиц и информационное бюро. В тот же день стачечники разгромили редакцию и типографию буржуазной газеты «Рейхспост», органа крестьянско-социалистической партии. Несмотря на то что был отдан приказ солдатам не

¹ «Arbeiterzeitung» № 18 от 18 января 1918 года.

выходить из казармы, они появлялись на собраниях стачечников, и даже 18 января, во время столкновения с жандармерией, отряд солдат оказал стачечникам помощь.

В Венгрии рабочие присоединились к стачке лишь 18 января. Впереди шел Будапешт. 19 января венгерская социал-демократическая партия обратилась к бастовавшим с призывом «возобновить работу 22 января», но, встретив противодействие, руководство партии выступило со следующей декларацией:

«Ввиду неподчинения части рабочих решению партийного руководства о возобновлении работы 22 января и в целях отпора безответственным элементам, обвиняющим руководство в измене делу рабочих, оно не видит иного пути, как выход в отставку всего партруководства»¹.

В Богемии забастовка началась 22 января. Под давлением масс чешские социал-демократы объявили однодневную всеобщую демонстрационную забастовку.

В Праге забастовка охватила 150 000 рабочих.

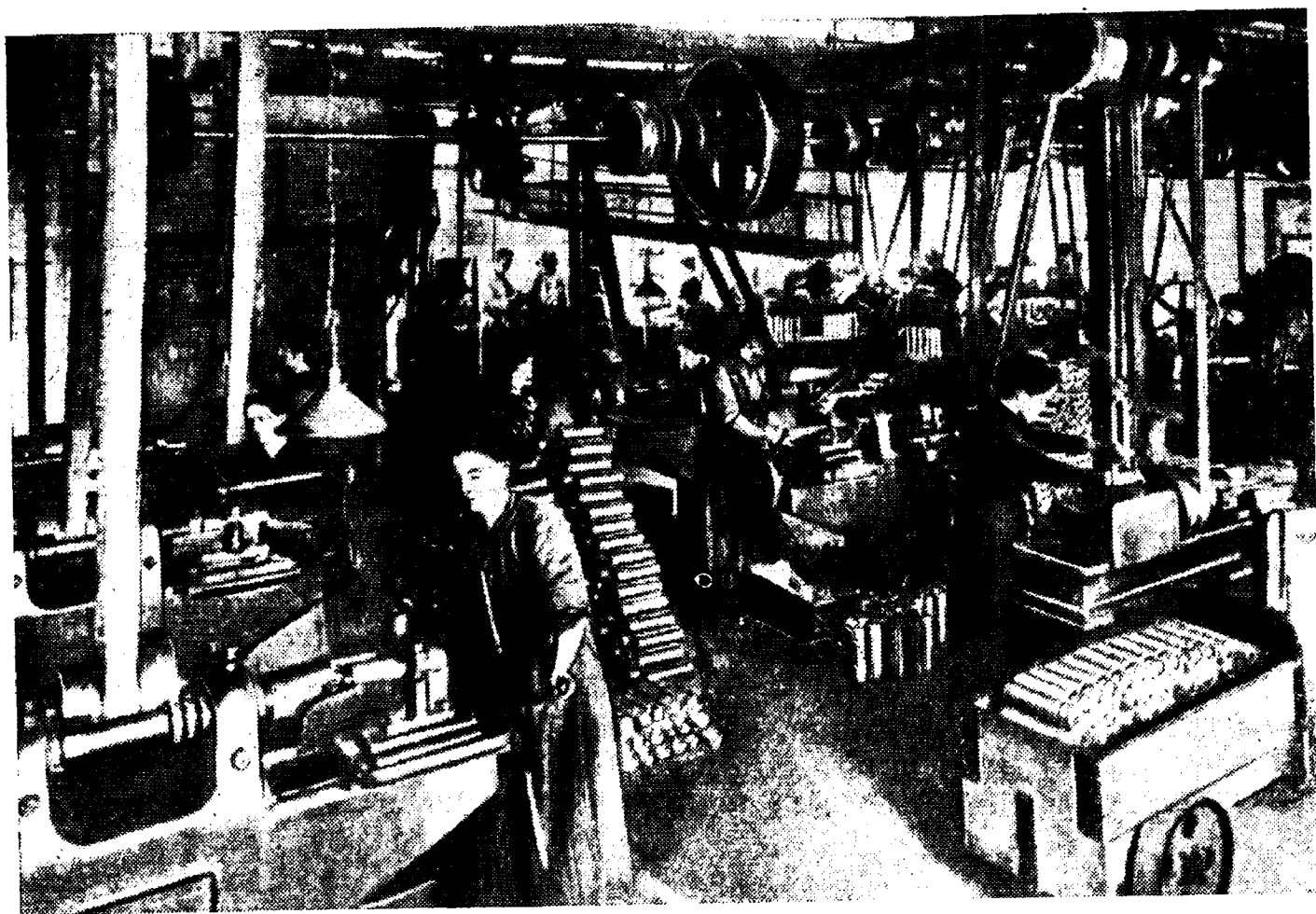
¹ «Arbeiterzeitung» от 21 января 1918 года.

В Галицийском нефтяном районе Борислав-Дрогобы начались сильные волнения, возник ряд пожаров на нефтяных промыслах².

В Кракове (Западная Галиция) всеобщая забастовка началась 16 января. Происходили массовые демонстрации против городского совета и командования армии. В Кракове и в окрестностях было объявлено осадное положение. Во время забастовки магазины были закрыты. После 6 часов вечера никто не должен был появляться на улице.

ППСД (польская социал-демократическая партия) через своего вождя Дашинского вела переговоры с галицийским наместником и послала телеграмму кайзеру в Вену, призвав в то же время стачечников к полному порядку и спокойствию. Профсоюзные руководители отказались от всякой поддержки стачки, ссылаясь на «отсутствие денег».

² Бориславский нефтяной бассейн (Западная Украина) являлся главным источником горючих веществ для австрийского и германского военного флота, и прежде всего для подводных лодок. Теперь бассейн находится под польской оккупацией.

Военный завод Даймлер-Верке в Винер-Нейштадте, рабочие которого первыми начали забастовку в январе 1918 года.

18 января партийное руководство начало переговоры с правительством о прекращении забастовки. От имени правления партии Виктор Адлер, Зейнц и Реннер явились к председателю совета министров Зейдлеру на совещание, на котором участвовали военный министр и министр внутренних дел граф Геггенбург.

Делегаты партийного правления выдвинули требование, чтобы «правительство заверило народ, что мир не может и не будет сорван по его вине». Доктор Адлер апеллировал к благоразумию правительства и добился ни к чему не обязывающего патристического обещания президента министров. 19 января представители правления партии совещались по этому вопросу с начальником генерального штаба и информировали его о ходе забастовки.

20-го социал-патристы закончили переговоры с правительством и объявили решение партийного руководства об окончании забастовки.

«Переговоры привели к благоприятному результату,—возвещали они.— Министр-президент дал обещание...

Правление партии призывает рабочих всей Австрии возобновить работу»¹.

В ночь с 19 на 20 января на заседании рабочего совета Вены представители правления партии поставили вопрос об окончании забастовки. Несмотря на значительную оппозицию сторонники партийного руководства, проникшие в совет, сумели провести решение о прекращении забастовки.

Однако ни решение правления партии, ни решение большинства венского совета рабочих депутатов не нашло поддержки среди масс. Стачка продолжалась. Социал-патристам пришлось выступать на многих собраниях. 21 и 22 января Реннер, Адлер и др. требовали ликвидации стачки. На ряде собраний за это предложение голосовало меньшинство или незначительное большинство рабочих. В Фаворитене, Мейдлинге, Зиммеринге, Гицинге и Оттакринге рабочие решили не прекращать стачку. Когда рабочие в Детлинге узнали о предательстве партруководства, они 22-го вторично начали стачку. Ни одно собрание, где социал-демократические ораторы гово-

¹ «Nachrichten für Arbeiter» № 2 от 20 января 1918 года.

Военный завод Даймлер-Верке в Винер-Нейштадте. Работа в снарядном цехе.

рили в пользу окончания стачки, не проходило более или менее спокойно и без противодействия в той или иной степени.

Вынужденный считаться с огромным влиянием, которое приобрел совет рабочих депутатов в Вене, граф Чернин 20 января ведет переговоры с его представителями и обещает провести через правительство ряд мероприятий в пользу рабочего класса.

20 января на конференции доверенных лиц стачечников, бастовавших в Винер-Нейштадте, появился, кроме Реннера, и Отто Бауэр. Его послало правление партии для того, чтобы он, только что вернувшийся из русского плена, «левыми» фразами агитировал об удушении забастовки.

Сообщение об этой конференции таково:

«Винер-Нейштадт, 21 января (по телефону от собственного корреспондента «Рабочей газеты»). Вчера в Винер-Нейштадте с 10 часов утра до позднего вечера заседала конференция доверенных лиц. Решение венской конференции доверенных о возобновлении работы в понедельник вызывает страстные возражения.

Реннер и Виденгоффер выступали на массовых собраниях, где обещания правительства хотя и были приняты, но признаны недостаточными. После обеда доверенные приняли решение — рекомендовать возобновление работы. Однако остается совершенно неизвестным, проведут ли рабочие на заводах это решение. Во всяком случае, на большинстве предприятий в понедельник работать еще не будут. В понедельник будут продолжены собрания по этому поводу».

Труднее всего было социал-демократам справиться со срывом стачки в Винер-Нейштадте. Совет рабочих депутатов, который был фактическим руководителем стачки, в заседании 20 января заклеил поведение руководства социал-демократической партии как штрейкбрехерское предательство рабочего класса, постановил стачку продолжать и усилить все мероприятия, связанные с ней.

Кроме Винер-Нейштадта решение о продолжении стачки было принято и

рабочим советом на военных заводах в Нейкирхене. Там социал-патриотам досталось еще хуже: они были избиты рабочими и прогнаны с собраний.

22 января в парламент явилась депутация от совета рабочих депутатов из Винер-Нейштадта.

Она объявила клубу социал-демократических депутатов, что «рабочие Винер-Нейштадта и окрестностей недовольны переговорами с правительством и требуют объяснений по шести пунктам, неоднократно выдвигавшимся и ранее:

1. Делегаты для мирных переговоров в Брест-Литовске должны быть немедленно избраны народом.

2. Немедленное перемирие и переговоры о мире на всех фронтах.

3. Немедленная отмена сокращения мучного пайка, улучшение снабжения.

4. Немедленные коммунальные выборы.

5. Отмена закона о милитаризации предприятий, введение 8-часового рабочего дня. Отмена всех ограничений права собраний и свобод.

6. Немедленное освобождение всех политических заключенных».

Делегация заявила о своем несогласии с ответом социал-демократического клуба и подчеркнула, что она ознакомит рабочих Винер-Нейштадта и окрестностей со своим заявлением¹.

23 января правление партии опубликовало два воззвания к рабочим:

1. «Рабочие и работницы! Правление партии снова обращается к вам и призывает вас возобновить работу, согласно решению ваших доверенных лиц, тщательно изучивших положение».

2. «Рабочие и работницы отдельных заводов выразили намерение сегодня выйти на Рингштрассе, чтобы «устроить демонстрацию у парламента». Такую попытку мы считаем нецелесообразной. Что представляет собой даже большое уличное шествие в сравнении с гигантской демонстрацией окончания массовой забастовки? Правление партии ожидает, что там, где имеются такие намерения, откажутся от демонстрации и что это нецелесо-

¹ «Arbeiterzeitung» № 22 от 23 января 1918 года.

образное выступление не будет произведено.

Правление австрийской социал-демократии»¹.

В то время как социал-демократические вожди в парламенте вели длинные дебаты о мире, а министр-президент Зейдлер изливал свои «патриотические человеческие чувства» на «бедное рабочее население», военный министр 22 января издал указ, где он предупреждал продолжающих стачку о применении к ним строжайших кар по военному закону.

И на самом деле, когда социал-патриотам из правления партии не удалось полностью ликвидировать стачку, тогда 23 и 24 января в ход была пущена военная сила. Было произведено много арестов и даже расстрелов. Только этим путем — путем террора — «ликвидировали» героическую забастовку виенернейштадтских рабочих, которые оставались верными рабочему делу с первого до последнего дня и не хотели добровольно сложить оружие.

Великая пролетарская революция в России и события в Австрии оказали мощное воздействие на рабочий класс Германии. Даже трусливая военная цензура не могла скрыть от германских рабочих событий в Австро-Венгрии. 28 января 1918 г. в Берлине тоже начинается всеобщая стачка, которая постепенно охватила все промышленные центры Германии.

Рабочий класс Австро-Венгрии и Германии, объявивший всеобщую политическую стачку в январе 1918 г., показал всему миру, что он солидаризируется с Советской Россией и выступает на ее защиту.

В воззвании, выпущенном группой «Спартак» в Германии через несколько дней после начала забастовки в Австрии, говорилось:

«Работницы! Рабочие!

На всеобщую забастовку! На бой! Только что сказал свое веское слово австро-венгерский пролетариат. В течение пяти дней работа не производилась во всех предприятиях Вены, Будапешта, во всей стране. В Вене рабочие приостановили городское движение, железнодорожное движение тоже

было частично парализовано, не выходила ни одна газета. Во многих местах дело дошло до открытого восстания населения и боев с правительственной властью. В Праге и Будапеште была провозглашена республика. В Вене рабочие заняли мосты, чтобы помешать вторжению полиции в рабочие кварталы.

Трепеща от страха перед грозящей революцией, центральное правительство было принуждено было признать избранный по образцу русской революции венский совет рабочих депутатов и вступить с ним в переговоры.

Помощь германских рабочих, наша всеобщая забастовка раздуют пламя революции в двуединой монархии в новый огромный пожар»².

Забастовочное движение охватило также и австро-германскую армию как в тылу, так и на фронтах. 1 февраля 1918 г. произошло восстание матросов в бухте Каттаро, крупнейшей австрийской военной гавани, где стачка рабочих арсенала перекинулась и на военный флот. Экипаж военных судов (40 судов с количеством матросов, превышающим 6000) поднял красные флаги, арестовал офицеров и передал командование выбранным матросским советам. Здесь, на австрийском «Потемкине», раздался первый выстрел пролетарской революции по Габсбургской монархии³.

Во время восстания флота в Каттаро итальянские матросы прислали на подводной лодке приветственное письмо Совету матросов и пушечными залпами салютовали восставшим крейсерам.

Восстание матросов в Каттаро нашло отклики в немецкой военной гавани Фридрихсгафен, где моряки также поднялись на вооруженную борьбу. Революционные выступления имели ме-

² «Спартак» во время войны», стр. 182, 184. Партиздат. 1933.

³ При подавлении восстания было арестовано 189 матросов. Четверо из них: члены Совета матросов — Франц Раша, Антон Гарбер, Ерго Сисгович и Матс Бернецевич — были расстреляны; приговор над остальными восставшими не был приведен в исполнение вследствие демонстрации протеста со стороны рабочего класса. Они были выпущены на свободу незадолго до распада Австрии.

¹ «Arbeiterzeitung» № 19 от 21 января 1918 года.

сто и в самой австрийской армии. Так, 6 марта 1918 г. восстал 49-й пехотный полк в Румбурге, где произошли уличные бои, в результате которых было убито 68 человек и было много раненых.

Вернувшиеся из России военнопленные вели большевистскую пропаганду среди изголодавшихся, утомленных войной солдат различных воинских частей. Солдаты угнетенных национальностей не хотели больше сражаться за Габсбургов—происходили массовые бунты. Дисциплина совершенно пала. В ряде частей были образованы солдатские советы.

Первый солдатский совет был организован в 49-м пехотном полку. Этот же полк дал впоследствии первые кадры красной гвардии, организованной в октябрьские дни 1918 г. пехотинцем тов. Лео Ротцигелем¹.

Разложение армии в свою очередь усиливало революционное брожение в стране. Деревня и даже целые округа в Богемии и Галиции были охвачены волнениями (Сколе, Тарнов, Цлин, Аш).

4

В предисловии к сборнику «На путях к Октябрю» товарищ Сталин, определяя внешние обстоятельства, которые сыграли роль в победе Октябрьской революции, пишет:

«В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неопределимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом»².

¹ Лео Ротцигель, наборщик. Во время январской забастовки печатал подпольные воззвания и был арестован за активную забастовочную деятельность. В октябре 1918 г. был одним из организаторов и командиром Венской красной гвардии, был делегатом на I съезде компартии Австрии. В 1919 г.—делегатом первого всеавстрийского съезда советов. Погиб в апреле 1919 г., находясь во главе «австрийского международного полка», в бою с контрреволюцией.

² И. Сталин «На путях к Октябрю». Статьи и речи. Март—октябрь 1917 г., стр. XI—XII. Гиз. 1925.

Тот исторический факт, что когда-то столь могущественное правительство Габсбургов было вынуждено чуждыми не через пять дней после того, как прусский генерал фон-Гофман в Брест-Литовске угрожал советской мирной делегации, вести в своей собственной стране через своего «хранителя мира» графа Чернина переговоры с делегатами рабочего совета и давать им разъяснения, вскрыл глубокий кризис австрийского, а вместе с тем и прусского империализма. Январская стачка вскрыла готовность австро-венгерского рабочего класса, готовность международного пролетариата ценой крови и жизни защищать завоевания Великой пролетарской революции в России от всяких покушений империализма. Январская стачка со всей ясностью показала, что рабочий класс Австрии готов путем революционной борьбы захватить власть и силой вырвать заключение мира. Она была предвестником пролетарской социалистической революции в Австро-Венгрии.

Январская стачка еще раз подтвердила правильность политики большевиков во время Бреста, правильность гениальной оценки перспективы международной революции, которую дали Ленин и Сталин.

Наряду с этим январская стачка выявила всю контрреволюционную сущность линии Троцкого, его пособников Каменева и Зиновьева, а также и «левых коммунистов», которые отрицали возможность победы социализма в одной стране, считали, что Брестский мир погубит международную революцию, и шли во имя «интересов международной революции» на гибель Страны советов.

Пролетариат Австро-Венгрии своим выступлением в январские дни показал, что он прекрасно понял все значение Великой пролетарской революции в России и готов отдать все свои силы, чтобы защитить ее от покушений империализма.

Значение австрийской стачки заключается еще и в том, что борьба за руководство массами между реформизмом и революционной классовой политикой особенно ярко выступила в эти исторические дни января 1918 года.

Она раскрыла перед массами ложь и лицемерие австромарксистских социал-шовинистов по отношению к «демократическому миру» и их обман народа.

Хотя уже первые признаки противодействия австрийского пролетариата предательству социал-демократических вождей обнаружались еще в революционных боях 1905 — 1906 гг., все же благодаря отсталости значительной части пролетариата и «левым» фразам социал-демократической партии последняя могла до сих пор вести свою предательскую политику, обманывая массы. Только январская стачка 1918 г. окончательно вскрыла ее подлую роль и содействовала развитию всеобщего возмущения масс против партии социал-патриотов и отрыву революционных элементов от них.

Рабочие передали руководство стачкой и всем движением в руки избранного в первые дни совета рабочих депутатов.

В создании Совета вожди социал-демократии увидели угрозу своему существованию. Являясь издавна тонкими предателями, они в качестве «добрых друзей» проникли и в эту новую организацию. Благодаря отсутствию опытной, организованной, знающей свои цели революционной пролетарской партии им удалось провести целую свору профбюрократов в венский совет рабочих. Реннер сделал иезуитское предложение, чтобы «совет рабочих продолжал существовать и по окончании движения и даже был расширен», а Отто Бауэр как «очевидец» Великой пролетарской революции (возвратился во время стачки из русского плена) играл роль «левого» революционера.

Цель этой хитрой политики Реннера — Бауэра выявилась тотчас после того, как решение правления партии о прекращении только что начавшейся стачки получило поддержку большинства в венском совете рабочих депутатов. Как только социал-демократии удалось получить в свои руки венский совет рабочих депутатов, она сразу же пыталась сломить ему хребет. Но то, что ей удалось провести в венском совете, ей не удалось сделать

DER WECKRUF.

Zentralorgan der kommunistischen Partei Österreichs.

Третий номер газеты «Векруф» («Призыв», которая начала выходить после январской забастовки. С этого номера газета стала ЦО австрийской компартии.

на улицах. На рабочих собраниях с.-д. вождей встречали насмешками и просто избивали.

Решение о прекращении стачки было принято 19 января, но проведено в жизнь только 24-го. Рабочие не желали больше слушать пустых фраз об удовлетворении графом Черниным «справедливых требований» о заключении мира. Лишь постепенно, путем дезорганизации и военного террора, удалось раздробить и по частям удушить стачку. Самое страстное сопротивление социал-патриоты встретили в совете рабочих депутатов Винер-Нейштадта и в его окрестностях. Винернейштадтские рабочие были первыми и последними на поле битвы. Старая крепость австрийской социал-демократии была основательно потрепана. Здесь совет объединял революционных депутатов, избранных рабочими. Отсюда был дан лозунг всеобщей политической стачки.

Революционные элементы, состояв-

шие из сторонников Циммервальдской левой, австрийской социал-демократии, объединившись в группу левых радикалов, еще были в достаточной мере обременены наследством прошлого—австро-марксистским центризмом. Это мешало им точно определить задачи борьбы, решительно возглавить это историческое выступление масс и уверенно направить его к решающей цели.

Эти революционные элементы призывали к борьбе против предательства «рабочих вождей», предлагали «не страшиться пулеметов, собираться на улицах и площадях, избирать советы, как в России, и победа будет добыта силой пролетариата», но они еще были организационно слабы. Выступая на собраниях на улицах, в крупнейшем промышленном центре (Винер-Нейштадт), эти революционные элементы несмотря на огромное влияние, которым они временно пользовались, не сумели удержать добытые позиции, не разоблачили перед рабочими хитрую политику социал-патриотов и тем самым дали им возможность получить большинство в венском совете.

Они не видели в крестьянских массах союзника пролетариата, в своем воззвании во время всеобщей стачки они не дали тонящемуся крестьянству никаких лозунгов. Вопрос о самоопределении народов они ставили неясно, не дали конкретных революционных лозунгов угнетенным народам Австро-Венгрии, не уделяли должного внимания солдатским массам и не призывали решительно к вооруженному восстанию.

В последние дни стачки с каждым днем укреплявшаяся нелегальная группа «левых радикалов» предприняла первые шаги в создании самостоятельной партийной организации. Она начала издавать еженедельную газету «Дер векруф» (тираж 5000 экземпляров), которая, однако, после второго номера была конфискована и запрещена правительством. Задача этой группы состояла в том, чтобы завязать тесную, непосредственную связь

с массами на предприятиях, в профсоюзных организациях и рабочих советах и развернуть подготовительную работу к основанию самостоятельной партии — коммунистической партии немецкой Австрии.

Во время подготовительной работы к созданию коммунистической партии с каждым днем все более возрастала значимость и популярность рабочих советов. Никакая сила не была уже в состоянии отнять это завоевание январской стачки. Несмотря на то что рабочие советы, за исключением советов Винер-Нейштадта, Терницера и Трайзнера, находились в руках социал-демократической партии, в составе рабочих советов была значительная оппозиция.

В июле, во время нового под'ема стачечного движения, состоялась конференция доверенных (150 делегатов), назначение которой было стать учредительной конференцией коммунистической партии. Вследствие наличия внутренних разногласий и арестов, вырвавших из рядов доверенных лучшие революционные элементы, подлинная учредительная конференция коммунистической партии немецкой Австрии состоялась только в конце года.

3 ноября 1918 г., в первые дни революции, была организована коммунистическая партия немецкой Австрии и избран временный центральный комитет и центральный орган партии — «Векруф» («Призыв»). Партия воплотила в себе лучшие традиции австрийского рабочего класса, и многие героические участники январской стачки стали ее активными деятелями.

Наследником этих традиций стал рабочий класс всех других капиталистических государств, возникших на развалинах габсбургской монархии, в первую очередь рабочий класс Венгрии, который под руководством героической компартии создал первую на Западе советскую республику, просуществовавшую с 21 марта до 1 августа 1919 года.

И. Генкин

Н О Я Б Р Ъ С К О Е В О С С Т А Н И Е В С Е В А С Т О П О Л Е

1

В продолжение 1905 г. черноморские матросы восставали дважды: в июне (выступление «Потемкина», «Георгия Победоносца» и «Прута») и в ноябре (выступление «Очакова» и других судов эскадры).

Поражение потемкинского восстания особенно наглядно подтвердило правильность ленинских указаний, так настойчиво выдвигавшихся им, о роли руководства в восстании, о важности технической подготовки его.

Но партийная организация Севастополя, в основном меньшевистская, не сделала из уроков потемкинского восстания нужных выводов. На митингах, которые стали устраиваться все чаще и чаще, дальше отвлеченных речей о гнете самодержавия, о преимуществах демократической республики, о величии социализма и т. п. пропаганда не шла.

После царского манифеста (17 октября) о «свободах» и особенно после торжественных похорон жертв, павших возле севастопольской тюрьмы при попытке освободить политических заключенных, подпольная социал-демократическая организация почти легализовалась, военная организация была восстановлена, но у руководства оставались меньшевики.

О настроении рядовых матросов, которые в эти памятные дни и недели повысыпали из казарм на улицу, говорит следующее письмо, фигуриро-

вавшее в обвинительном акте по делу о ноябрьском восстании:

«Дорогие родители! В городе, на Приморском бульваре, каждый вечер собирается публика, которая называется «метингом» и из среды которой ученые даровитые люди внушают каждому и всякому, какие нужно устроить государственные порядки, чтобы всем жилось хорошо. Одним словом, политика, или прокламация, свободно действует. Офицеры сделались маленькими. Всякий матрос без стеснения в глаза офицеру говорит, что они драконы и мучители. Даже я беспрепятственно протестовал против ревизора Киселя, как он ограбил нас на пасху, когда наше даренное молоко продавал нам же по горюху копеек баночку. Одним словом, свобода печати и слова. Не чаю, как вырваться живым из рук драконов, стремлюсь свободы и воли, томлюсь день и ночь, как птичка, запертая в клетке...»

«Птичка» рвалась на волю, но для этого надо было первым делом ниспровергнуть самодержавие. Как этого добиться, рядовая матросская масса в Севастополе тогда еще не знала. Даже матросский актив того времени (осень и зима 1905 г.) слабо был знаком с большевистской литературой, с ленинскими установками и был предоставлен влиянию меньшевизма.

А меньшевистский комитет в Севастополе, в избытке обладавший теми пороками, которые в течение многих лет бичевал Ленин: робостью мысли, паническим страхом перед трудностями, пустым резонерством вместо живого и практического дела, — не годился в организаторы и руководители настоящего революционного выступления.

Севастопольское начальство было совершенно обескуражено, когда на митингах замелькали фигуры матросов и солдат, сперва в качестве слушателей, а затем и в качестве ораторов. Главный командир Черноморского флота вицеадмирал Чухнин выходил из себя, когда ему доносили о том, что творится на митингах. Сперва он пы-

тался «по-отечески» воздействовать на ораторов.

«Допуская, что лица, державшие речь (на сходке 30 октября), еще не достаточно усвоили понятие о свободе слова, смешивая ее с полной разнужданностью выражений, — читаем мы в приказе Чухнина от 1 ноября, — полагаю возможным ограничиться пока напоминанием закона, что за призывы к действию против правительства, ежели таковые будут повторяться, преступившие закон будут подвергнуты ответственности»¹.

Однако эти «отеческие» поучения не действовали. Чтобы изолировать матросско-солдатскую массу от влияния «крамольников», Чухнин запретил военным посещение митингов, но любознательные «нижние чины» или все же проникали на них или устраивали митинги возле своих же казарм.

Такой митинг был назначен и на одиннадцатое ноября. Высшее начальство поручило разогнать его старшему флагману эскадры, контрадмиралу Писаревскому. В помощь ему были откомандированы капитан Кинд со сводной боевой ротой 28-го, 29-го и 31-го экипажей и штабс-капитан Штейн с ротой солдат Белостокского полка. Солдаты, очевидно, понадобились на тот случай, если матросы откажутся стрелять.

Когда боевая рота была выстроена, Писаревский дал приказ: «Не выпускать никого из казарм! В случае неподчинения стрелять!» Но долготерпение матросов было исчерпано. Из рядов вышел матрос Петров (московский булочник, посещавший социал-демократические кружки) и на глазах у всех зарядил винтовку: одним выстрелом был ранен адмирал Писаревский, другим — убит капитан Штейн.

Петров был арестован, но стекавшиеся со всех сторон на митинг матросы бурно требовали его освобождения.

И Петров был освобожден².

¹ Севастопольский музей революции. Приказы Чухнина за 1905 год.

² Через несколько дней после этого Петров был отправлен товарищами в Одессу в сопровождении опытного конспиратора Виктора Вольнского, который через Сувалки, Берлин и Гамбург доставил Петрова в Америку.

С броненосца «Синоп» была немедленно отправлена в экипажи боевая рота, но «вышедшие из всякого повиновения» матросы разоружили ее и двух офицеров в том числе. Раздавались голоса о том, чтобы пробраться с винтовками в город, в морское собрание, и перебить там всех офицеров-драконов.

Несколько матросов-партийцев бросилось искать кого-нибудь из членов комитета и набрело на популярную среди севастопольских рабочих и матросов «Наташу» (Е. Карпинскую) и Инну Смидович, руководящего работника социал-демократической организации. Обе они немедленно отправились к морским экипажам, но, придя на место, не знали толком, с какими же лозунгами им следует теперь выступить.

«Я и другие давно уже чувствовали, что котел кипит, — писала Карпинская в своих неопубликованных воспоминаниях, — но никто из нас не задавался целью довести движение матросов до какого-нибудь определенного конца, никто не думал о том, куда же мы поведем массы, если они стихийно поднимутся...»³.

Как и ее тогдашние единомышленники — меньшевики — «Наташа» полагала, что вполне достаточно будет, если солдаты и матросы не станут мешать рабочим делать революцию, и даже на свою собственную работу среди военных она смотрела лишь как на нечто второстепенное.

Когда «Наташа» вышла к матросам и подняла руку, моментально все умолкло. Тысячи глаз устремились на нее. Некоторое время она стояла молча, не зная, что сказать, а потом промолвила: «Что ж, товарищи, давайте выбирать депутатов».

Этих слов было достаточно, чтобы переключить боевое настроение матросов на «мирные» рельсы.

С таким же призывом выступила и Инна Смидович.

К этому времени в экипажи явились остальные руководители меньшевистской социал-демократической организации — Вороницын и Канторович.

Все они, а также Карпинская были выбраны в Совет матросских депута-

³ ИМЭЛ. Архив Военно-морской секции (моряков-подпольщиков).

Митинг на Приморском бульваре.

Рис. К. Сахарова.

тов (всего в Совет было избрано 40 человек).

На заседании Совета решено было офицеров больше в казармы не пускать. Не изолировать их, не арестовать, не воспрепятствовать им строить козни, а лишь «изгнать» из казарм!

Предполагалось, что, после того как будут выработаны экономические и бытовые требования матросов (со включением основных политических требований), они будут предъявлены вицеадмиралу Чухнину; одновременно с предъявлением требований решено было провозгласить военную забастовку. Не вооруженное восстание, а «мирную» стачку матросов.

«Мы не могли сознательно ставить своей задачей организацию вооруженного восстания в данный момент, — говорили меньшевики. — Восстание возникло стихийно, благодаря случайным, а потому и не учтенным нами причинам. Мы обязаны были примкнуть к нему, чтобы придать ему более планомерный и организованный характер и своим влиянием преду-

предить возможные эксцессы... Движение готово было вылиться в вполне мирные формы, но провокация властей решила дело иначе»¹.

Последняя фраза чрезвычайно характерна для позиции меньшевиков. Выходит так, что главарь восстания допускали возможность «нормального» течения «забастовки» вооруженных матросов, допускали возможность мирных переговоров с адмиралами и генералами.

Никто из руководителей движения даже и не мечтал о том, чтобы немедленно захватить власть в Севастополе, овладеть телеграфом, забрать оружие, связаться с крепостью, перейти в наступление и распространить свое влияние на весь Крым.

2

Правильный инстинкт подсказал, однако, матросской массе, что необходимо как можно скорее привлечь на свою сторону остальные части севастопольского гарнизона и судов. На-

¹ «Жизнь Крыма» от 8 мая 1906 года.

ибо более слабым звеном в развертывающейся цепи событий были пехотинцы, поэтому на завоевание их сочувствия и были направлены первые шаги Совета депутатов.

В казарму Брестского полка, расположенного недалеко от матросских экипажей, была послана депутация. Но с первых же шагов она натолкнулась на сильнейшее противодействие командира полка Думбадзе и на робость солдат.

Наиболее оппозиционным элементом среди последних были запасные, вырванные из деревень по случаю мобилизации на фронт; при всем своем раздражении против начальства они все еще недоверчиво относились к «флотским» и особенно к городским рабочим.

Днем 12 ноября полторы тысячи матросов и забастовавших рабочих портового адмиралтейства направились к казарме Брестского полка, чтобы присоединить к себе солдат. Энтузиазм матросов и рабочих постепенно заразил брестцев. Был наскоро устроен митинг. С призывом о присоединении выступил унтерофицер Прохор Фролов. Отдельные, осмелевшие солдаты начали помогать матросам обезоруживать офицеров. На митинге решено было всем отправиться «снимать» солдат Белостокского полка.

Растерявшийся было командир Брестского полка Думбадзе экстренно вызвал на помощь генералов Неплюева и Сидельникова. Почувяв, что затевается нечто серьезное, оба генерала поспешили к своему экипажу, но были немедленно окружены демонстрантами, потребовавшими от них распоряжения убрать пулеметы, поставленные на Историческом бульваре, т. е. как раз на том месте, где должна была пройти матросско-солдатско-рабочая демонстрация. Генерал Неплюев ответил отказом. Тогда матросы, при сочувственном нейтралитете брестцев, арестовали обоих генералов и отвели в Совет.

Как раз в это время в Совет депутатов явились артиллеристы, желавшие получить указания, как им вести себя: не отходить от орудий или испортить их. Однако депутаты были настолько заняты организацией шествия к белостокцам, что на артиллери-

стов не обратили никакого внимания. Им лишь предложили поскорее присоединиться к демонстрации.

В первых рядах пошли матросы, один из них нес андреевский флажок, воткнутый в штык. За матросами выстроились брестские солдаты, за ними шли рабочие, несшие огромное красное знамя с надписью «Да здравствует свобода!» на одной стороне и «Российская социал-демократическая рабочая партия» — на другой.

Шествие направилось на Новосильцевскую площадь, куда в боевом порядке выведены были солдаты Белостокского полка. Господам офицерам удалось убедить солдат, что вот-вот придут матросы, которые вместе с рабочими и «жидами» нападут на них. Велико же было удивление белостокцев, когда они увидели, что среди демонстрантов нет ни одного вооруженного, что с матросами шагают и брестцы, что отовсюду только и слышны выкрики:

— Мы мирным путем... присоединяйтесь!

Белостокцы дрогнули. Демонстрантам следовало немедленно же начать братание с ними, изолировать их даже от физического соприкосновения с офицерами. Но Совет депутатов медлил. Зато не медлил командир Белостокского полка полковник Шульман. Приказав своим солдатам взять на караул, он закричал:

— Гимн!

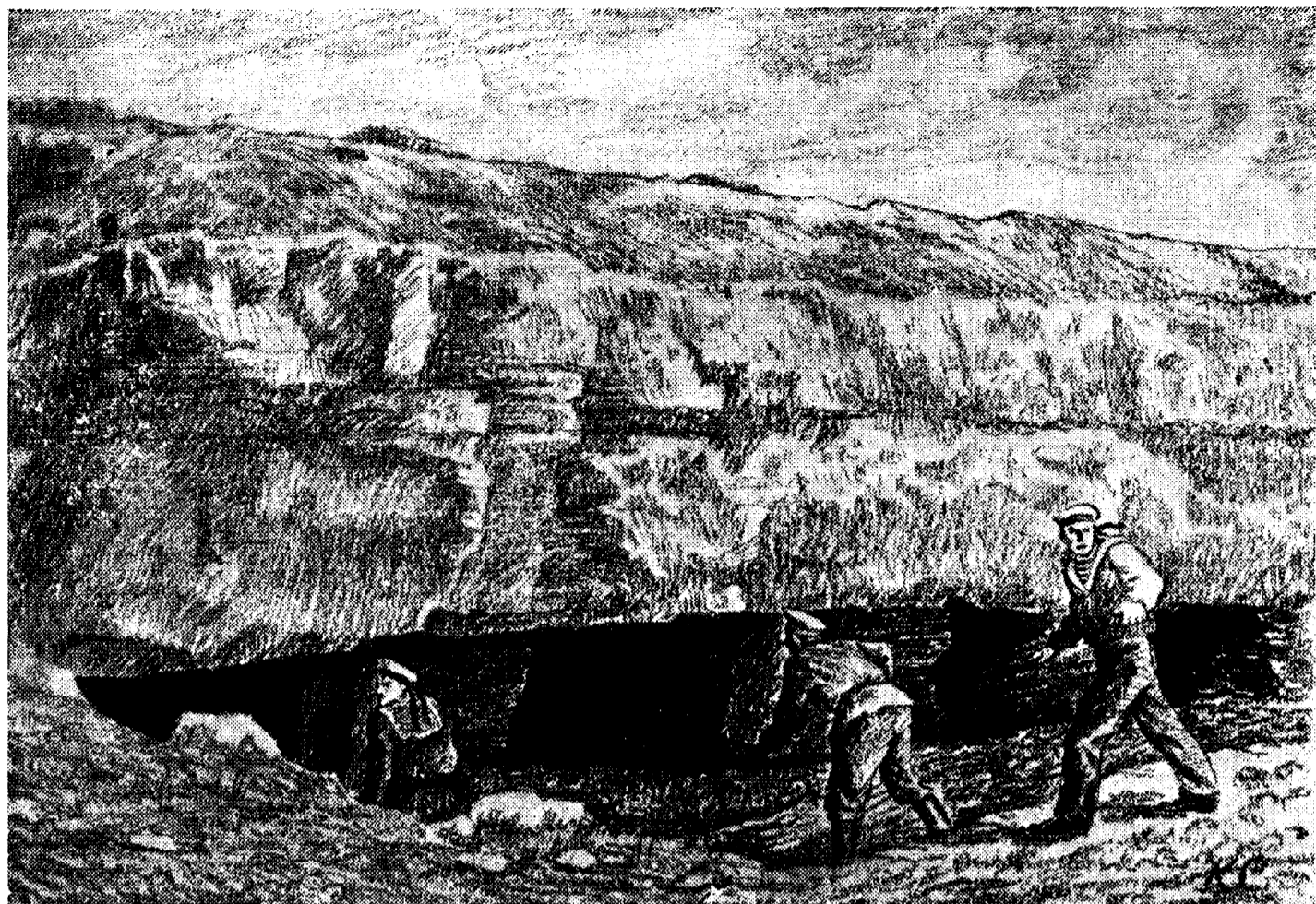
Белостокский оркестр заиграл «Боже, царя храни». Солдаты, в том числе и брестские, закричали «Ура!». Матросы были смущены, но, спохватившись и желая еще раз показать, что они идут «мирным путем», тоже заиграли «Боже, царя храни». Снова загремело «Ура!»

Опасаясь все же, что «его» солдаты могут с минуты на минуту присоединиться к мятежным матросам, полковник Шульман скомандовал:

— Кругом марш!..

Белостокцы повернули назад. Вслед за ними пошли было и демонстранты, но, полагая, что их нарочно заманивают в поле, чтобы там с ними, безоружными, жестоко расправиться, они повернули в город.

Так присоединение белостокцев кончилось неудачей.

Ход в заброшенную каменоломню близ Севастополя, в которой нелегально собирались матросы.
Рис. К. Сахарова. По фото Севастопольского музея революции.

Не лучше было положение и с брестцами. Едва они вернулись с демонстрации к себе в казарму, как оставшиеся на свободе офицеры и фельдфебели отвели их тайком в лагерь.

Какое значение для восстания могло бы иметь присоединение брестских и белостокских солдат, видно из того, как реагировал на первую же вест о демонстрации лондонский «Таймс»:

«Присоединение солдат, до сих пор верноподданных, к мятежным матросам вызывает серьезную тревогу. Если так же поступят солдаты, направляемые в Севастополь из окружающих провинциальных городов, то, пожалуй, всю Южную Россию придется вновь завоевывать—задача, с которой правительство может и не справиться»¹.

Запуганный перспективой победы восстания, консервативный орган переоценил сознательность солдатской массы и стратегические способности меньшевистских руководителей движения.

В тот же день матросам пришлось освободить генералов Неплюева и Сидельникова. По уверению «Наташи»

(с этим признанием Е. М. Карпинская запоздала ровно на... тридцать лет), если бы руководители Совета не плелись в хвосте массы, а более энергично воспротивились натиску небольшой кучки верноподданных (или, вернее, подкупленных) солдат-артиллеристов, обидевшихся на то, что матросы арестовали «их» генералов,—Неплюев и Сидельников не получили бы свободы.

«Но широкие массы были еще слишком наивны, слишком мирно, слишком благодушно, слишком по христиански настроены,—писал Ленин.—Они вспыхивали довольно легко, любой случай несправедливости, слишком грубое обращение офицеров, плохое питание и т. п. могло вызвать возмущение. Но нехватало выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: нехватало достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над всеми военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции»².

¹ «Таймс» от 27 ноября 1905 г.

² Ленин. Т. XIX, стр. 350—351.

Курс, взятый на мирную забастовку, только усиливал то настроение, на гибельность которого указывал Ленин.

В этом смысле несколько лучше обстояло дело на крейсере «Очаков».

В течение первой половины 1905 г. «Очаков» усиленно достраивался, на нем находилось до двухсот квалифицированных петербургских и севастопольских рабочих, здесь вел свою работу и товарищ «Дмитрий» (Анисифор Волошин), который, как и многие другие очаковские матросы, одно время был откомандирован на Сормовский и Путиловский заводы по приемке машин и орудий. Вместе с Волошиным, уволенным в запас и уехавшим из Севастополя накануне восстания на «Очакове», работала группа социал-демократов во главе с Александром Гладковым, Андреем Чураевым и Родионом Докукиным.

Волнения на крейсере начались еще за три дня до выстрела Петрова. Стычки матросов с командиром крейсера и офицерством приняли особенно бурный характер, когда начальство попробовало разоружить «Очаков» и этим уменьшить опасность присоединения его к другим восставшим матросам. Матрос Никита Антоненко убедил команду не допускать разоружения крейсера.

Тринадцатого ноября старший офицер Скаловский собрал команду и передал ей приказ Чухнина: «Все происходящее в экипажах считается мятежом. Кто за царя, выходи вперед на три шага».

Вперед вышли все без исключения матросы, даже те, кто был определенно против, а не за царя. Кто же хотел поддаться на провокацию начальства?

Тогда Скаловский пробует расколоть матросов при помощи другого приема. Он приказывает: «Кто, согласно приказу главного командира, считает дивизию мятежной, выходи вперед».

Ни один человек не двинулся с места.

Очаковские офицеры вполне основательно решили, что лучше будет для них, если при создавшемся положении они совсем покинут «Очаков». Забрав свои вещи, они поспешили перебраться на броненосец «Ростислав», коман-

да которого отличалась покорностью начальству.

Оставшись неограниченными хозяевами на «Очакове», матросы ввели у себя самоуправление, назначив командиром крейсера кондуктора Сергея Частника, известного своими революционными настроениями. Из числа матросов были выбраны и другие должностные лица, совсем не плохо справлявшиеся со своими новыми, «офицерскими» обязанностями.

Надо было немедленно отправиться в Совет депутатов за инструкциями. Но прежде чем отправиться в матросские экипажи, делегация очаковцев решила посетить человека, имя которого было известно не только каждому севастопольскому матросу и рабочему, но и далеко за пределами Севастополя.

Речь идет о лейтенанте Петре Петровиче Шмидте.

3

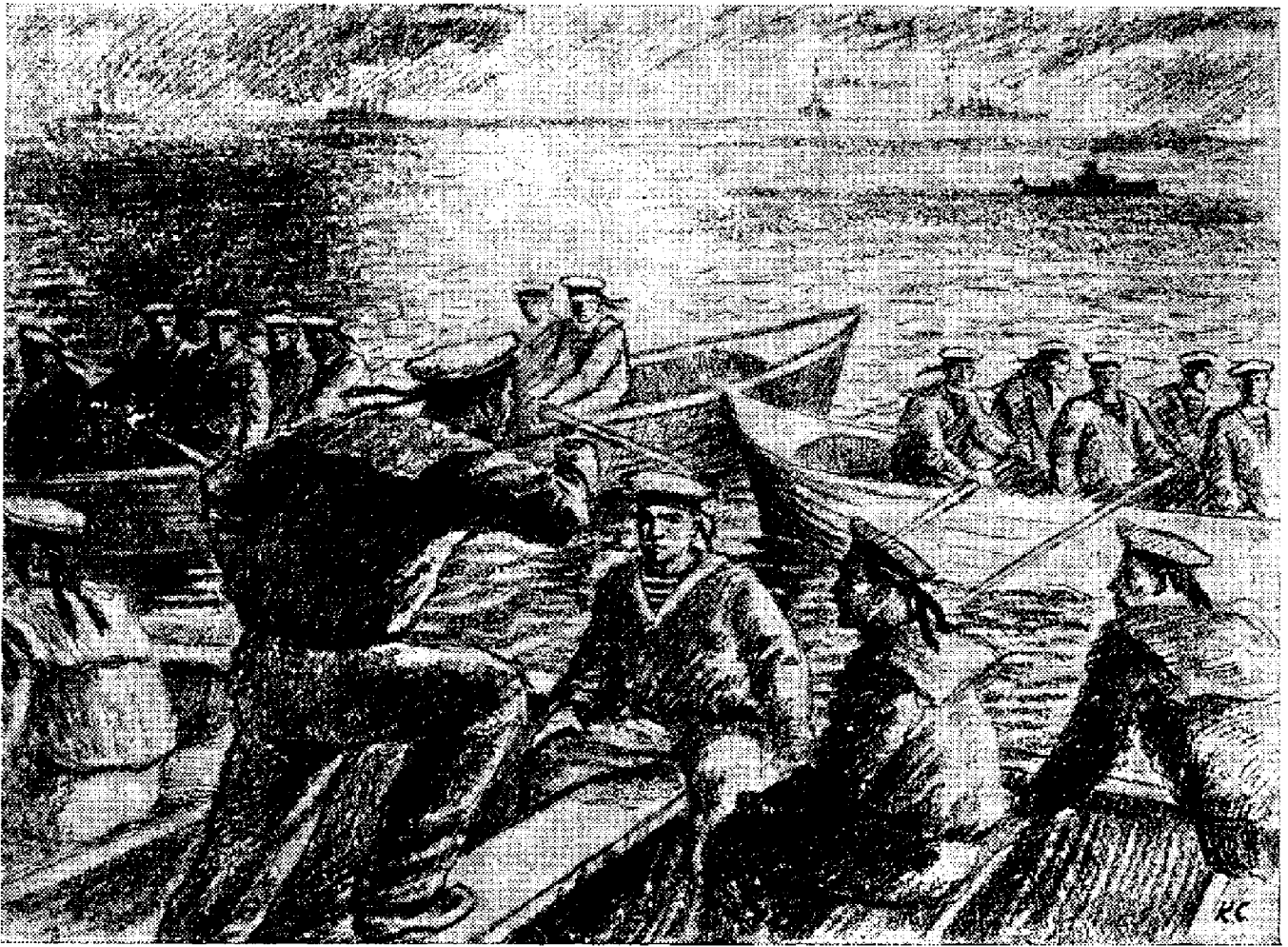
Лейтенант Шмидт, сыгравший значительную роль в севастопольском восстании, родился в Одессе в 1867 г. в семье адмирала. Во время учебы в Петербурге в Морском училище он подпал под влияние революционного народнического кружка.

Политическое развитие Шмидта относится к тому времени, когда народно-довольческое движение было окончательно разгромлено, а новое движение, основанное на применении к российской обстановке учения марксизма, лишь начинало находить себе сторонников.

«Я был горячий сторонник социалистической формы общественности,— писал Шмидт много лет спустя.— Я с юных лет интересовался общественными науками, только в них находя ответы на мучительные вопросы, разрешения которых требовало оскорбленное чувство правды и справедливости»¹.

Однако реакция, наступившая в годы царствования Александра III, и крайне неудачно сложившаяся личная жизнь Шмидта сделали то, что вплоть до 1905 г. он оставался не связанным

¹ А. П. Избаш «Лейтенант П. П. Шмидт». Воспоминания сестры, стр. 24. П. 1923.

Митинг матросов в открытом море.

Рис. К. Сахарова.

с каким-либо партийным или просто общественным коллективом. Отсутствие связи с партийными организациями объясняется еще и тем, что большую часть своей жизни Шмидт провел в плавании на военных судах и коммерческих пароходах, не только вне какого-либо фабрично-заводского центра, но и вне России.

Оставаясь «кабинетным социалистом» и лишь попутно ведя пропаганду среди своих сослуживцев — матросов торгового флота, Шмидт воспрянул духом, когда развернулось широкое революционное движение, ускоренное поражениями в войне с японцами.

«Остановить движение теперь невозможно даже крупными уступками,—писал он в одном письме.—Время утеряно. Поздно. Мы стоим накануне прозных дней. Не пройдет и года, как мы провозгласим демократическую республику. Сумбур, хаос и даже смешные стороны дела не могут скрыть от нас истинного смысла всей грандиозности совершившихся событий»¹.

¹ См. письма Шмидта к З. И. Р. (Зинаиде Ивановне Риссерг-Русецкой), стр. 160. Изд. Центрархива. 1922.

В другом письме он называет себя «социал-демократом», сторонником научного социализма, но на самом деле Шмидт был и оставался беспартийным социалистом, с сильным пережитком народнических и идеалистических воззрений. У него не было ясных представлений о тех реальных путях, которые должны привести трудящихся к социализму.

Будучи по убеждению республиканцем, он допускал употребление монархической терминологии в агитационных целях. Понимая, что либералам и социалистам не по пути, он все же считал возможным длительный блок с кадетами.

Приближаясь в некотором смысле к установкам «максималистов», Шмидт в то же время высказывался против революционного насилия, полагая, что величия и целесообразности самого социалистического учения достаточно для проведения его в жизнь.

«Кажущаяся более высокой или более удобной или более «дипломатической» внепартийная позиция на самом деле является лишь более неяс-

ной, более смутной и неизбежно червоточной непоследовательностями и колебаниями в практической деятельности»¹, — писал Ленин, и слова эти вполне применимы и к лейтенанту Шмидту. Однако необходимо подчеркнуть, что Шмидт был не только человеком величайшей честности, искренности и огромного личного бесстрашия, он обладал еще и темпераментом бойца-революционера.

После своего нашумевшего на всю Россию выступления 21 октября на кладбище во время похорон демонстрантов, Шмидт был подвергнут аресту на броненосце «Три святителя». Вице-адмирал Чухнин искал всяческих способов, чтобы расправиться с крамольным лейтенантом, но вынужден был уступить волне общественного (притом во всероссийском масштабе) протеста: пришлось освободить Шмидта. Единственное, в чем Чухнин пока успел, — увольнение Шмидта в отставку.

Шмидт только этого и ждал: отставка развязала ему руки.

Когда к нему обратились восставшие матросы с просьбой принять командование восставшим крейсером «Очаков», он после некоторого колебания дал свое согласие.

Его колебания вызывались тем, что он был против изолированного и чисто местного движения севастопольских матросов, полагая, что после октябрьской забастовки необходимо новое всероссийское выступление, новая всеобщая забастовка, руководимая из одного центра и подчиненная одной главной цели.

Но когда Совет депутатов пригласил его вечером 13 ноября на заседание и когда он со слов председателя и матросских членов Совета узнал о положении вещей, он тут же отбросил в сторону свои сомнения и принялся немедленно за организацию вооруженного восстания.

Собственно говоря, только с появлением лейтенанта Шмидта матросско-солдатское движение в Севастополе перешло от «мирной забастовки» к подлинному вооруженному восстанию.

Наметив вместе с Советом матросских и солдатских депутатов ближайшие действия (овладение флагманским

судном, захват миноносцев и крейсеров, обездвиживание крупных судов эскадры, использование минного транспорта «Буг» в качестве прикрытия «Очакова», вооружение матросов, находившихся в экипажах), Шмидт послал еще секретные телеграммы в стачечный железнодорожный узел и в «Союз союзов», прося их оказать содействие Черноморскому флоту и крепости в тот момент, когда восставшие потребуют созыва Учредительного собрания. Точно так же пытался он связаться с Петербургским советом рабочих депутатов, который со своей стороны послал приветствие восставшим севастопольцам.

Наметив ряд практических действий, Шмидт хотел на всякий случай зафиксировать их каким-нибудь чисто политическим документом. В том, как им образом он осуществил это вполне правильное намерение, сказались все недостатки политического развития лейтенанта Шмидта, изолированного от воздействия и контроля партийного коллектива. Ни с кем не советуясь, Шмидт послал следующую телеграмму, адресованную «его императорскому величеству»:

«Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам. Командующий Черноморским флотом лейтенант Шмидт».

Шмидт в беседе со своим сыном Евгением, который находился с ним на крейсере «Очаков», следующим образом объяснил смысл составленного им документа:

«Телеграмма, конечно, не окажет никакого действия в желаемом направлении, а вызовет в лучшем случае панику. Действовать будут факторы иного рода. Но если мы и погибнем, то движению дан смысл и значение. Моя телеграмма — это такая прокламация на всю Россию, какой ни одному эсеру не написать»².

Из мероприятий, намеченных на 15 ноября, Шмидту удалось осуществить лишь два: обездвиживание эскадры на минонос-

¹ Ленин. Т. VII, стр. 120.

² Евгений Шмидт-Очаковский «Лейтенант П. П. Шмидт», стр. 139. Изд. в Праге в 1925 году.

це «Свирепый» и освобождение потемкинских матросов, арестованных после восстания и находившихся на плувучей тюрьме «Прут».

Застопорив «Свирепый» у правого борта «Прута», Шмидт один поднялся по трапу и в самых категорических, но вежливых выражениях заявил офицерам о своем намерении тут же освободить потемкинцев и арестовать их, офицеров. Последние беспрекословно подчинились Шмидту, хотя вооруженной силы у них было в три раза больше чем на «Свирепом».

Освободив матросов и забрав в качестве заложников «прутовских» офицеров, Шмидт направил «Свирепый» к главному рейду и малым ходом поочередно обошел все броненосцы. Стоя во весь рост на капитанском мостике, он громко предлагал матросам и офицерам присоединиться к восстанию или же застрелить его, если они находят его деятельность вредной для России.

«Мне представилось, что я присутствую при историческом моменте, — писал впоследствии некий морской офицер Л. Арбузов. — Меня удивила безнаказанность этой небывалой по дерзости прогулки какого-то лейтенанта, призывавшего к мятежу матросов в присутствии командиров и офицеров чуть ли не всего Черноморского флота»¹.

Матросская команда наиболее крупных судов была запрятана начальством в трюм или отодвинута подальше от проходившего «Свирепого». На таких же броненосцах, как «Ростислав», матросы были настроены патриотически и вместе с боцманами и кондукторами встретили Шмидта более чем не приветливо. И только на «Пантелеймоне» (прежний «Потемкин») и на «Георгии Победоносце» Шмидт был встречен приветственными криками.

Поднявшись на броненосец «Потемкин», Шмидт произнес команде речь и арестовал весь офицерский состав, забрав его также на «Очаков» в качестве заложников.

Всех судов, присоединившихся к «Очакову», было около десятка, но это были мелкие суда, если не счи-

Лейтенант Шмидт.

тать броненосца «Потемкин». Присоединение к восстанию «Потемкина» имело бы крупнейшее значение, если бы он был как следует вооружен. Но вся беда была в том, что начальство успело предусмотрительно спрятать замки от орудий почти на всех судах эскадры.

4

Ряд документов, опубликованных А. Платоновым², доказывает, что в первые дни восстания вицеадмирал Чухнин не сумел поддержать своей славы твердого администратора. Одиннадцатого ноября утром он телеграфировал морскому министру:

«Направление выяснилось явно социалистическое. Все военное начальство и я сознаем, что военная власть потеряна, что оружие употреблять нельзя».

После выстрела Петрова Чухнин телеграфировал:

«Боевые роты отказались стрелять. Есть сведения, что войска сухопутные тоже не будут стрелять. Положение безвыходное. Матросы, вероятно, по-

¹ «Исторический вестник» № 1 за 1910 г.

² См. его книгу «Восстания Черноморского флота», стр. 274. М. 1925.

ставят какие-нибудь условия, которым придется подчиниться или распустить флот».

Чрезмерная осторожность главного командира производила в Петербурге плохое впечатление, и, по настоянию командующего войсками Одесского округа генерала Каульбарса, в главные умиротворители сева­стопольского восстания был назначен генерал Меллер-Закомельский.

План действий Меллер-Закомельского в основном сводился к тому, чтобы: 1) обезоружить все суда, забрав и спрятав подальше замки от орудий; 2) всеми средствами удержать от присоединения к мятежу артиллерийские части и пехоту; 3) вызвать срочное подкрепление из других городов и 4) потопить «Очаков», взорвав его минами.

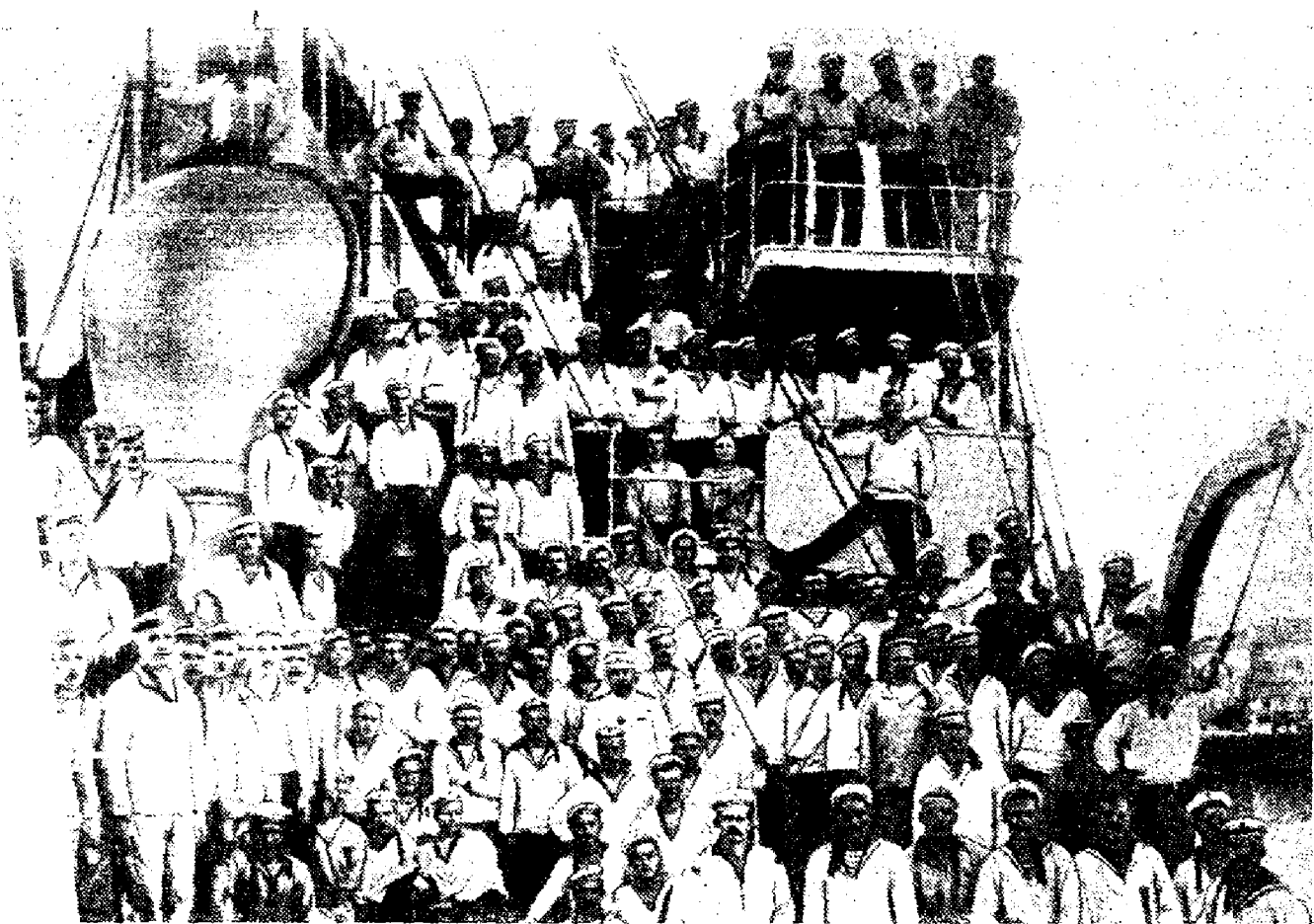
Мы уже указывали, что замороженный мнимой перспективой «мирного» развития военной забастовки Совет депутатов не придавал значения предстоящей роли крепостной артиллерии. Зато очень хорошо оценил эту роль сева­стопольский «Галифе» — Меллер-Закомельский. При помощи обмана он и его подчиненные сумели настроить

артиллеристов против повстанцев. Заняв казармы Брестского и Белостокского полков и 13-й артиллерийской бригады, где было размещено около четырех тысяч солдат, в том числе и части, пришедшие из Симферополя, Феодосии, Кишенева и Павлограда, генерал Меллер-Закомельский расставил на Историческом бульваре, на Северной, на Южной и на Корабельной сторонах 2 батареи и 28 орудий, не считая пулеметов.

До Совета депутатов доходили смутные сведения о приготовлениях Чухнина и Меллер-Закомельского, но, отнюдь не готовясь к настоящему вооруженному восстанию, он не поставил как следует свою разведку. Единственное, что он успел еще сделать, — это наспех организовать доставку в матросские экипажи кое-какого оружия, хранившегося в порту, в артиллерийском складе.

Усмирение началось с того, что 15 ноября в половине третьего с канонерки «Терец» дан был залп по катеру, на котором находились повстанцы.

Первый снаряд, попавший в катер «Проворный», послужил поводом к систематическому (заранее тщательно

да «Очакова» на палубе крейсера за две недели до восстания.

Пожар на крейсере «Очаков».

подготовленному) обстрелу «Очакова», флотских экипажей и судов, на которых подняты были красные флаги. Миноносец «Свирепый», на котором в этот момент находились Вороницын, председатель Совета депутатов, и передовые матросы Сиротенко, Мартыненко и Штрикунов, пробовал было пойти в атаку, но с правительственного броненосца «Ростислав», которому Чухнин, заблаговременно и тайком вернул замки от орудий, посыпался град снарядов, и «Свирепый» был выведен из строя.

Центром внимания усмирителей был, конечно, крейсер «Очаков». Броненосец «Ростислав», крепостная артиллерия, пулеметы с Исторического бульвара, винтовки солдат Брестского полка — все они, словно соревнуясь, посылали адский огонь на красный крейсер.

Шмидт распорядился немедленно же навести и очаковские пушки. Но соотношение сил было очень невыгодно для «Очакова». К тому же вследствие неисправности орудий крейсер неспособен был оказывать серьезное сопротивление.

Больше часа продолжался комбинированный обстрел «Очакова», получившего пятьдесят две пробоины от одних только орудий крупного калибра. Когда на крейсере начался пожар, Шмидт, его шестнадцатилетний сын и

оставшиеся в живых матросы бросились в воду. Но и в воде их преследовал жестокий враг: в плывущих стреляли солдаты, предусмотрительно расставленные вдоль берега.

Шмидту с сыном удалось приплыть к одному из красных миноносцев, но «Ростислав» быстро нащупал его своим прожектором и послал ему вдогонку три залпа. Последний снаряд исковеркал машину: миноносец остановился. Шмидт и уцелевшие матросы были доставлены на «Ростислав». После диких глумлений со стороны озверевших офицеров Шмидт и его сын были отправлены в город Очаков и посажены до суда в каземат крепости.

Не оставлены были без соответствующего внимания усмирителей и матросские казармы. Двухтысячная масса повстанцев, вначале убежденная, что дальше мирной забастовки конфликт с начальством вряд ли пойдет, на всякий случай, и то лишь с большим опозданием, приготовилась обороняться. Но натиск усмирителей был до того быстр и сокрушителен, а средства обороны до того жалки и ничтожны, что после небольшой попытки сопротивления все две тысячи человек стали покорно ждать конца адской канонады.

Стрельба по экипажам длилась до самого утра; на рассвете брестские солдаты, те самые, которые вместе с матросами и рабочими ходили «сни-

мать» белостокских солдат, взяли штурмом экипажи и арестовали 1600 человек.

Восстание было подавлено.

Говоря о победе «бессознательного и скованного дисциплиной войска над армией свободы в Севастополе», Ленин писал: «Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо.

Пусть же готовятся рабочие-социал-демократы к еще более великим событиям, которые возложат на них гигантскую ответственность!»¹.

5

На суд адмиралов предстали далеко не все арестованные. До сотни человек успело бежать из-под ареста.

Все подсудимые были разбиты на три отдельные группы. Очаковские матросы с лейтенантом Шмидтом во главе судились первыми в г. Очакове. Из четырех судей трое были командирами тех кораблей, с которых производился обстрел крейсера «Очаков». Из ста пятнадцати свидетелей около ста человек были вызваны со стороны обвинения. Суд происходил при закрытых дверях, даже ближайшие родственники подсудимых не были допущены, не говоря уже о представителях печати.

Правительство изо всех сил спешит

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 399.

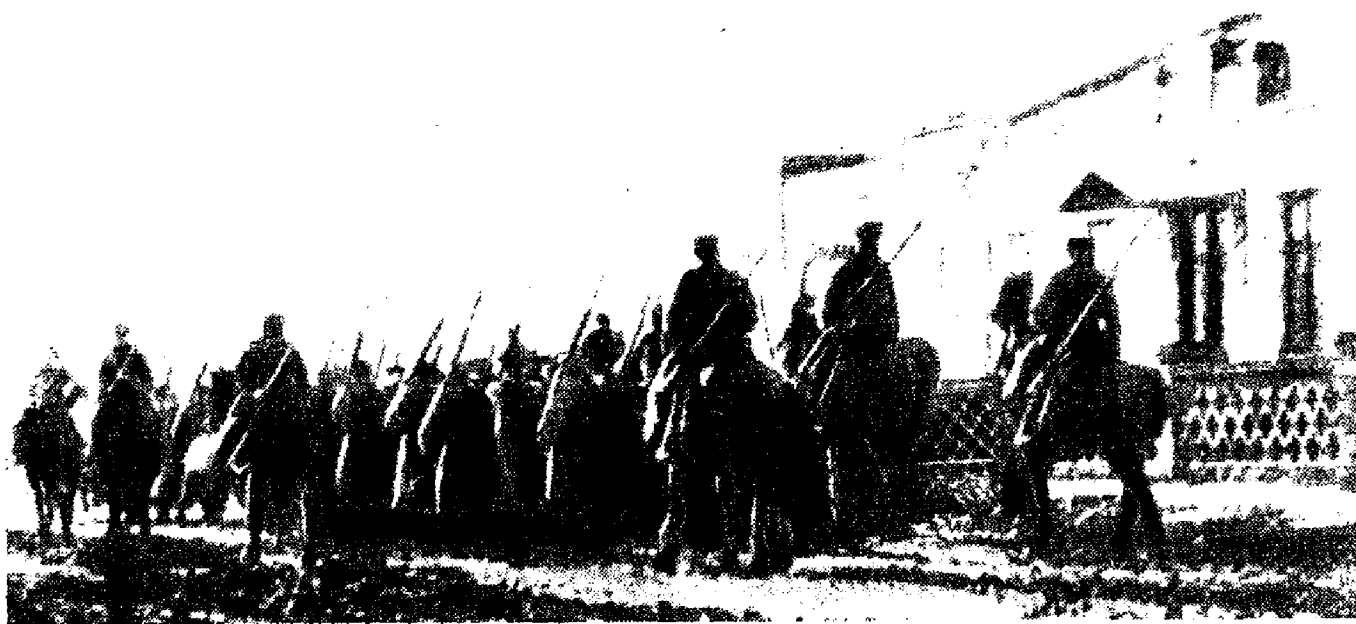
ло поскорее покончить с этим делом. приближался созыв Первой государственной думы, довольно оппозиционной по своему составу, и царь и его министры вполне основательно опасались, как бы это не помешало привести в исполнение заранее предрешенные смертные приговоры.

Это же обстоятельство — ожидание созыва Государственной думы — побудило политическую адвокатуру, выступавшую на очаковском процессе, стать на принципиально неправильный путь. Вместо того чтобы использовать процесс как новое средство нападения на самодержавный строй, адвокаты поставили себе лишь одну цель — во что бы то ни стало, ценою каких угодно компромиссов и комбинаций², оттянуть суд, спасти Шмидта и его ближайших помощников от смертной казни.

Прокурор Ронжин требовал смертной казни чуть ли не для десятка очаковцев, но суд приговорил к ней четверых: Шмидта, Александра Гладкова, Никиту Антоненко и Сергея Частника.

«Не горсть матросов, нарушивших присягу, и не гражданин Шмидт перед вами. Перед вами здесь, на скамье подсудимых, вся стомиллионная Россия, — говорил Шмидт на суде. — Ког-

² Они убеждали Шмидта притвориться ненормальным, уверяли в своей кассации, будто очаковцы — горячие монархисты и т. п.

Осужденных матросов уводят после суда в крепость.

да дарованные блага стали отнимать у народа, то стихийная волна жизни выдвинула меня, заурядного человека, из толпы и из моей груди вырвался крик. Я счастлив, что крик этот вырвался именно из моей груди.

Я знаю, что столб, у которого я встану принять смерть, будет водружен на грани разных исторических эпох нашей родины. Сознание это дает мне много силы, и я пойду к столбу как на молитву. Позади, за спиной у меня, останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию. Великая радость и счастье исполняют мне душу, и я приму смерть»¹.

Суд над очаковцами начался 7 февраля, приговор был вынесен 18 февраля, а приведен в исполнение 6 марта 1906 г. на острове Березань. Царь лично торопил поскорее расправиться с лейтенантом Шмидтом. Вицеадмирал Чухнин, от которого формально зависело утверждение приговора, ограничился лишь одной «милостью»: в отношении Шмидта повешение было заменено расстрелом.

На казнь все четверо очаковцев шли не только мужественно, но и величественно.

Из остальных участников севастопольского восстания восемь человек из второй и третьей группы подсудимых было приговорено к смертной казни с заменой ее бессрочной и двадцатилетней каторгой. Сто десять человек было приговорено к различным срокам каторги. До полусотни человек было осуждено в арестантские роты и в дисциплинарный батальон.

«На политическую сцену активным борцом выступает масса... Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения,

как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы»².

Так писал Ленин после 9 января 1905 года.

В севастопольском восстании масса восставших матросов и солдат понесла поражение, поднявшись на героическую борьбу с самодержавием. Считая себя выразителем стремлений этих масс, Шмидт ринулся им на помощь, но погиб вместе с ними в этой неравной борьбе.

«Знаете, кто я теперь такой, — писал Шмидт, после того как на одном митинге он был избран пожизненным представителем в Совет народных депутатов, — знаете, кто я теперь такой? Я пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания? «Пожизненный» — этим хотели они меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть свое доверие на всю мою жизнь, показать мне, что они знают, что я жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю до гроба. Вот какую великую честь они сделали мне!

...Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне — «пожизненного» депутата рабочих. О, я сумею жизнь свою положить за них. И ни один из них никогда, ни они, ни дети их не пожалеют, что дали мне такое звание».

В памяти живых еще участников революции 1905 г. как и в памяти их потомства лейтенант Шмидт, несмотря на незрелость своего общего политического мирозерцания, остался жить как революционер, как искренний друг рабочих, избравших его своим «пожизненным» депутатом.

¹ А. П. Избаш. Цит. соч., стр. 113.

² Ленин. Т. VII, стр. 83.

В ОГНЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

1

Когда Ленин писал свой знаменитый труд «Развитие капитализма в России», его внимание не случайно привлекли аграрные процессы, протекавшие в конце прошлого века в Таврической губернии. Сдвиги, происходившие в конце XIX в. в ее селах и усадьбах, ярко отражали общую линию развития капиталистических отношений в русской деревне.

Таврическая губерния — дворянская вотчина, над которой особенно сильно тяготел «позор феодального крупного землевладения» (Ленин), — быстрее других вступала на капиталистический путь развития.

Здесь особенно тесно переплетались феодальные способы эксплуатации крестьянства с капиталистическими, что удваивало и утраивало гнет и закабаление крестьянства, прибавляя к помещичьему ярму все более усиливающуюся тяжесть кабалы со стороны растущей деревенской буржуазии — кулачества.

Поэтому в таврической деревне особенно ярко и непримиримо развертывались, по ленинскому выражению, «две социальных войны»: всего крестьянства против помещиков, с одной стороны, и внутри крестьянства — между батрачко-бедняцкими слоями деревни и сельской буржуазией — с другой.

Внимание Ильича к процессам, происходившим в этой губернии, привлекалось еще и тем, что здесь концентрировались крупнейшие в России княжеские, дворянские и другие сословные и частновладельческие поместья.

Несколько десятков крупных помещиков Днепровского уезда владело более 500 тыс. десятин земли, из них только один Фальц-Фейн имел 200 тыс. десятин, а десятки тысяч крестьян уезда все вместе имели только 221 тыс. десятин наделной земли и около 34 тыс. десятин купчей (последними располагало главным образом кулачество).

Острое безземелье душило таврическое крестьянство и неумолимо толкало его в арендную и батрацкую петлю к именитым помещикам. Земельная нужда была так велика, что почти все крестьяне вынуждены были арендовать у помещиков землю на чрезвычайно кабальных условиях, по неслыханно дорогой цене.

«Августейший» помещик Михаил Николаевич Романов (дядя царя Николая II), сдавая крестьянам через управляющих часть своих необозримых земель в аренду, требовал сверх арендной платы отработок, платы натурой и всяких повинностей. Сюда надо прибавить невероятные штрафы за каждое, даже самое мелочное нарушение устанавливаемых самим князем «правил». Что представляли собой эти правила, видно из такого примера: крестьянам запрещалось ездить через романовское поместье. Даже буржуазный «Крымский вестник», сюсюкавший о том, что великий князь «всегда отдавал предпочтение беднейшим крестьянам», сдавая им по «недорогой цене» землю в аренду, не мог скрыть, что великокняжеская экономия «была строга в наложении штрафов за потравы и проезд по экономической земле».

В довольно откровенном «секретном» письме таврического губернатора одному из крупнейших помещиков губернии, В. Д. Шредеру, приводятся чрезвычайно характерные данные, говорящие о тесном переплетении в поместьях Таврической губернии феодальных форм эксплуатации с капиталистическими:

«Милостивый государь Вильгельм Давидович!

При объезде в текущем месяце Днепровского уезда Высочайше вверенной мне Таврической губернии я натолкнулся на сельскохозяйственное явление, почти повсеместное в уезде,

бесспорно служащее одной из главных причин проявления недовольства со стороны крестьян за последнее время. Заключается оно в тех тяжелых условиях аренды, которые установлены местными землевладельцами при сдаче своей земли крестьянам в наем.

Так, назначая высокую арендную плату за землю, владельцы требуют взноса всех денег при заключении договора. Не каждому крестьянину это под силу, и многие вынуждены ограничиваться недостаточным количеством земли. Тогда как рассрочка платежа дала бы возможность каждому снять столько земли, сколько нужно для удовлетворения потребностей его семьи.

Существующие условия аренды исполу, сами по себе довольно обременительные для с'емщиков, большинством крупных землевладельцев Днепровского уезда в последнее время отягощаются дополнительными налогами, как бы за право аренды, известными под названием «верхов».

Верхи налагаются различные: в виде особой платы за каждую полученную в аренду десятину, в виде обязанности арендатора свезти на пристань экономический хлеб, считая подводу от десятины, бесплатно проработать в экономии несколько дней, бесплатно же собственными средствами вспахать для экономии несколько десятин земли и т. д.

Все они в равной степени обременительны для крестьян и, напоминая собою бывшие зависимые отношения крестьян к помещикам, им ненавистны. Приемлются же по нужде, вследствие недостаточности земельных наделов. Таким образом, господами положения, безусловно, являются помещики, которые диктуют крестьянам свои требования, повышая их соразмерно с ростом крестьянской нужды в земле...»¹.

Таково было положение крестьян Таврической губернии, как, впрочем, и повсеместно, к началу первой революции.

¹ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора. «Наряд таврического губернатора о беспорядках в Днепровском уезде».

Таврическая деревня встретила 1905 год грандиозным массовым восстанием крестьянства против царско-помещичьих латифундий и частично—против наиболее ненавистных представителей кулачества. Десятки деревень, тысячи крестьян, зачастую организованными и многочисленными отрядами, нападали на дворянские и великокняжеские гнезда, расправляясь с вековым врагом. Наиболее крупные выступления крестьян происходили там, где особенно сильно было пролетарское влияние. В восстаниях таврических крестьян большую роль играла александровская большевистская организация. Значительное влияние на крестьянское движение оказывали также в этой прибрежной полосе революционные матросы Черноморского флота.

Через всю губернию пролетала одна из основных магистралей России—Харьково-Севастопольская железная дорога (ныне Южная) с рядом крупных депо и железнодорожными мастерскими, в которые наряду с прибывшими с севера, из промышленных центров, кадровыми, квалифицированными рабочими приходили наниматься и разорявшиеся бедняки таврических деревень.

Наиболее активную организаторскую и агитационную работу среди таврических крестьян вели рабочие Александровска и Мелитополя.

Рабочие Александровских ж.-д. мастерских и других предприятий часто приглашали крестьян в город на митинги, созывали также сходки в деревне. Александровская большевистская организация развила энергичную работу в деревне и сумела завоевать доверие и авторитет крестьянских масс.

О влиянии рабочих свидетельствует следующий эпизод: в начале ноября в Царицын кут (латифундию графа Канкринна) пришли четверо рабочих из Александровска и просили сельского старосту собрать сход. Староста отказал. Тогда рабочие сами собрали при содействии передовых крестьян сход человек в 20 и заявили крестьянам, что единственное средство освободиться от притеснений графа Канкринна, эксплуатировавшего не только Царицын кут, но и ряд окрестных деревень,—это стать на революционный

путь и разгромить его экономии. «Советы эти крестьянами встречены сочувственно. Многие из них подстрекают своих односельчан к тому же», — сообщал губернатору земский начальник, просивший распоряжения об аресте «зачинщиков» и указывавший, что «небольшая, но решительная партия крестьян, уже подготовленных, может оказать сопротивление»¹.

Связь александровской большевистской организации и рабочих с крестьянами все больше беспокоит земского начальника:

«Население Царицына кута находится в постоянных сношениях с окрестными селами Александровского уезда, — доносит он губернатору. — Многие из крестьян служат в Александровских мастерских и по воскресеньям приходят домой... Аграрное брожение исходит из сел Александровского уезда, Краснокутовки и Кушугумовки, где значительная часть крестьян заражена революционной пропагандой... Удаление из сел некоторых крестьян, стоящих теперь во главе движения, могло бы приостановить его, но Александровский уезд быстро подготовил бы новых деятелей. Крестьянин Ксенофонт Швед, один из самых прогрессивных в селе, получил вчера записку от имени служащих Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги, написанную совершенно безграмотно, в коей «граждане» Царицына кута приглашаются на сходку, на луг близ с. Краснокутовки, для обсуждения вопроса о снятии рабочих в экономии «гражданина» Канкрина. Туда же, по слухам, приглашены и краснокутовцы... В настоящее время в имении Соколова, расположенном вблизи экономии Канкрина, находится взвод казаков, вызванный Канкриным и Соколовым из Александровска... Граф Канкрин полагает, что для успокоения крестьян нужно поставить в Царицын кут воинскую часть с содержанием ее за счет жителей...»².

Несомненно, что деревня Царицын кут не была исключением. Активная

революционная работа велась рабочими Александровска и Мелитополя и в других деревнях Таврической губернии.

3

Разразившийся в Черноморском флоте летом и осенью 1905 г. ряд революционных восстаний: на броненосце «Потемкин», на «Пруте», на «Очаков» и др., в большинстве протекавших в прибрежной полосе Таврической губернии, — оказал на крестьян огромное революционное влияние. Это влияние просачивалось через отпускных матросов-черноморцев, многие из которых вели в родных деревнях агитационную и организаторскую работу, «подбивали крестьян к бунтам», как сообщало начальство, и помогали вырывать требования к помещикам.

Накануне и в дни потемкинского восстания на Черном море в целом ряде деревень Днепровского и Мелитопольского уездов появилось множество черноморских матросов.

Особенно бурные события разыгрались вокруг пребывания матросов в мелитопольской деревне Ивановке, в которой безраздельно властвовала и свирепствовала помещица Ковалевская.

В дни потемкинского восстания в Ивановку приехали в отпуск два матроса Черноморского флота — Прокоп Лысый с броненосца «Чесма» и Роман Дунаенко. В другую мелитопольскую деревню — Михайловку — приехали матросы Степан Широчкин и Константин Гнедой.

По приезду в Ивановку матросы Лысый и Дунаенко сделали крестьянам подробный «доклад» о том, что творится во флоте. В свою очередь ивановцы поделились с матросами-односельчанами последними «новостями» о притеснениях помещицы Ковалевской, которая взвинтила арендную плату до 28 рублей за десятину, снизив плату батракам до 25 копеек в день, и в довершение всего отказала большинству ивановцев в дальнейшей аренде земли.

Наиболее смелые из ивановцев, крестьяне Сидоров, Рамешатий, Ногаец и другие, все эти дни не отходили от матросов, советуясь с ними. В резуль-

¹ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, дело об аграрном движении в Мелитопольском уезде, 1905 год.

² Там же.

тате «в июне 1905 г.,—как сообщал «Крымский вестник»,—ивановцы явились толпой в экономию, куда на летние месяцы приехала владелица экономии Ковалевская, и пред'явили ей требование отдать им в аренду почти всю экономическую землю, в количестве 6 тыс. десятин, за плату до 4½ рублей в год за десятину, причем крестьяне потребовали заключения соответствующего договора, угрожая в противном случае сжечь экономию. Ковалевская вынуждена была подписать договор об отдаче ивановцам в аренду земли на означенных условиях. Но затем, считая такой договор недействительным и возбудив против ивановцев уголовное преследование, Ковалевская стала раздавать землю крестьянам окрестных селений. А так как ивановцы не желали этого допустить и прогнали посторонних крестьян, являвшихся брать землю в аренду, то вызвана была сотня казаков, при содействии которых экономическая земля и была роздана крестьянам других деревень по цене 14—26 рублей за десятину. Таким образом, ивановцы остались без экономической земли, что разумеется еще больше ухудшило их отношение к экономии...»¹.

Выступление ивановцев было одним из первых революционных событий в мелитопольской деревне в 1905 году. Участие матросов еще более усилило тревогу среди помещиков и властей Таврической губернии.

Таврический губернатор обратился с особым личным, «конфиденциальным» письмом к адмиралу Чухнину, командующему Черноморским флотом, с просьбой о высылке всех отпускных матросов из деревень ввиду «вредного», революционного влияния их на крестьян.

«8 июля 1905 г. *Конфиденциально.*

Милостивый Государь Григорий Павлович!

По имеющимся у меня сведениям, в Днепровском уезде вверенной мне губернии пребывает довольно значительное количество матросов Черноморского флота, состоящих в отпусках. По отзывам местной администрации, подтвержденным личным моим наблю-

дением, сделанным в бытность мою в названном уезде, проживающие там матросы оказывают весьма вредное, деморализующее влияние на крестьян, из среды которых они происходят.

Влияние этих матросов представляется особенно опасным в настоящее время, когда производится уборка хлебов и благодаря этому всего легче могут возникнуть недоразумения и обостриться отношения между землевладельцами и крестьянами, арендующими земли для посевов, и когда еще так свежи впечатления, навеянные инцидентом с командой броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Признавая вследствие сего крайне нежелательным оставление в настоящее время в среде крестьян Днепровского уезда означенных выше матросов, я позволяю себе непосредственно беспокоить Ваше Превосходительство покорнейшею просьбою не отказать в зависящих распоряжениях о немедленном отозвании матросов Черноморского флота, находящихся в отпусках в Днепровском уезде вверенной мне губернии, к местам их служения»².

Насколько сильный страх внушало властям пребывание революционных матросов в деревне, показывает тот факт, что уже через несколько дней после этого письма ряд матросов был тут же выслан из деревень и заодно губернатор потребовал высылки всех матросов из остальных уездов Таврической губернии.

Но и самые ретивые полицейские мероприятия не могли предотвратить надвигавшийся взрыв.

4

Таврическое крестьянство перешло в наступление. Начиная с весны 1905 г. крестьяне открыто захватывают выпасы и посевы помещиков, пред'являют им ряд смелых требований, требуют их удовлетворения подчас в ультимативной форме, угрожая поджогами и разгромами. Эти выступления носили настолько массовый характер, что помещики перетрусили и, пожалуй, впервые пошли на некоторые уступки.

² Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол за 1905 год. Переписка со штабом Черноморского флота. Письмо № 3373 от 8/VII 1905 года.

¹ «Крымский вестник» № 235 за 1906 г.

Особенно быстро разрастались выступления крестьян в десятках сел, эксплуатировавшихся Фальц-Фейном. Как телеграфировал исправник Эккерт, «у Фальц-Фейнов в нескольких их экономиях: Збурьевской, Бехтерской, Чалбашской, Каланчакской, Громовской, Большекопанской волостях— брожение сильно разрастается. Владельцы, опасаясь мести, избегают преследований. Крестьяне с угрозами, насилием, сопротивлением полиции выпасывают покосы. В некоторых экономиях вынудили раздать землю, не оставив ничего для экономических нужд... Местные средства умиротворения все исчерпаны, на них рассчитывать больше нельзя. Безусловно, необходима безотлагательная присылка конных войск: пешие части мало помогут делу; если войска прибудут после первого мая, будет поздно. Настроение настолько возбуждено, что малейший повод вызовет грозный погром экономий и кровавые столкновения...»¹.

Первые выступления произошли еще в марте—апреле 1905 г. под непосредственным влиянием революционных событий в городах, после расстрелов у Зимнего дворца. Начинаясь весенний сев снова поставил перед голодными крестьянами вопрос о семенах для посевов и выпаса для скота. «Крестьяне грозно пред'явили требования о выдаче семян для посева, а равно корма для скота... за сим крестьяне потребовали предоставления им земли под выпас тысячи двухсот лошадей за плату по рублю шестидесяти с десятины, и это требование мы вынуждены были удовлетворить, но крестьяне никакой платы не производят. В настоящее время крестьяне, угрожая нашей личной неприкосновенности и разгромом усадеб, невозвращением следуемой скопщины, требуют предоставления в их распоряжение сенокосов...», — жаловались губернатору помещики Тропины, причем, добавляли они, «сознавая свою беззащитность, мы были вынуждены удовлетворить это требование, хотя таковое, помимо его противозаконности, по существу, являлось несправедливым»².

¹ Крымцентрархив. Исторический архив. Дело таврического губернатора за 1905 г.

² Там же.

Эта жалоба отражает страх и растерянность, охватившие помещиков. 20 крупнейших помещиков Бехтерской, Покровской, Краснянской и Чаловской волостей, Днепровского уезда, подали «коллективное» телеграфное прошение губернатору с жалобами на «сильное аграрное движение, угрожающее нашей личной неприкосновенности и благосостоянию вследствие требования крестьян о предоставлении в их распоряжение и согласно диктуемым ими условиям принадлежащих нам земельных имуществ»³. Это заявление подписали помещики Вильгельм Шредер, Овсяннико-Куликовский, Гергард Классен, Геймер, Леминитру, Давид Классен и управляющие именьями князя Трубецкого, Митраха, Александра Вассала, Геринга, Романа Вассала и еще одного Вассала, Болиновского, Трепицына, Шмидта, Фаста и братьев Тропиных. По одному перечню фамилий крупнейших помещиков можно судить, какой широкий размах приняли с самого начала аграрные выступления таврических крестьян.

Особенно крупное выступление крестьян в течение весны произошло в большом имении помещика Шредера, подвергавшего зависимых от него крестьян особо изощренной эксплуатации, наиболее ярко и открыто применявшего и феодальные и новые, капиталистические методы ограбления крестьянства. Крестьяне его деревень жаловались губернатору, что «сосед наш Василий Давидович Шредер (землевладелец) истесняет нас землей и прочими действиями... Шредер из имеющихся у него 7 тыс. десятин земли отпускает нам по 4 десятины на домохозяина и то еще с половины, т. е. каждый домохозяин обязан своею снастью пахать и засеять все 4 десятины своими семенами и по урожаю опять же каждый домохозяин должен скосить и отвезти с 2-х десятин в экономию Шредера и скидать, где ему заблагорассудится, кроме того за эту же землю он Шредер берет 4 человека на молотьбу с нашего селения, платит же по существующей у помещиков цене, мы же остальную сумму доплачиваем, так как за помещичью

³ Там же.

цену мы нанять нигде не можем, а по-всегда дороже. Кроме всего этого, за эту же землю на нас наложены вер-хи, т. е. должны ему все домохозяева селения привезти какую бы он ни пожелал тяжесть и какое бы то ни бы-ло расстояние...»¹.

Но вместо обычной покорной прось-бы о помощи жалоба заканчивалась прямой угрозой:

«Мы уже вышли с терпения и жить при таких достатках ни в коем случае не можем».

Конечно, никакой «помощи» от гу-бернатора крестьяне — данники Шре-дера — не дождались.

Тогда, 18 апреля, крестьяне села Челбасы, арендаторы шредеровских земель, вышли целым отрядом на поля шредеровского имения Васильевка. По сообщению управляющего, в отряде было 80 «вооруженных» крестьян, ко-торые захватили «под угрозой жизни» помещичье имущество. 26 апреля те же крестьяне снова появились в шре-деровском поместье и официально за-явили управляющему экономией, что урожай этого года они дадут лишь скосить, а весь хлеб заберут себе. В другом имении Шредера «доходило до того, что збурьевцы хотели убить ува-жаемого старика Шредера». Те же крестьяне села Збурьева, одного из самых революционных в Днепровском уезде, весной начали сводить счеты и с другим помещиком — Классеном. Вме-сте с крестьянами села Чулаковки, 7 апреля, збурьевцы явились в имение Классена и открыто захватили и вы-везли на корм своему истощенному скоту 23 подводы ячменной соломы. На другой день те же крестьяне снова приехали на 33 подводах. В течение всего лета збурьевцы совершали ре-гулярные наезды на помещичьи усадь-бы, захватывая поля, выпасы, рыбо-ловные угодья. Каланчакцы захватили в свою очередь выпаса Фальц-Фейна. А 26 мая крестьяне села Рейска приеха-ли в имение князя Трубецкого и за-хватили 50 подвод сена. Служащие экономии пытались отбить захвачен-ный крестьянами фураж, но крестьяне приехали вооруженными, они отстре-

льзались и дали семь выстрелов по по-мещичьим лакеям. Такой же захват совершили крестьяне и в имени по-мещика Тропина.

Оставив без всякого внимания бес-численные жалобы крестьян, тавриче-ский губернатор быстро внял «моль-бам» помещиков, едва те прислали жа-лобы на то, что крестьяне «вышли из терпения» и захватывают помещичье имущество. В Днепровский уезд был прислан целый эскадрон казаков, со-вершивших первый в 1905 г. кара-тельный рейд по селам Днепровского уезда. После усмирения сел Каланчак, Челбасы, Каховка казаки об'ехали ряд других, наиболее революционных селений Таврической губернии. Каза-ки были присланы и в мелитопольские деревни, где также произошел еще весной и летом 1905 г. ряд захватов крестьянами помещичьей земли, вы-пасов и хлеба. Особенно свирепство-вали казаки в Ивановке, том самом селении, в котором вели пропаганду революционные матросы Лысый и Ду-наенко.

5

Взрыв крестьянской революции раз-растался и усиливался под влиянием революционных событий по всей Рос-сии. Озлобленные и возбужденные при-тязаниями помещиков, крестьяне, ед-ва пронеслись первые вести о всеоб-щей октябрьской забастовке и новой полосе восстаний в Черноморском флоте в ноябре 1905 г., вооружаются вилами и топорами.

Сигнал ко всеобщему восстанию и разгромам в Днепровском уезде был подан крестьянами Бехтерской воло-сти, организованно вышедшими в по-ход на имение особенно ненавистных помещиков — братьев Тропиных.

«Утром 25 ноября... получено было сведение о первом нападении на эко-номию братьев Тропиных. Ясно было, что началось крестьянское движение, приближение коего чувствовалось все-ми нами»², — писал в донесении вла-стям товарищ прокурора Рукавишни-ков.

Власти верно поняли значение кре-стьянского похода на помещиков Тро-пиных. Почти тотчас же поднялись и

¹ Крымцентрархив. Исторический архив, дело таврического губернатора за 1905 год.

² Там же.

крестьяне Збурьевки, Голой Пристанни, Долматовки. Уже через 2—3 дня (в конце ноября 1905 г.) начался разгром Софиевской экономии помещиков Вассала, Долматовского, имения князя Трубецкого, поместья дворянки Нестроевой, Скздовского, поместья Овсяннико-Куликовского, затем экономии Классена, Шредера и других, и, наконец, разгром всей своей страшной силой обрушился почти на все поместья знаменитых Фальц-Фейнов: в Аскании-Нова, Черноморье. Таким образом, уже в первые дни движения боевое выступление таврических крестьян приняло сразу огромный размах, охватив буквально в 2—3 дня десятки крупнейших помещичьих имений, занимавших по площади почти половину Днепровского уезда.

Три дня, 25, 26, 27 ноября, были днями наивысшего напряжения крестьянских восстаний в Днепровском уезде. Как видно из приведенного выше письма прокурора Рукавишников, власти хотя и знали о готовящемся выступлении крестьян и приняли ряд мер (усилили полицейские силы и т. д.), но они не ожидали, что «бунты» примут сразу столь грандиозный характер. Началось повальное и самое паническое бегство властей из Днепровского уезда. Исправник Кошлич, пристав Постурнак, урядник Клебанский, сам товарищ прокурора Рукавишников и многие другие представители царской власти бежали в города.

К 27 ноября на месте, где была богатая и пышная усадьба князя Трубецкого, остались лишь пепел и обугленные бревна. Той же участи подверглась и экономия Кларовка богатого помещика Вассала.

Характерная картина крестьянского нападения на помещичью экономию разыгралась в Долматове, экономии князя Трубецкого.

В полдень 26 ноября в экономию начали съезжаться на подводах крестьяне села Долматова. Они «просили» управляющего экономией дать им взаймы по 10 пудов каждого сорта зернового хлеба. К 3 часам дня уже собралось до 70 крестьян на 40 подводах. Управляющий куда-то скрылся. Крестьяне приволокли дрожащих приказчиков, которые ответили, что выдать хлеб не имеют права, и предло-

жили подождать управляющего. Но крестьяне упорно требовали хлеба. Старший приказчик незаметно для крестьян ускакал в Голую Пристань, где стояли вызванные властями войска.

В это время в усадьбу приехал ничего не подозревавший помощник управляющего имением князя Трубецкого Шпехт. Чтобы задобрить крестьян, он распорядился тут же выдать им не по 10, а по 30 пудов хлеба. Управляющий был «любезен и добр» как никогда. Крестьяне уехали. А ночью уже не 70, а сотни крестьян с вилами и топорами устремились к поместью. Управляющий и приказчики бежали. Имение было подожжено и уничтожено дотла. Вечером другого дня крестьяне подожгли гарман (место для молотбы) с хлебами Долматовской экономии. Разгром возобновился с новой силой. Бежали не только приказчики, но и вызванные Трубецким власти и нанятый им урядник Жук.

В Кларовке приказчики Вассала, верные холоуи своих помещиков, пытались организовать добровольные отряды «охотников» по защите помещика. Но лишь только на дорогах показались крестьянские подводы, лакейская «охрана» разбежалась. В Софиевке приказчики экономии также создали охрану поместья, причем весьма характерно, что в охране этой приняли участие местные кулаки, ревностно принявшие на себя защиту помещика от бедняцко-средняцких набегов. Это был не единственный случай выступления кулачества на стороне помещиков, против бедноты и середняков.

Убеждаясь, что односельчане-кулаки предадут их, бедняки и середняки переносили свою ненависть к помещикам и на кулаков. Начинается полоса антикулацких выступлений.

Особенной силы выступление бедняков и середняков против кулацких хозяйств достигло в селе Красном, того же Днепровского уезда, где процесс расслоения крестьянства шел быстрыми темпами. Вблизи села Красного были расположены богатейшие хутора разбогатевших крестьян: братьев Саврадиновых, Страшного, Целинко, Краснощекова и др. Каждый из этих ку-

лаков владел участком от 50 до 200 десятин. Когда началась полоса разгромов помещичьих имений, особенно в последние дни движения, «не пощажены были и зажиточные хуторяне из мещан и крестьян, проживавшие в своих собственных хуторах»¹.

Крестьянскими «бунтами» в одном только Днепровском уезде были уничтожены и разгромлены 39 крупнейших дворянских поместий.

Дальнейшее распространение движения, принявшего столь грандиозный размах и силу, было приостановлено прибытием в Днепровский уезд большого количества вызванных в спешном порядке с севера России казаков и других «отборных» частей. Войска прежде всего взяли под охрану несколько более уцелевших от разгрома поместий Фальц-Фейна.

Началась расправа с крестьянами: избиение, аресты. Тюрьма в Алешках, уездном центре, была переполнена арестованными крестьянами.

6

Но лишь только затихло восстание в Днепровском уезде, как оно с новой силой разразилось в соседнем, Мелитопольском уезде, где на огромной части уезда раскинулось богатейшее Грушевское поместье Михаила Николаевича Романова. Поместье состояло из 10 крупных хуторов с центром в Рогачике (Старый Ток, Красное, Голая Балка, Карловский, Федоровка, Черновье, Москаликос Колодец и др.).

Восстание крестьянства в Мелитопольском уезде началось прежде всего с разгрома этого грандиозного заповедного поместья.

Обращает на себя внимание исключительная организованность и массовость революционного выступления мелитопольских крестьян. Крестьяне, организуя выступление против «августейшего» помещика, решают соединить свои силы с крестьянами другой, граничащей с ними губернии. С этой целью между мелитопольскими и херсонскими крестьянами завязываются тесные связи.

Эта организованность крестьян объясняется тем, что среди них была предварительно проведена большая ре-

Отъ Таврическаго Губернатора.

За последнее время въ некоторыхъ губерніяхъ произошла крестьянскіе безпорядки.

Въ села наѣзжаютъ злонамѣренные люди, иногда переодѣтые въ мундиры, разсказываютъ крестьянамъ будто-бы Царь далъ имъ право разбирать землю и имущество помещиковъ. Крестьяне вѣрять — происходятъ грабежи. Но тутъ-же присылаются войска, земля возвращается законнымъ владѣльцамъ, награбленное отбирается и виноватые крестьяне предаются суду. Много крестьянскаго люда гибнетъ изъ-за своего легковѣрія.

Обращаюсь къ Вамъ, крестьянамъ Таврической губернии, съ этикъ воззваніемъ. Вы всегда держались крѣпко порядка и правды. Не вѣрьте и теперь тѣмъ людямъ, которые васъ смущаютъ или станутъ уговаривать на дурное дѣло.

Царь обращается къ народу Манифестами и эти Царскіе Манифесты читаются народу въ церквахъ священниками.

Царскими Манифестами отъ 6 августа и 17 октября дано крестьянамъ право выбрать достойныхъ людей изъ своей среды, чтобы обсуждать въ Государственной Думѣ, имѣетъ съ другими представителями народа, нужды земли Русской. Такъ и отъ васъ выйдутъ выборные наши люди; они о вашихъ крестьянскихъ нуждахъ говорить будутъ въ Государственной Думѣ и будутъ такъ-же образованы, участвовать въ рѣшеніи, какъ и вы, въ лучшемъ положеніи крестьянъ.

Манифестомъ отъ 3-го ноября сокращены на половину выкупные платежи на 1906 г. и съ 1907 г. совсѣмъ больше выкупныхъ платежей платить не придется. Не будь этой Царской милости, крестьянамъ пришлось-бы платить выкупное еще 24 года. Съ отпущеніемъ выкупныхъ платежей крестьяне становятся полными собственниками своихъ наделанныхъ земель.

Царскія слова Манифестомъ вы слышали, не забывайте ихъ и вѣрять только имъ.

Грабешомъ-же и захватомъ ничего не достигнете, а лишь отвѣчать будете.

Приглашаю васъ не нарушать порядка и спокойно ожидать рѣшенія Государственной Думы о дѣлахъ вашихъ, съими силами вы лучше всего послужите Царю и докажете любовь къ родителю и не введете себя въ грѣхъ и бѣду.

Губернаторъ,
Генералъ-Маіоръ ВОЛКОВЪ.

Ноября 12 дня 1905 года
г. Симферополь.

Обращение таврическаго губернатора.

волюционно-организаторская и пропагандистская работа со стороны городских революционных организаций, на что указывается и в обвинительном акте.

Десятки мелитопольских деревень пред'явили «великому князю» свои требования об отдаче земли в аренду по удешевленной цене, о возврате части арендной платы за предыдущие годы, о возврате штрафных денег, уплаченных за последние годы, и т. п. Вопреки обычному высокомерно упорному отказу со стороны княжеских управителей идти на какие бы то ни было уступки, на этот раз главное упразднение имения «снизошло» до ответа и даже частично удовлетворило некоторые из пред'явленных крестьянами претензий. Но это лишь усилило движение крестьян и их стремление расправиться с ненавистной романовской вотчиной.

На базарах в Большой Знаменке, в степи, в селах собирались сходы. Крестьянин Пантелеймон Бирюков агитировал крестьян идти громить имение

¹ «Крымский вестник» за 1905 год.

великого князя. «Лишь тогда мы получим землю, когда уничтожим экономию». Другой крестьянин-агитатор, Трофим Парфенов, организовал такие же митинги и раздавал на них привезенные им из города революционные прокламации.

Вечером 2 декабря из села Большая Знаменка по направлению к Рогачикской экономии потянулись первые крестьянские подводы. Встречая односельчан, крестьяне открыто заявляли, что едут в экономию за пшеницей, и приглашали всех ехать с собой. В ту же ночь было совершено нападение крестьян на один из великокняжеских хуторов. На 40 подводах они приехали ночью на хутор, взломали один из сараев и увезли свыше 1500 пудов хлеба. То же повторилось в ночь на 5 декабря на другом княжеском хуторе, «Старый Ток», на котором крестьяне захватили 2 тыс. пудов хлеба.

В тот же день, 5 декабря, стали съезжаться из села Бабино крестьяне и в главную экономию — Рогачик. Управляющий и пристав Матвеев обратились к крестьянам с «увещаниями», но их уже никто не слушал. Крестьяне требовали возврата штрафных денег, хлеба и, не добившись ответа, начали ломать амбары.

Двое суток, 5 и 6 декабря, продолжался разгром Рогачикской экономии Михаила Романова, но пока самой усадьбы, ее сооружений еще не трогали. С наступлением ночи во двор главной экономии вехали около ста человек вооруженных знаменцев. Они открыли княжеские амбары, захватили конскую сбрую, зерно и всякое сырье и затем с криками «На Красное!» отправились на следующий хутор. Здесь захват был еще более широким: крестьяне увезли 40 тыс. пудов хлеба, увели сотни коров, лошадей, овец, волов. Захватив зерно на одном хуторе, крестьяне отправлялись тут же на другой хутор за скотом. Всю ночь на 6 декабря и весь следующий день продолжался разгром главной экономии и хутора Красное.

В ночь на 7 декабря к главной экономии в Рогачике снова прибыла огромная толпа крестьян, вооруженная ружьями и вилами. Теперь они приехали уже не захватывать имущество, а уничтожать княжескую усадьбу.

Были подожжены все экономические постройки: контора, квартиры служащих, амбары, скотные дворы и т. д. В ту же ночь были сожжены все постройки и на огромном хуторе Красное. Как утверждалось в обвинительном акте, «поджигателями руководил как будто не простой человек, одетый в крестьянскую одежду».

Ночь на 7 декабря была последней для крупнейших хуторов великого князя. Разделившись на отдельные отряды, крестьяне после разгрома и уничтожения хутора Красное напали на Голую Балку. 8 и 9 декабря продолжался разгром хуторов Федоровки, Черноречья, Москаликowa Колодца и др., которые были также подожжены и уничтожены дотла.

Пятитысячная толпа крестьян окружила великокняжеские хутора, громя и уничтожая их один за другим. Огромные богатства и имущество, находившееся на этих хуторах (только на трех из них было 13 тыс. овец испанской породы, крупные табуны кровных лошадей, стада породистого рогатого скота и т. д.), были захвачены крестьянами и разделены по селам. В результате этого небывалого по размаху и многочисленности участников разгрома одна из крупнейших и богатейших не только в Таврии, но и во всей России вотчин царского дома была буквально снесена с лица земли. В документах по этому делу подчеркивается, что в «грабежах принимали участие крестьяне всех окрестных сел».

Тому, что огромной массе крестьян из множества окрестных сел удалось беспрепятственно в течение многих дней громить поместья ненавистного царственного помещика, помогла начавшаяся в те дни железнодорожная стачка. Революционные железнодорожники оказали восставшему крестьянству огромную помощь, препятствуя перевозке карательных отрядов и войск. В результате, несмотря на самые экстренные меры, несмотря на то что встревоженные высшие власти в Петербурге требовали немедленной посылки войск для подавления восстания, посланные на выручку отборные войска долго не могли добраться до Рогачика. Только на четвертый или пятый день отряды драгун сумели,

наконец, пробиться к романовскому поместью.

Бурное, нередкость организованное революционное выступление десяти мелитопольских сел произвело на остальное крестьянство огромное впечатление. Уже через несколько дней начался не менее сильный разгром имения Ковалевской—села Ивановки, той самой, из которой губернатор выслал «мятежных» матросов.

Восстание на Мелитопольщине росло вширь и вглубь. В восстание втягивались все новые села. Крупные имения Гезе, Шредера, Иваненко и других помещиков подверглись также разгрому.

Восстание удалось подавить только после того, как села Таврии были наводнены войсками, учинившими кровавую расправу над восставшим крестьянством. После массовых избиений, порок, убийств и арестов «спокойствие» было восстановлено.

Подавленное с невероятной жестокостью крестьянское движение в Таврической губернии с новой силой вспыхнуло, однако, уже в следующем, 1906 году. Новый, еще более яростный нажим помещиков, мстивших крестьянам и с лихвой вознаграждавших себя за убытки 1905 г., недород и гибель хлебов в результате июльских ливней 1906 г., зверства реакции вызвали летом 1906 г. новый взрыв. Он усиленно подготовлялся всю весну и лето революционными, главным образом большевистскими организациями, обратившими на деревню особенное внимание. Новым в крестьянском восстании 1906 г. было то, что от нападений на помещичьи усадьбы крестьяне переходят к вооруженным выступлениям против царской власти, полиции, жандармов. В деревнях появляются первые революционные организации. В Ново-Збурьевке, крестьяне которой так активно участвовали в разгромах помещиков зимой 1905 г., создается первый социал-демократический кружок, возглавлявшийся социал-демократом крестьянином Бондарем. Другой такой кружок организовался в селе Большая Лепетиха.

Крупнейшим из революционных выступлений таврического крестьянства

1906 г. было восстание в Большой Лепетихе, огромном селе с 20 тыс. жителей. Оно началось с изгнания крестьянами прибывшего в село отряда стражников. Крестьяне напали на квартиры стражников, разгромили их и уничтожили дом священника, винную лавку, осадил пристава, телеграфную контору, разбили лавки купцов и захваченными у бежавших стражников винтовками отстреливались от солдат. На усмирение лепетихинского восстания выехал с большим карательным отрядом вице-губернатор граф Муравьев.

* * *

Восстание таврического крестьянства против дворянско-помещичьего гнета было подавлено со свойственной самодержавию дикостью и зверством. Революция шла на убыль.

✓ Борьба таврических крестьян, хотя и протекавшая на несколько более высоком уровне чем крестьянские восстания в ряде других местностей России, тем не менее обладала всеми чертами и недостатками, свойственными крестьянскому движению в первой революции, о которых говорил Ленин:

✓ «К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»¹.

Учитывая уроки первой революции, пролетариат и его ленинская партия все глубже охватывали своим влиянием и руководством крестьянское движение. Победа пришла тогда, когда пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевистской партии в октябре 1917 г. окончательно взорвал дворянско-капиталистический строй.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 354.

П. Галкина

БОЛЬШЕВИКИ

В IV

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

VII конгресс Коминтерна в своих решениях особенно подчеркнул необходимость выдвигать перед массами «такие лозунги и формы борьбы, которые вытекают из жизненных потребностей масс, из уровня их боеспособности на данном этапе развития»¹.

В настоящих условиях, когда в ряде западноевропейских государств диктаторствует фашизм, когда «в более или менее развернутом виде фашистские тенденции и зародыши фашистского движения господствуют почти всюду», Коминтерн поставил перед компартиями первоочередную задачу создания широкого единого пролетарского и народного фронта против фашизма и войны. Для успешного разрешения этой задачи умелое использование малейших легальных возможностей и правильное сочетание легальных форм и методов борьбы с нелегальными играют первостепенную роль.

История ВКП(б), богатейший опыт которой положен в основу тактики Коминтерна, дает ряд ярких образцов такого рода приемов, форм и методов борьбы; особый интерес в этом отношении представляет деятельность большевистской фракции IV государственной думы, которая работала под непосредственным руководством большевистского ЦК во главе с Лениным и Сталиным в условиях нового рево-

люционного под'ема и первых месяцев империалистической войны.

1

11 сентября (29 августа) 1912 г. царское правительство распустило III государственную думу, самую реакционную из числа собиравшихся до этого в России дум, именно в силу своей реакционности полностью отбывшей положенный ей пятилетний срок политической деятельности. На октябрь того же года правительственным указом были назначены выборы в IV и последнюю в России государственную думу.

1912 год являлся годом нового под'ема революционного движения в России, выразившегося в огромном росте политических и экономических забастовок, в массовых демонстрациях, создании, укреплении и все возрастающем распространении революционной рабочей печати и т. п.

Отмечая значение политических забастовок 1912 г., Ленин указывал, что важнейшая особенность их — в выдвигании не частных, а общенародных задач и что связь политических забастовок с экономическими придает революционному движению силу и жизненность.

В партийной жизни 1912 год был годом успешной борьбы большевиков с ликвидаторами по всему фронту рабочего движения и окончательного оформления на пражской конференции разрыва с меньшевиками.

В этих условиях движения рабочего класса навстречу нарастающей новой революции происходили выборы в IV государственную думу.

Ленин и Сталин, придавая огромное значение в обстановке того времени выборам в Государственную думу, с чрезвычайным вниманием следили за настроением масс в избирательный период и за ходом самих выборов.

Находясь за границей, в Кракове, Ленин посылал в Россию свои директивы и указания по отдельным вопросам революционной борьбы, руководил нелегальными избирательными собраниями, направлял избирательную кампанию через «Правду», посылая

¹ Резолюции VII конгресса Коминтерна, стр. 14 — 15. Партиздат. 1935.

статью за статью, призывая рабочих голосовать за большевиков и разоблачая закулисную борьбу ликвидаторов. Указания Ленина провоздвигались петербургской большевистской организацией в жизнь под непосредственным руководством Сталина, четко и ясно сформулировавшего в составленном им «Наказе петербургских рабочих своему рабочему депутату» избирательную платформу.

Несмотря на жестокое преследование со стороны царского правительства и массовые аресты, производившиеся по всей стране, партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным сумела вооружить борющийся пролетариат в избирательный период революционно-марксистской программой, революционной тактикой борьбы и избирательной платформой. Рабочий класс шел на выборы под большевистскими лозунгами: 1) демократическая республика, 2) 8-часовой рабочий день и 3) конфискация всех помещичьих земель в пользу крестьян.

Четкая и энергичная работа большевиков в предвыборный период дала свои результаты. Рабочая курия, т. е. пролетариат шести крупнейших промышленных губерний, послал в думу шесть большевиков¹: четырех рабочих-металлистов и двух текстильщиков. В непролетарских центрах (Закавказье, Сибирь) в думу были избраны семь меньшевиков.

IV государственная дума, избранная в октябре 1912 г. на основе того же избирательного закона, что и III, делилась по своему социальному составу и политическим группировкам, подобно своей предшественнице, на три основных лагеря: лагерь правительственный—реакционеры, лагерь либерализма—буржуазия и лагерь демократии, возглавляемый рабочим классом и представленный в думе большевиками, меньшевиками и трудовиками. Думское большинство составляли черносотенцы.

Немедленно после выборов IV думы

¹ А. Е. Бадаев (Петроградская губ.), Г. И. Петровский (Екатеринославская губ.), М. К. Муранов (Харьковская губ.), Ф. Н. Самойлов (Владимирская губ.), Н. Р. Шагов (Костромская губ.) и Р. В. Малиновский (Москва; как выяснилось впоследствии, прозакатор).

В. И. Ленин. 1917 год.

партия большевиков приступила к организации социал-демократической думской фракции. Ленин отнесся к этому с не меньшей заботой чем к самим выборам думы.

Он интересовался каждым депутатом в отдельности и в первую очередь его политической способностью защищать дело пролетариата в черносотенной думе. Депутаты-большевики находились в самой тесной связи с ЦК РСДРП(б), с Краковым, где находился тогда заграничный партийный центр.

Вначале социал-демократическая фракция в думе была формально объединенной и состояла из шести большевиков и семи меньшевиков-ликвидаторов.

Поставив перед собой задачу завоевания крестьянства на сторону пролетариата, партия большевиков во главе с Лениным указывала на необходимость живой постоянной связи социал-демократической фракции с трудовиками в целях оказания на них большевистского влияния и изоляции их от кадетов, к которым они явно тяготели.

В связи с этим было решено представителей трудовиков приглашать на собрания социал-демократической

Фракции и в свою очередь посещать собрания их группы.

2

28(15) ноября 1912 г. IV государственная дума была открыта.

Учитывая наличие реакционного большинства в думе и неизбежное избрание в связи с этим черносотенного руководства¹, с.-д. фракция от участия в выборах думского президиума отказалась.

Руководствуясь теми же политическими соображениями, она не менее решительно отказалась и от приглашения со стороны кадетов явиться на общее собрание так называемой «объединенной оппозиции» для совместного обсуждения с правыми фракциями вопросов о всеобщем избирательном праве, о гражданских свободах и т. д.

Первые же дни существования объединенной социал-демократической фракции показали, что меньшевики, располагая лишним голосом, делают все возможное, чтобы препятствовать работе большевиков.

Внутрифракционная борьба особенно обострилась при составлении социал-демократической декларации, предназначавшейся для оглашения с думской трибуны.

Оглашение социал-демократической декларации должно было явиться первым выступлением рабочего депутата в думе. Этому выступлению Ленин придавал огромное значение, так как оно должно было выразить точку зрения большевиков на те вопросы, «которые особенно всех волнуют, которые особенно выдвигаются на первый план в политике страны вообще, в практике рабочего движения (и политического и экономического) в особенности»², наконец, которое должно выразить волю рабочего класса.

Зная, что к этому первому выступлению будут прислушиваться и ориентироваться на него миллионы пролетариев и десятки миллионов трудящихся, Ленин еще до оглашения со-

циал-демократической декларации в думе, в специальной статье «К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов» указал на те основные положения, которые требовалось положить в основу первого выступления³.

К их числу Ленин относил прежде всего ответственность деятельности социал-демократической фракции IV думы — сохранение неразрывной связи с социал-демократическими фракциями прежних дум, в особенности с арестованной, второй думской фракцией. Политический смысл этого заключался в том, чтобы показать, как в отличие от буржуазных партий пролетарская демократия видит нечто целое в своей работе во всех четырех думах, что пролетарская демократия не дает себя отвлечь от поставленных ею задач и неизменных целей никакими событиями, даже такими, как третьиюньский государственный переворот. Далее, Ленин, указывая на обострение борьбы пролетариата с буржуазией во всем мире, на империалистическую политику буржуазных государств, на близость их к войне и близость осуществления социализма, писал: «Крайне важно сказать об этом с думской трибуны, поведать рабочим России о начале великих битв за социализм в Европе и Америке»⁴.

Наряду с этим Ленин предлагает социал-демократическим ораторам в думе обрисовать бесправие и произвол в России, раз'яснить крайнюю необходимость политической свободы.

Впротивовес указаниям Ленина меньшевистская семерка принимала все меры к тому, чтобы включить в декларацию ряд пунктов из платформы своего «августовского блока», в частности лозунг «свободы коалиций» при самодержавии и националистическое требование «культурно-национальной» автономии. Большевистскому лозунгу «демократическая республика» меньшевики противопоставили «полновластие народного представительства», «конфискацию помещичьих земель» — неопределенное требование «пересмотра аграрного законодательства» и т. п. Несмотря на их сопро-

¹ Председателем IV государственной думы был избран екатеринославский помещик Родзянко, первым товарищем председателя — князь Волконский и вторым — прогрессист Львов.

² Ленин. Т. XVI, стр. 201.

³ Там же, стр. 201 — 209.

⁴ Там же, стр. 202.

тивление шестерке удалось отстоять в декларации важнейшие большевистские пункты.

20 (7) декабря декларация была оглашена в думе.

Одной из наиболее широко использованных форм революционной работы большевистской фракции в думе являлась система запросов к правительству, связанных с тем или иным событием или отдельными политическими фактами из практики царского правительства, способными привлечь внимание масс.

Факту придавалась соответствующая юридическая форма, под него подводились определенные статьи законов и правительственные распоряжения, которые составляли официальную мотивировку запроса.

Каждый запрос правительству заканчивался стереотипным вопросом: известен ли министру приводимый факт, и что он думает предпринять по этому поводу?

Выступая с запросами, рабочие депутаты со всей резкостью и прямотой обнажали политику царизма и реакционную роль буржуазии. Они сосредоточивали внимание масс на определенных преступлениях царского правительства, на его произволе. На конкретных фактах и примерах большевики доказывали рабочим и всем трудящимся, что для коренного улучшения их положения в обществе, для уничтожения эксплуатации есть лишь один путь — путь пролетарской революции. В этом именно заключался политический смысл запросов, являвшихся в руках социал-демократической думской фракции сильным оружием.

Правительство и черносотенное большинство думы, учитывая боеспособность и опасность этого оружия, всячески пытались обезвредить его путем усложнения самой механики запросов в думе, путем отсрочки их и предания забвению.

Главным тормозом в революционной работе социал-демократической фракции в форме запросов было установление в думе правила, по которому запрос мог быть внесен лишь при наличии не менее 33 подписей.

Это препятствие социал-демократическая фракция обходила, «одавливая» подписи у отдельных депутатов-

И. В. Сталин в 1915 г.

трудоустройщиков, а иногда и из фракции кадетов или прогрессистов.

Внесение запросов затруднялось еще тем, что обычно спешность их отклонялась и в связи с этим они передавались в «комиссию по запросам», где «замораживались» на несколько месяцев с расчетом, что за этот срок острота факта, по поводу которого составлены запросы, притупится и он должного впечатления в стране не произведет. Большевистская фракция, изучив этот маневр, использовала думскую трибуну и для обсуждения спешности запросов. Речи с думской трибуны по этому поводу фактически посвящались обсуждению самого существа запроса невзирая на все старания председателя думы пресечь речь рабочих депутатов, уклонившихся «от формальной темы». В подобных случаях рабочие депутаты «шли напролом». Ярким примером этого является выступление 14 декабря 1912 г. представителя петербургского пролетариата А. Е. Бадаева с первым запросом по поводу преследования профессиональных союзов.

Формальным основанием для запроса послужил факт отказа 6 (19) октября 1912 г. в регистрации петербургскому обществу рабочих, занятых в металлопромышленности.

«Вся современная политика правительства должна быть названа политикой нарушения закона, — заявил А. Е. Бадаев. — Изданные в 1905 — 1906 гг. законы, манифест 1905 г. нарушаются. Свобода слова, печати, на словах «неприкосновенность личности», на деле — зверское издевательство и избиение. А закон о свободе союзов сделан для разрушения союзов. За шесть лет закрыто не менее 600 союзов и отказано в регистрации 700 союзам (голоса: «К делу о спешности!»). Вот она, свобода союзов, — продолжал оратор, пренебрегая предупреждением председателя. — По закону — свобода забастовок, на деле же — аресты за экономические забастовки; я не говорю уже о 500 расстрелянных ленских рабочих, по поводу которых министр Маклаков хвастливо говорил: «Так было и так будет».

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, я вас прошу ближе держаться о спешности.

Бадаев. Я только по запросу.

Председатель. Покорнейше прошу с председателем Государственной думы не спорить, а следовать его указаниям и держаться вопроса о спешности.

Бадаев. По закону — свобода выборов в думу, а на деле — арест уполномоченных и высылка...

Председатель. Прошу вас держаться вопроса о спешности.

Бадаев. ...аресты уполномоченных, высылка рабочих (смех справа, в центре), например Иванова и других (смех, шум, голоса: «Браво!»)¹.

Эта легальная форма борьбы большевистской фракции в думе была теснейшим образом увязана с формами подпольной борьбы, проводимой по указаниям подпольного партийного центра.

В момент запроса по поводу профсоюзов большевистская газета «Правда» в контакте с большевистской фракцией каждодневно писала о преследовании рабочих организаций, чинимом правительством, и призывала массы в день обсуждения запроса выразить протест и организовать демонстрацию. А за день до выступления в

¹ Бадаев «Большевики в Государственной думе», стр. 81. 1932.

думе с запросом ЦК РСДРП(б) выпустил прокламацию с прямым призывом поддержать социал-демократическую фракцию однодневной забастовкой.

Призыв ЦК большевистской партии нашел в массах живой отклик. Первыми забастовали 14 декабря рабочие десяти мастерских Путиловского завода. Примеру путиловцев последовали рабочие Невского завода и ряда других. Это был политический результат внесенного большевиками запроса.

Не менее успешно в политическом отношении был использован запрос по поводу взрыва на Охтенском заводе.

Российский капитализм, жадный, хищный, под защитой царского правительства, заявляли большевики в запросе, ни во что не ставит жизнь рабочих, которые тысячами гибнут на фабриках и заводах.

Смысл этого запроса сводился, как рассказывает А. Е. Бадаев, к описанию с думской трибуны условий, в которых приходится работать русскому пролетариату, показать рабочим, как велика эксплуатация их труда, и усилить их волю к революционной борьбе.

Несмотря на все препятствия социал-демократическая фракция использовала право запросов с максимальной полнотой. Пуришкевич даже жаловался, что рабочие депутаты «засыпают думу запросами». Лишь за первые полтора месяца деятельности думы внесено было до тринадцати запросов, в том числе о печати, по поводу провокации при аресте втородумской фракции, запрещения собраний и выборов в страховые органы, и др. Большинство запросов внесено было большевистской шестеркой самостоятельно.

Были, однако, запросы и общие, которые исходили и от других оппозиционно настроенных думских фракций. Социал-демократическая фракция, следуя указаниям Ленина, и в общих запросах выступала самостоятельно.

Ленин указывал, если в законопроектах и формулах (предложениях) дело идет о непосредственном и прямом улучшении положения рабочих и трудящихся слоев населения (например сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы), то задача рабо-

Открытие 1-й сессии IV государственной думы.

чих депутатов — голосовать за те пункты законопроекта, которые обещают эти улучшения.

Но если дума обуславливает проектируемые улучшения рядом моментов, делающих эти улучшения сомнительными, социал-демократическая фракция должна от голосования законопроекта воздерживаться, причем непременно с особой формулировкой воздержания.

По всем запросам, крупным законопроектам социал-демократическая фракция должна была вносить свои самостоятельные формулы перехода к очередным делам. В тех случаях, «когда после отвержения формулы с-д., — разъяснял Ленин, — голосования фракции против правительства совпадают с голосованием других партий, необходимо, чтобы фракция старалась особо мотивировать свое голосование за чужую формулу или за часть чужой формулы»¹.

Так высоко ставил Ленин большевистскую принципиальность и требовал сохранения ее во всех случаях.

Депутаты-большевики использовали думскую трибуну не только по вопросам, касающимся непосредственно рабочего класса.

Признавая, соответственно учению Маркса—Ленина, необходимость в революции союза пролетариата с крестьянством, рабочие-депутаты большое внимание и место уделяли кре-

стьянским вопросам, значительно большее, чем им уделяла фракция трудящихся, представлявшая в думе крестьянство. Так например речь для одного из основных выступлений по вопросу об аграрной политике царского правительства, порученная Н. Р. Шагову, была составлена Лениным².

Большевики выступали в думе и по вопросам национальной политики, широко используя при этом сфабрикованное черносотенцами и поддержанное правительством жуткое дело Бейлиса. Как одну из форм революционно-агитационной работы в думе большевики применяли также посещение министров по тому или иному делу политического значения (аресты и прочее).

Как и от запросов, большевики-депутаты ничего реального от посещения министров по существу дела не ждали. Хождение к министрам преследовало ту же цель, что и выступление с думской трибуны.

Каждое посещение того или иного министра сопровождалось увеличением посещений рабочих депутатов как отдельными рабочими, так и рабочими делегациями, приносившими свои требования, пожелания, материалы для запросов, тем самым втягивавшимися в ряды организованных рабочих.

Не менее ценный агитационный материал давало участие рабочих депутатов в думских комиссиях. Ход об-

¹ Ленин. Т. XVII, стр. 9.

² Ленин. Т. XVI, стр. 450—460.

суждения дел в комиссиях, поведение буржуазии и помещиков в них давали яркий политический материал, который через выступления рабочих депутатов в думе и рабочую печать доводился до сведения масс с соответствующими разъяснениями.

Но работа большевиков-депутатов внутри думы была лишь частью тех задач, которые были на них возложены рабочим классом. Главной из них была внедумская работа: связь с массой, организация масс, широкая агитация и пропаганда. Большевистская фракция, как ни одна из думских фракций, была теснейшим образом связана со своими избирателями, видевшими в большевиках-депутатах подлинных представителей и защитников своих классовых интересов. Питерские рабочие непосредственно обращались к своим депутатам как по личным делам, так и от имени рабочих организаций, затрагивая в беседах с ними все стороны жизни пролетариата.

«Количество посетителей - рабочих было настолько велико, что иногда они не вмещались в моей квартире и некоторым приходилось даже ждать очереди на лестнице, — пишет депутат питерских рабочих тов. Бадаев¹.

Рабочие провинциальных промышленных центров засыпали рабочих депутатов письмами с предложениями, наказами и т. п.

Другой широко применяемой большевиками формой массовой связи с рабочими являлись поездки большевиков-депутатов на места, в губернии, где они были избраны.

С большим риском для себя они проводили там среди рабочих митинги, разъясняли им сущность политики самодержавия, собирая материал о положении пролетариата и его настроениях и указывая пролетариату путь уничтожения гнета капиталистической эксплуатации. Депутаты связывались с местными как подпольными, так и легальными организациями и своей агитационно-организационной работой вносили в их деятельность большое оживление.

Прямым следствием этих поездок

было усиление забастовочного движения на местах, организация новых партийных ячеек, увеличение подписки на «Правду» и, наконец, общее повышение революционного настроения. Вот почему каждый отъезд рабочих депутатов в провинцию вызывал большое беспокойство в столичной охранке, посылавшей вслед за депутатами дождь циркулярных распоряжений местным властям «следить», «наблюдать», «не допускать», «запрещать» и т. д. В этих тяжелых условиях больших трудов стоило депутатам выполнить свои задачи и не провалить местные организации.

3

Большая революционная роль социал-демократической большевистской думской фракции, четкость ее работы были обеспечены в первую очередь руководством Ленина и Сталина.

ЦК большевистской партии внимательно следил за ходом борьбы рабочих депутатов в думе и вне ее, по мере надобности созывал депутатов и на основе отчета об их деятельности давал указания для дальнейшей борьбы.

Первый доклад думской фракции заслушан был на партийном совещании в январе 1913 г. в Кракове. «Совещание, — гласит один из пунктов написанной Лениным резолюции, — приветствует энергичную деятельность с.-д. депутатов IV Думы, выразившуюся в ряде думских выступлений, во внесении запросов и в прочтении декларации, в общем правильно выразившей основные принципы социал-демократии»². На краковском совещании был поставлен вопрос о включении большевиков-депутатов в состав ЦК партии. Здесь же большевиками-думцами совместно с большевистским ЦК тщательно были разработаны все основные вопросы дальнейшей думской деятельности шестерки.

Наряду с участием в специальных партийных совещаниях большевикидумцы неоднократно по собственной инициативе ездили за получением директив за границу, к Ленину.

Все основные выступления большевиков в Думе проходили по указанию

¹ Бадаев «Большевики в Государственной думе», стр. 127.

² Ленин. Т. XVI, стр. 230.

Ленина, им же был составлен ряд важнейших речей, которые должны были быть произнесены с думской трибуны (о национальном вопросе, об аграрной политике правительства и др.).

На месте же ленинское руководство большевистской фракцией в думе осуществлялось находившимся в Петербурге Сталиным, возглавлявшим в то время «Правду».

«В жизни нашей фракции и в газете «Правда», — пишет Ф. Н. Самойлов, — он (Сталин. — П. Г.) играл руководящую роль и он бывал не только на всех устраиваемых нами в нашей нелегальной квартире совещаниях, но и нередко с большим для себя риском посещал и заседания фракции, отстаивая в спорах с меньшевиками по разным вопросам нашу позицию»¹.

Под руководством Ленина и Сталина думская большевистская фракция и газета «Правда», в издании которой активно участвовали депутаты Г. И. Петровский, Н. Р. Шагов и А. Е. Бадаев, явились основными опорными легальными пунктами, через которые партия проводила революционную работу в массах и усиливала свое влияние среди них.

Быстро возросший в массах авторитет большевистской думской шестерки еще более обострил внутрифракционную борьбу меньшевиков с большевиками в думе.

Ни одно из заседаний социал-демократической фракции не проходило без самой ожесточенной борьбы по тем или иным принципиальным вопросам, отнимавшей у депутатов много времени и сил. Результат же был всегда один и тот же: споры решались большинством голосов меньшевистской семерки. Пользуясь лишним голосом, семерка препятствовала выступлениям большевиков с думской трибуны, намечая ораторов из числа семи, проваливала все большевистские предложения по всем спорным вопросам и доходила до самых унижительных приемов борьбы.

Дальнейшая работа большевистских депутатов в объединенной социал-демократической фракции становилась невозможной.

¹ Ф. Н. Самойлов «По следам минувшего», стр. 303. 1934.

Депутат IV государственной думы
Г. И. Петровский.

Летом 1913 г. за границей ЦК большевиков было созвано совещание, которое, обсудив вопрос о положении дел в социал-демократической фракции, в особой резолюции констатировало, что поведение семи депутатов самым серьезным образом угрожает единству фракции и выполнению ее задач в думе. «Семь депутатов, — гласит резолюция, — пользуясь случайным большинством одного голоса, нарушают элементарные права шести рабочих—депутатов, представляющих громадное большинство пролетариев России... В целом ряде выступлений, — говорится далее, — когда социал-демократическая фракция выставляла двух и более ораторов, шесть депутатов несмотря на требования не получали возможности выставить своего оратора»². Совещание, самым решительным образом протестуя против подобного образа действий семерки, высказалось за сохранение единства социал-демократической фракции лишь «на единственно возможной основе равноправия шести депутатов».

Это предложение было отклонено меньшевистской частью фракции. Боль-

² «За правду» № 12 — 17 за 1913 год.

Депутат IV государственной думы
Н. Р. Шагов.

шевики—депутаты думы—обратились через «Правду» к рабочим с воззванием, в котором, сообщив об отказе меньшевиков работать в социал-демократической фракции на равных правах, заявили, что большевистская часть фракции становится перед фактом необходимости самостоятельного существования и выражает надежду на поддержку пролетариата.

Для большевиков-депутатов стало вполне ясно, что настал решительный момент раскола.

9 ноября (27 октября) 1913 г. большевистская фракция конституировалась под названием «Российской социал-демократической рабочей фракции IV государственной думы». При подготовке общих выступлений с думской трибуны от имени социал-демократии меньшевикам было предложено предварительно согласовывать с большевистской шестеркой все вопросы.

Выход большевиков из объединенной социал-демократической фракции был одобрен пролетариатом единодушно. Страницы «Правды» почти ежедневно заполнялись резолюциями, клеймившими позором поведение семерки и обещавшими горячую поддержку депутатам-большевикам.

«Правдой» и большевистской дум-

ской фракцией за короткий срок было получено свыше восьмидесяти таких резолюций, под которыми было больше пяти тысяч подписей. Меньшевики располагали тогда лишь тремя тысячами подписей.

К 1 декабря 1913 г. шестерка увеличила количество подписей до десяти тысяч, в то время как поступление подписей у меньшевиков почти совсем прекратилось. Не менее ярким показателем роста сторонников большевистской партии явились денежные поступления в большевистскую фракцию и в «Правду».

«Делая взносы на поддержку того или другого издания, той или другой газеты,—писал Ленин,—рабочие ясно определяют этим свою волю.

История рабочих взносов на рабочие газеты в России является поэтому одним из очень важных показателей воли рабочих»¹.

Резолюции рабочих фабрик и заводов России и денежные взносы их в большевистскую фракцию и «Правду» красноречиво говорили о том, что уход большевиков из объединенной социал-демократической фракции отнюдь не был событием внутрифракционного значения.

Разрыв большевиков в думской фракции с меньшевиками еще точнее определил политические взгляды рабочих и показал, кто является настоящим выразителем интересов рабочего класса. Агитационно-разъяснительная работа большевиков вокруг этого факта, несомненно, способствовала поднятию уровня политического сознания масс и степени их организации.

Влияние ликвидаторской семерки среди рабочих катастрофически падает. На одном из заседаний меньшевистской фракции, состоявшемся в конце января 1914 г., один из ее членов, Чхенкели, вынужден был признать, что она «своей деятельностью утратила все свое влияние, ушла от политической жизни страны, порвала все связи с рабочими и заставила в конце концов выйти из состава фракции наиболее живых и деятельных членов, вследствие чего деятельность фракции совершенно замерла».

¹ Ленин. Т. XVII, стр. 48.

«Фракция, именуемая себя социал-демократической, — говорил там же меньшевик Туляков, — на самом деле не отражает ни в Государственной думе, ни в прессе живую жизнь и чаяния рабочих масс. Фракция по политическим, полицейским и этическим причинам ушла от рабочих и очутилась в конце концов в блестящей изолированности»¹.

Но зато большое одобрение получила семерка за свои «парламентские стремления» в октябрьских номерах кадетской газеты «Речь».

Буржуазия одобряла меньшевиков за желание приспособиться к существующей политической обстановке, однако высказывала сожаление, что «непарламентская шестерка имеет за собой подавляющее большинство рабочих и парламентской семерке с ней бороться не под силу».

4

Думская фракция большевиков, опираясь на все растущее революционное движение пролетариата и в первую голову на движение авангарда рабочего класса — петербургских рабочих, решительно порвав связь с меньшевистской семеркой, еще шире и глубже развернула свою революционную деятельность, по-большевистски используя думскую трибуну.

1913 и особенно 1914 годы были отмечены по всей стране внушительными забастовками, свидетельствовавшими, что борьба рабочего класса идет по восходящей линии.

Состояние рабочего движения в стране, естественно, налагало на формы внутридумской борьбы свой отпечаток.

Почувствовав за собой возрастающую силу масс, рабочие депутаты стали в своих выступлениях еще резче и настойчивее, увлекая за собой и все левые группы думы. 21 апреля 1914 г. социал-демократическая фракция и трудовики достойным образом встретили выступление в думе вновь назначенного тогда председателем совета министров отъявленного реакционера Горемыкина. Его речь прерывалась с левых скамей криками «Долой!», свистом, топаньем и тому подобными

¹ Архив департамента полиции, сен. отд., дело № 307, 1914 год.

Депутат IV государственной думы
А. Е. Бадаев.

средствами проявления ненависти к царскому сатрапу. Выступление было сорвано, за что левые фракции думы в числе 29 депутатов были насильственно, с помощью полиции, удалены из зала заседания и отстранены от участия в работе думы на пятнадцать заседаний. Отстранение левых фракций от участия в думских заседаниях немедленно всколыхнуло рабочие массы, на другой же день откликнувшись объявлением забастовок протеста, прокатившихся бурной волной по всей стране.

Летом 1914 г. забастовочное движение (Баку, Петербург, Кострома, Ярославль и другие города) достигло апогея, особенно в столице, принимая все более и более широкий размах и напряженный характер.

В момент посещения Петербурга французским президентом Пуанкаре, по описанию «очевидца», председателя IV государственной думы Родзянко, в столице «происходили демонстрации, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валились телеграфные и телефонные столбы и устраивались баррикады»².

С объявлением войны забастовочное движение в стране заметно ослабло.

² Алексеев «Февральская революция в описании белогвардейцев», стр. 5.

Депутат IV государственной думы
М. К. Муранов.

Местные социал-демократические организации почти всюду подверглись разгрому, а руководители их — аресту и ссылке.

Наряду с этим война, закрывшая границы, в первое время совершенно лишила большевистскую фракцию возможности поддерживать связь с находившимися за границей Центральным комитетом партии и Лениным. Наконец, ЦК также подвергся нападению со стороны австрийских властей, в результате которого Ленин был в Кракове арестован и заключен в тюрьму. Непосредственно руководивший социал-демократической фракцией большевиков, находившийся в Петербурге Сталин был вновь арестован и сослан в Туруханский край. «Правда» была разгромлена. Сохранилась лишь большевистская думская фракция. В этих условиях обязанности большевистской фракции, ее руководящая и организующая революционная роль еще более возросли.

Вплоть до момента своего ареста депутаты раз'езжали по России, организуя многочисленные рабочие собрания, связывая между собой социал-демократические организации и раз'ясняя им ленинское отношение к империалистической войне.

Большевистская фракция налаживала работу Петербургского большевистского комитета, связи с районами, организовывала типографии, выпускала листовки и распространяла их на заводах и среди мобилизованных.

Выпускаемые прокламации четко говорили о том, что большевики перешли к организации решительной борьбы за использование войны в интересах революции.

30 сентября 1914 г. в Финляндии, близ ст. Мустамяки, в дер. Нейвола, было созвано совещание большевистской думской фракции с участием ряда виднейших партийных работников. На совещании был заслушан доклад о текущем политическом моменте и обсуждено обращение лидера бельгийских социалистов Вандервельде к русским социал-демократам, в котором он выражал надежду, что русская социал-демократия станет на его оборонческую точку зрения и поддержит всех шовинистов.

В то время как западноевропейская социал-демократия высказалась за поддержку грабительской войны и проголосовала за военные кредиты, в то время как в России для меньшевистской думской фракции призыв Вандервельде также явился сигналом к окончательному переходу на путь социал-шовинизма и предательства рабочего класса, большевистская фракция, единственная социал-демократическая фракция во всем мире, заняла с самого начала резко отрицательную позицию по отношению к войне.

В своем ответе Вандервельде¹ большевистская фракция решительно заявляла, что ее задачей во время войны является использование военного кризиса для подготовки дальнейшего революционного наступления на царизм. 2 ноября того же года аналогичное совещание проведено было под Петербургом, в Озерках, в доме Гавриловых. Главной задачей этого совещания было обсуждение привезенных из заграницы депутатом Ф. Н. Самойловым тезисов Ленина о войне и разработка плана проведения их в жизнь.

Тезисы Ленина и разработанный на

¹ Опубликован в № 33 центрального органа большевистской партии «Социал-демократ».

основе их манифест большевистского ЦК о войне во весь рост поставили вопрос о «пораженчестве» и о необходимости превращения империалистической войны в гражданскую.

4 ноября совещание в полном составе было арестовано, в том числе и вся думская фракция большевиков. Депутатское право неприкосновенности оказалось иллюзией. Этот факт лишний раз подтвердил известное марксистское положение, что в политической борьбе все споры решаются реальным соотношением сил борющихся.

Арестованные депутаты и присутствовавшие на совещании еще несколько членов большевистской партии, в том числе Л. Каменев и др., были привлечены к суду по обвинению в преступлении против государства. Арест большевистской фракции явился новым ударом по партийной работе. «Во всяком случае работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее, — писал Ленин. — И все же мы ее поведем! «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии»¹.

Суд над большевистской фракцией происходил 10 февраля 1915 года.

Заслуживает внимания поведение на допросе большевика-депутата Муранова, решительно отказавшегося от дачи показаний, нежелая своими ответами давать нити к раскрытию большевистских организаций. Муранов отказался даже от подписания протокола судебного следователя.

Только в связи с отобранной у него записной книжкой с записями о поездках по Уралу Муранов заявил, что он в период роспуска думы ездил к своим избирателям.

На вопрос председателя суда, развивает ли он там социал-демократическую программу, Муранов ответил: «Это ясно из того, что массовки были в лесу, в лесу — свобода слова»².

Недопустимым для члена большевистской партии было поведение на допросе и суде Л. Каменева (Розенфельд), который в годы реакции и под'ема занимал примиренческую пози-

Депутат IV государственной думы
Ф. Н. Самойлов.

цию по отношению к ликвидаторам и Троцкому, а в годы войны был против большевистского лозунга о поражении своего правительства. На суде Каменев занял позицию прямого ренегатства и отступничества от большевистской партии. Он заявил, что с большевистской фракцией ничего общего не имеет, что она «лишь интересовала» его. На совещании в доме Гавриловых он очутился якобы по приглашению лишь одного лица и что содержание захваченных у арестованных членов совещания документов, в которых излагается отношение РСДРП к военным событиям, решительно противоречит его взглядам на текущий момент. Для подтверждения этого Каменев дважды ходатайствовал через своего защитника Беренштама перед судом о вызове социал-патриота Н. Иорданского, бывшего редактора известного журнала «Современный мир». Н. Иорданский сообщил суду, что Каменев говорил ему о нежелательности печального исхода войны для России, о неправильности ленинской политики пораженчества, и т. д.

Процесс над социал-демократической большевистской фракцией был широко использован большевистской партией. Суд над рабочими депутатами и последовавшая ссылка их на каторгу привлекли внимание всех трудящихся Рос-

¹ Ленинский сборник II, стр. 211.

² Ф. Н. Самойлов «По следам минувшего», стр. 431.

Большевистская фракция IV государственной думы в туруханской ссылке. В верхнем ряду: Муранов, Бадаев, Петровский; в нижнем: Шагов, Самойлов.

сии. Приговор огненной ракетой взвился над страной, дойдя до заводов, деревень и окопов.

Отправленные в июне 1915 г. в ссылку, депутаты-большевики освобождены были Февральской буржуазно-демократической революцией и продолжали дальнейшую борьбу за пролетарскую революцию.

Давая политическую оценку суда над рабочими депутатами, Ленин одобрил поведение рабочих депутатов и резко осудил предательское поведение Каменева. «Подсудимые, — писал Ленин¹, — преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом Ц. К. в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально рекомендованный партией прием — отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал тов. Розенфельд, или свое несогласие с Ц. К. есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый».

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 129.

Наряду с этим Ленин указал, что суд развернул еще невиданную в международном социалистическом движении картину использования парламентаризма революционной социал-демократией.

«Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского, — пишет Ленин, — останутся надолго образцом той работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России»².

Приведенные высказывания Ленина вскрывают ту огромную революционную роль большевистской фракции в Государственной думе, которую она сыграла, будучи одним из органов партии, действовавших по директивам ленинского партийного ЦК.

Эта строго централизованная система партийного руководства обеспечивала успешную революционную работу большевистской фракции в IV государственной думе, опыт которой должен стать достоянием пролетариата всего мира, борющегося за мировую пролетарскую революцию.

² Там же, стр. 130.

А. Зусманович

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ АБИССИНИИ за независимость

1

Абиссиния является одним из наиболее древних государств мира, основание которого абиссинцы относят за 4½ тысячи лет до нашей эры. Список абиссинских правителей превышает 300, причем один из них (царь Менелик) является якобы сыном известных библейских персонажей — царицы Савской и иудейского царя Соломона.

Этот легендарный царь Менелик считается родоначальником ныне царствующей в Абиссинии династии, которая так и называется соломоновой династией. Абиссинские императоры (негусы) продолжают и по настоящий день среди своих прочих титулов величать себя также титулом «Победивший лев иудейский».

С начала своего возникновения и вплоть до второй половины XIX в., когда Абиссиния попала в сферу колониальных захватов, она оставалась страной, раздробленной на множество небольших царств и удельных княжеств, правители которых враждовали между собой и вели бесконечные войны друг с другом. Важнейшими царствами являлись: Тигре, Дамбия, Бегандер, Амхара, Годтам, Шоа, Энария, Ангот, Дамот-Дари и Дамот-Адари; наиболее важными княжествами и областями — Мангаше, Салям,

Багора, Аба-Гале, Сагад и др. Княжества дробились на более мелкие провинции, последние — на округа и т. д., имевшие своих собственных начальников и князьков, плативших дань князьям, вышестоящим по феодальной лестнице.

Эта раздробленность Абиссинии оказалась в высшей степени на руку крупным империалистическим державам, которые уже в первую половину XIX в. стали основываться на побережье Восточной Африки. В 1839 г. Англия оккупирует Аден на Аравийском побережье, а оттуда вскоре начинает простираť свои руки и к Абиссинии. В 1841 г. Англии удается заключить договор с правителем царства Шоа и принудить его открыть страну для английской торговли. За этим договором следует целый ряд договоров с другими абиссинскими царствами и княжествами.

Вслед за англичанами являются французы, которым удается «купить» у данакильских вождей за 2 тыс. долларов территорию для порта на Красном море; вскоре французы заключают «торговые договоры» с царьками Тигре, Шоа и другими.

В 50-х годах прошлого столетия выдвигается сын одного князька из Копра Касса, который после ряда военных удач завоевывает царства Тигре и Амхару, также целый ряд центральных областей и коронуется в 1855 г. абиссинским императором под именем Федора II, приняв титул «негус негести» («царь царей»). В дальнейшем ему удается покорить себе Шоа, Годтам, земли Гама и др., объединив таким образом под своей властью значительную часть Абиссинии.

Бесконечные и разорительные военные походы вызвали ропот и недовольство населения, выливаясь порой в форму открытых возмущений. В то же время феодалы не слагали оружия и продолжали свою борьбу против централизованной монархии при поддержке англичан, препятствовавших объединению Абиссинии, которую Англия облюбовала себе в качестве своей будущей колонии. В 1867 г. под предлогом оскорбления Федором II

Столица Абиссинии — Аддис-Абеба.

британских представителей, заключенных им за их интриги в тюрьму, в Абиссинию была послана экспедиция генерала Непоре в составе 20-тысячного войска с тяжелыми горными орудиями. Британские войска последовали за отступавшим Федором II вглубь абиссинских гор, объединились с крупными феодалами и при их помощи в апреле 1868 г. взяли приступом крепость Магадалу, в которой заперся Федор II. Последний, не желая сдаться ненавистным англичанам, покончил самоубийством.

Британский удар в сердце Абиссинии вновь ввергает страну на 20-летний период в состояние раздробленных областей с соперничающими между собой князьями. В январе 1872 г. из среды князей выделяется правитель (рас) Тигре, коронуется императором, приняв имя Иоанна IV. Главным соперником его является правитель Шоа Сехала Мароан — император Менелик II, сыгравший крупнейшую роль в истории Абиссинии.

Этот период феодальных войн, когда враждующие князья прибегали к охотно предоставляемой им помощи разных империалистических держав, явился периодом империалистического раздела значительной части абиссинской территории.

В 1869 г. был открыт Суэцкий канал. Крайнее ослабление Турции делает призрачной ее номинальную верховную власть над побережьем Красного моря от Суэца до Баб-эль-Мандебского пролива. Британский империализм, огнем и мечом разрушая мирные селения и города, проникает в соседние с Абиссинией страны — Судан и Египет, (последний оккупирован Англией в 1882 г.). После этого для Британской империи колоссально вырастает значение восточноафриканского побережья и, в частности, Абиссинии. Мечта образования британской колониальной империи в северовосточной Африке становится все более заманчивой.

Наступление британского империализма на Абиссинию ведется в этот период одновременно с разных сторон: со стороны моря, со стороны Египта и Судана. Англия ловко использует Абиссинию в ее борьбе с махдистами (последователи Махди)¹ — повстанцами, державшими в своих руках весь Судан южнее Хартума.

¹ Махди (настоящее имя Махамед Ахмед) — представитель религиозного течения, зародившегося в 1881 г. в Судане и направленного против английского империализма. Движение махдистов относится к 1882 г.

... был заключен англо-египетско-абиссинский договор в Адуа, по которому негусу был сделан ряд уступок (эвакуация египетскими войсками занятой ими территории Богос и Кассалы, передача негусу амуниции эвакуируемых войск). Но Англия, воспользовавшись слабым положением Абиссинии, захватывает абиссинские порты Зейлу и Берабету в Аденском заливе, а вслед затем и всю территорию нынешнего британского Сомали.

Французские и итальянские империалисты также не теряют времени. К 1884 г. порт Обок окончательно закрепляется за Францией, а в течение ближайших нескольких лет французы захватывают Джибути и остальную территорию нынешнего французского Сомали. Британский и французские захваты закрепляются и взаимно гарантируются обменом нот от 2 и 9 февраля 1888 г. между Францией и Великобританией.

2

Величайшую опасность для абиссинской независимости знаменует собой появление на побережье Красного моря и Восточной Африки Италии, которая уже в конце XIX в. претендует на территорию всей Абиссинии. Вступив позже других империалистических

держав на путь колониального разбоя, Италия имела перед собой уже довольно ограниченное поле для своей колониальной экспансии. Географически наиболее близко к Италии расположенные страны Северной Африки были уже захвачены Францией. Попытка Италии оттянуть у Франции Тунис окончилась для Италии полной неудачей. Итальянскому империализму нечего было и думать о том, чтобы бороться силами с крупными империалистическими державами, и ему пришлось действовать по линии наименьшего сопротивления, каковой представлялась ему не завоеванная еще мировым империализмом Абиссиния.

Еще в 1869 г. итальянская пароходная компания «Рубаттико» купила у местного «султана» порт Асаб на Красном море за 9 тыс. долларов, представленных ей итальянским правительством. Однако вступить во владение купленным портом «Рубаттико» смогла только в 1880 г., когда итальянский кабинет согласился послать на помощь ей военный корабль. Вскоре Асаб переходит непосредственно в руки итальянского правительства, которое оккупирует своими войсками ряд соседних портов и занимает несколько сот квадратных миль раскаленных и бесплодных пе-

Ассум.

Объявление всеобщей мобилизации в Аддис-Абебе 3 октября 1935 г.

сков. Все эти колониальные захваты Италии были произведены с прямого согласия и при поддержке Англии. Но, став твердой ногой на северо-восточном побережье Африки, Италия пытается уже тогда выступить в качестве прямого конкурента и Англии и Франции. Осуществляя свои захватнические цели в Абиссинии, итальянские империалисты следуют примеру англичан и французов и используют феодальные распри. В 1883 г. им удается заключить «договор о дружбе» с правителем Шоа Менеликом, которому они и обещают помощь в его борьбе против Иоанна IV, если он будет верно служить интересам итальянского империализма. Впрочем, это не помешало итальянцам вскоре преподнести негусу Иоанну IV через своего ассабского консула высокий итальянский орден.

В январе 1885 г. итальянцы захватывают порты Массауа и Бейлул (в нынешней Эритрее), а вслед затем Сахоти и другие пункты. Негус Иоанн IV заявил официальный протест против захватов, ссылаясь при этом на свой

договор с англичанами от 1884 г., гарантировавший неприкосновенность абиссинской территории. Об этом протесте и его результатах британское министерство иностранных дел весьма откровенно сообщает: «В ответ на письмо абиссинского императора к королеве Виктории, в котором он настаивал с полным основанием, что итальянские захваты являются нарушением англо-абиссинского договора 1884 года, лорд Сольсбери предложил Италии свое посредничество, и с этой целью была послана миссия Джергальда Портала; но так как предложения Портала практически сводились к полной уступчивости со стороны Абиссинии, то миссия его закончилась провалом».

Абиссиния получила таким образом наглядный урок того, какую цену имеют обещания и договоры империалистов. Местные племена взялись за оружие и под командой губернатора раса Алула нанесли итальянцам 26 января 1887 г. сокрушительное поражение на юге Догали. Нужно отметить, что абиссинцы, используя противоре-

чия между различными империалистами, получили от Англии помощь для борьбы с Италией становившейся опасным конкурентом.

Итальянцы удержали, однако, за собой прибрежную полосу владений (Эритрею). Согласно дополнительному соглашению от 1 октября того же года, Менелику был предоставлен заем в 4 млн. лир, а за Италией были признаны все те новые территории, которые она успела уже занять после подписания учальского договора¹. Так возникла итальянская колония Эритрея.

Открыто поддерживая дружбу с Менеликом, итальянские империалисты продолжали концентрировать свои войска в Эритрее и готовить новые захваты абиссинских земель. К концу 1889 г. итальянские империалисты двинули свои войска с целью захвата северных районов Тигре. Для широких народных масс становится ясным, что итальянцы стремятся к завоеванию Абиссинии и превращению ее в свою колонию.

Бурная волна антиитальянского движения прокатывается по всей Абиссинии и заставляет феодалов оставить свои личные счета и общими силами выступить против итальянских завоевателей. Менелик оказался на высоте положения. Он бесповоротно порывает с итальянцами и готовится к решительной борьбе с ними.

В письме от 27 сентября 1890 г., адресованном итальянскому королю, он заявляет, что итальянский перевод ст. 17 учальского договора сделан неверно: в нем говорится, что император «соглашается пользоваться услугами итальянского правительства», в то время как амхарский текст говорит «*м о ж е т* пользоваться», т. е. вопрос предоставляется усмотрению абиссинского императора.

Наконец, в феврале 1894 г. Менелик сообщает всем державам об аннулировании учальского договора. Итальянское правительство (министерства Кристи и сменившего его Рудини) продолжало форсировать свою политику захвата Абиссинии,

заключив ряд соглашений с Англией о разделе абиссинской территории. В одном из изданий британского министерства иностранных дел пишут: «Итальянское правительство и слушать не хотело о претензиях Менелика на полную независимость Абиссинии. Оно заключило с Великобританией два соглашения: в марте и апреле 1891 г., а затем третье соглашение — в мае 1894 года, по которым Эритрея и большая часть Абиссинии, которую обе державы в то время рассматривали как фактический итальянский протекторат, были признаны лежащими в сфере влияния Италии».

3

Обе стороны — Абиссиния и Италия — стали лихорадочно готовиться к решительной схватке. Итальянцы концентрировали в Восточной Африке большие военные силы и огромные запасы вооружения. Вооружался и Менелик, получивший через порт французского Сомали Джибути военное снаряжение из Гамбурга, Антверпена, Марселя и других европейских портов и даже из царской России. Вся Абиссиния была охвачена единым порывом отстоять свою независимость и дать достойный отпор империалистическим хищникам. Это вынужден признать и один из чиновников британского министерства иностранных дел, который сообщает: «17 сентября 1895 г. негус обратился к народу с воззванием, которое вызвало взрыв истинного патриотизма и привело под знамена негуса всех его вассалов, готовых противостоять итальянскому нашествию».

Решительный бой произошел 1 марта 1896 г. у Адуа. Несмотря на численное превосходство 100-тысячной армии негуса итальянский генерал Баратьери, имевший в своем распоряжении свыше 20 тысяч штыков с 56 орудиями, повел свое войско в атаку. Сражение завершилось полным разгромом итальянских армий, потерявших свыше 6 тыс. убитыми, 1½ тыс. ранеными и 2 тыс. пленными; остальным с трудом удалось спастись бегством в Массауа.

Поражение под Адуа явилось величайшим ударом для колониальной

¹ По учальскому договору, заключенному в 1889 г., Италия получила протекторат над Абиссинией.

Абиссинские добровольцы получают оружие перед отправкой на фронт. 1935 г.

экспансии Италии, «настоящим народным бедствием, вызвавшим крупные беспорядки во многих итальянских городах», как жалуется один из современных фашистских авторов. Для того чтобы приостановить победоносное наступление Менелика на север, итальянское командование уже 8 марта спешит предложить ему начать мирные переговоры, на что тот изъявил полное согласие. Мирный договор был подписан в Аддис-Абебе 26 октября 1896 г., а условия его явились триумфом для борцов за абиссинскую независимость. Важнейшими условиями этого великого исторического документа — торжества национально-освободительного движения абиссинского народа над мировым империализмом являлись следующие:

«Учалльский договор от 2 мая 1889 года со всеми его приложениями объявляется уничтоженным и аннулированным» (стр. 2);

«Италия безоговорочно признает абсолютную независимость Абиссин-

ской империи как государства суверенного и независимого» (стр. 3).

Сверх того Италия уплатила Абиссинии контрибуцию в 2 млн. долларов (официально за содержание итальянских военнопленных) и покинула провинцию, занятую итальянскими вооруженными силами, сохранив за собой лишь узкую прибрежную полосу.

4

Но империалисты Италии как и империалисты Англии и Франции, признавшие под давлением фактов суверенитет Абиссинии, ни на минуту не оставляли своих планов захвата и раздела Абиссинии. Борьба против независимости Абиссинии принимает другие формы, и в частности она ярко сказалась на вопросе о постройке железной дороги из французского Сомали (порт Джибути) в столицу Абиссинии Аддис-Абебу.

Первоначальная концессия на дорогу была выдана Менеликом еще в 1894 г. крупному французскому аван-

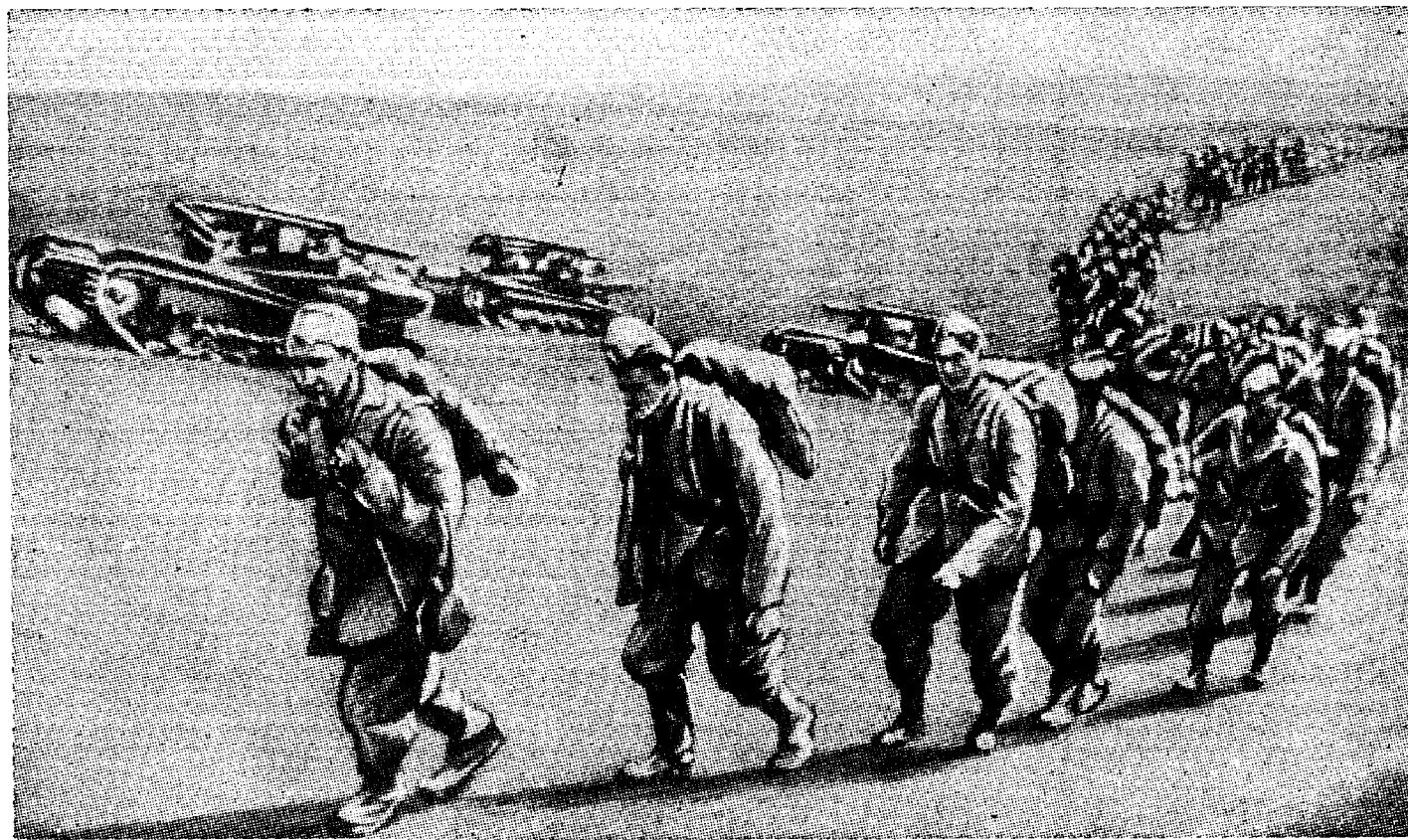
тьюристу, подвизавшемуся в Абиссинии, инженеру Илгу, образовавшему для этой цели «компанию абиссинских железных дорог». По условиям концессии, дорога должна была пойти от Джибути через всю Абиссинию к Судану и дальше до Белого Нила, к которому Франция тогда стремилась. В 1896 г. компания получила разрешение негуса и французского правительства на строительство первого участка линии Джибути—Дире-Дауа на абиссинской и французской территориях. Работы были начаты в 1897 г., но вследствие финансовых затруднений компании работы уже в следующем, 1898 г. были прерваны. Обстоятельство это ловко использовали английские капиталисты, которые взяли на себя финансирование строительства, выговорив при этом право контроля над дорогой.

Но французские империалисты вмешались вовремя и не допустили повторения в Абиссинии истории с Суэцким каналом, когда англичанами были скуплены акции канала, построенного французской компанией.

6 февраля 1902 г. французское правительство в законодательном порядке утвердило договор с первоначальной компанией, по которому обязалось выдавать компании в течение 50 лет ежегодную субсидию в пол-

миллиона франков. Вместе с тем компания обязывалась в двухмесячный срок изменить свой устав так, чтобы предоставить французскому правительству контроль над дорогой, а согласно ст. 14 договора дорога должна была в будущем перейти в собственность французского правительства. Ежегодная правительственная субсидия была капитализована, и это составило сумму в 11,3 млн. франков, которых могло хватить только на оплату старой задолженности компании и доведения дороги до Дире-Дауа, лежащем посреди Данакильской пустыни.

Этот шаг французского правительства был встречен решительными протестами в Лондоне и Аддис-Абебе. Английский капитал упорно цеплялся за ускользавшую от него богатую добычу. По указке своего правительства, заинтересованные в дороге английские финансисты повели бешеную кампанию за ее «интернационализацию», т. е. фактически за допущение британского влияния и контроля. Вместе с тем британское правительство оказывало давление на негуса, побуждая его не разрешать дальнейших работ по строительству дороги, пока Франция не согласится на ее интернационализацию. В то же время по договору от 15 мая 1902 г. об урегули-

Итальянская пехота и танки в Северной Абиссинии. 1935 г.

Всадники абиссинского верблюжьего корпуса, действующие в районе Огадепа. 1935 г.

ровании границы между Абиссинией и Суданом Англия получает от негуса право на постройку на абиссинской территории железной дороги, соединяющей Судан с другой британской колонией — Угандой.

Но у Менелика II были свои собственные опасения насчет сделки французского правительства с компанией-концессионером. Ревниво оберегая независимость своей страны от посягательств европейских империалистов, негус отказался дать свое согласие на 14-й пункт договора с компанией, который он по достоинству оценил как новую попытку Франции подчинить себе Абиссинию. Менелику II удалось в полной мере использовать противоречия между Францией, с одной стороны, и Англией и Италией, с другой стороны, и строительство дороги было совершенно приостановлено.

Дальнейшая судьба французской дороги решалась ст.ст. 6 — 8 тройственного соглашения 1906 года. Франция должна была отказаться от проведения дороги в Касти западнее Аддис-Абебы, по направлению к Белому Нилу, и удовольствоваться линией Джибути — Аддис-Абеба. Она также должна была предоставить британским и итальянским гражданам одинаковые права с французскими

в отношении торговли и транзита как по железной дороге, так и в порту Джибути; наконец, Франция должна была согласиться на введение в состав правления французской компании, которой принадлежит дорога, по одному английскому, итальянскому и абиссинскому представителю. Аналогичные обязательства Англии и Италии на своих будущих дорогах не представляют собой ничего реального: дальше споров и переговоров вопрос об их строительстве не двинулся и по настоящий день.

В дальнейшем французское правительство ликвидировало президентским декретом от 8 декабря 1908 г. компанию абиссинских дорог и передало концессию новой компании франко-абиссинских железных дорог по договору от 3 апреля 1909 года. Согласие абиссинского правительства на передачу концессии новой компании было получено после длительных переговоров и сильного нажима. Начатые в январе 1909 г. работы на участке Дире-Дауа в дальнейшем многократно прерывались абиссинским правительством по разным поводам. К осени 1913 г. дорога была уже доведена до реки Авеш, но после смерти Менелика его преемником работы были вновь приостановлены и начались лишь после того, как концес-

сионная компания обязалась уплатить Абиссинии денежную сумму из расчета 10% стоимости недостроенной части дороги. Окончательно дорога была закончена и вступила в эксплуатацию на всем протяжении до абиссинской столицы лишь в 1918 году.

Завершение постройки линии Джибути—Аддис-Абеба, затянувшейся на целую четверть века (1894—1918 гг.), явилось крупной победой французского империализма в Абиссинии. Маленькая территория французского Сомали получила огромный и богатейший абиссинский хинтерланд, а экономическое и стратегическое значение Джибути, единственного морского пункта Франции на Красном море, по пути во французский Индо-

китай и на Мадагаскар, колоссально выросло.

Всем этим победам колониальной политики Франции и Англии в Африке не могли не завидовать империалисты Италии, которые считали себя обделенными в результате договора в Версале.

Пользуясь напряженным международным положением, итальянские фашисты во главе с Муссолини пытаются сейчас взять реванш за свое поражение в конце XIX века. Но народы Абиссинии, имеющие за собой боевой опыт борьбы за свою независимость и поддержку всего международного пролетариата и трудящихся, сумеют и на этот раз отстоять свою независимость.

Список договоров и соглашений, подтверждающих или нарушающих независимость Абиссинии*

Договоры, подтверждающие независимость Абиссинии

1896. Аддис - Абеба. Абиссиния и Италия (аннулирование учальского договора).

1897. Разграничение с Сомали. Абиссиния и Италия.

1897. Разграничение с французским Сомали. Абиссиния и Франция.

1897. Разграничение с итальянским Сомали. Абиссиния и Италия.

1900. Разграничение с Эритреей. Абиссиния и Италия.

1902. Разграничение с Суданом. Абиссиния и Англия.

1907. Разграничение с Кенией. Абиссиния и Италия.

1908. Разграничение с итальянским Сомали. Абиссиния и Италия.

1923. Резолюция ассамблеи Лиги наций от 23 сентября о принятии Абиссинии в Лигу наций¹.

1926. Переписка с Лигой наций. Абиссиния, Англия и Италия (успокоительные заверения в отношении раздела сфер влияния).

1928. Договор о дружбе и арбитраже. Абиссиния и Италия.

1930. Договор о ввозе оружия и военного снаряжения в Абиссинию. Абиссиния, Англия и Италия.

Договоры, посягающие на независимость Абиссинии

1889. Учалли. Абиссиния и Италия.

1891. Протокол о сферах влияния. Италия и Англия.

1894. Соглашение о сферах влияния. Италия и Англия.

1906. Лондон. Тройственный договор. Англия, Франция и Италия (оговорки о специальных интересах договаривающихся сторон в различных частях Абиссинии).

1925. Обмен нотами о сферах интересов. Англия и Италия.

1935. Итальянская война против Абиссинии.

* Взято из английской брошюры Уайта «Абиссинский конфликт». В отношении договора 1906 г. внесено замечание: Уайт относит его к обеим категориям и делает в первом столбце примечание: «Сохранение территориальной целостности Абиссинии», а во втором: «Оговорил об особых интересах договаривающихся держав». Мы считаем, что договор 1906 г. представляет собой соглашение о разделе сфер влияния империалистических держав в Абиссинии, притом без ведома самой Абиссинии, и не может рассматриваться как договор, подтверждающий ее независимость.

¹ У Уайта написано «Статут Лиги наций. Территориальная целостность и политическая независимость».

В. Пашковский

Лиона одной из интереснейших страниц французской буржуазной революции.

1

ЛИОНСКАЯ КОНТРЕВОЛЮЦИЯ 1793 ГОДА

1793 год был годом наивысшего подъема буржуазной французской революции. В законодательстве Конвента и его действиях за этот год («революция 2 июня», декрет о таксации хлеба, принудительные займы с богатых, новый проект конституции) отразился максимум того, на что оказалась способна державшая в руках власть революционная мелкая буржуазия. В то же время как внешнее, так и внутреннее положение республики в 1793 г. было чрезвычайно напряженным. Революционной Франции приходилось отражать одновременный военный натиск чуть ли не всех монархий Европы при чрезвычайно обостренном политическом и экономическом положении внутри страны. Упадок промышленности и сельского хозяйства, расстройство финансовой системы, голод усугублялись контрреволюционными восстаниями в департаментах: Вандея пылала огнем кулачко-роялистского мятежа, бежавшие из Парижа жирондисты подняли против якобинского Конвента Марсель, Бордо, Нант, Тулон, Ним. Восстал и Лион.

Мало отраженная в широкой литературе история лионских событий 1793 г. несколько заслонена в нашем представлении другими, одновременно развертывавшимися событиями, например более внушительным по масштабам движением вандейских шуанов.

Однако и политический смысл лионских событий и насыщенность их драматизмом делают историю восстания

Лиона одной из интереснейших страниц французской буржуазной революции. К моменту революции Лион был самым передовым во Франции центром промышленности и торговли, специализировавшись, главным образом, на производстве шолка.

В шолковой промышленности Лиона накануне революции было занято 58 500 рабочих — 44% всего городского населения. Кроме того лионская промышленность изготовляла бархат и предметы роскоши.

Лионская буржуазия, сначала приветствовавшая революцию, принесшую освобождение от феодальных ограничений, мешавших развитию промышленности и торговли, с дальнейшим развитием революционных событий выражала все большее недовольство революцией, которая, конечно, не способствовала повышению спроса на шолк и предметы роскоши.

Рабочие же Лиона, подвергавшиеся сильнейшей эксплуатации, активно воспринимали самые крайние идеи революции.

Эта острота классовых противоречий привела лионскую буржуазию в лагерь роялистов и превратила Лион в арену ожесточеннейших классовых боев.

Возникновение рабочего движения в Лионе можно отнести еще к началу XVI столетия, когда происходили первые забастовки ткачей. Крупные вооруженные восстания рабочих произошли в 1744 и в 1786 годах. Правда, эти восстания носили стихийный характер, но уже в 1792 г., во время муниципальных выборов, пролетариат Лиона проявил себя довольно сплоченной и организованной силой, способной противопоставить жирондистской буржуазии определенные политические требования. Выборы закончились поражением жирондистов и торжеством крайних якобинцев. Был создан якобинский муниципалитет, который с первых дней своего существования начал проводить решитель-

ную революционную политику, подчас опережавшую даже действия парижских якобинцев. Так, еще в 1792 г., т. е. до закона о максимуме, лионский муниципалитет пытался самостоятельно вводить таксацию на предметы питания, добивался запрещения биржевых спекуляций, тарификации заработной платы, отмены частной торговли зерном и даже частично муниципализировал хлебную торговлю, организовав 13 муниципальных хлебопекарен (которые, впрочем, просуществовали всего один месяц из-за отсутствия средств).

Натолкнувшись при проведении своей политики на все возраставшее противодействие жирондистски настроенных секций, в которых преобладали торговцы и мелкие собственники, муниципалитет не остановился перед тем, чтобы совсем запретить их собрания, и этим дал жирондистам повод демагогически вопить об «узурпации суверенитета народа».

Лион разделился на два лагеря: в одном сгруппировались жирондисты, тайные роялисты, многочисленная прослойка притаившейся аристократии, католическое духовенство, крупные финансисты и промышленники, наконец, шпионы и агенты принцев и внешней контрреволюции, которыми кишел Лион; в другом лагере сосредоточился, по выражению Луи Блана, «легион бледнолицых рабочих». Надо, однако, подчеркнуть, что и из числа рабочих известная, довольно значительная часть оказалась на стороне жирондистов. Это была типичная для лионской промышленности, носившей в большей своей части характер раздробленного домашнего производства, прослойка более состоятельных рабочих, владевших собственными орудиями производства (станками и пр.), бравших от фабрикантов заказы и выполнявших их на-дому с помощью наемной силы, вербовавшейся из рядов беднейших рабочих.

Вот на эту-то последнюю категорию наиболее эксплуатируемых беднейших рабочих, являвшихся пролетариями в полном смысле слова, и спирался якобинский клуб, душой и вождем которого был Жозеф Шалье — одна из колоритнейших фигур Французской буржуазной революции.

Вождем лионских пролетариев Жозеф Шалье был ярким сторонником далеко идущих социальных преобразований и проповедником обостренной классовой борьбы, убежденным сторонником террора. Он был другом и учеником Марата и пользовался огромным авторитетом среди трудящихся масс.

Он и его ближайшие соратники призывали рабочих Лиона «воспользоваться своей бедностью и овладеть богатствами, около которых они ходят».

Они выдвигали лозунги «Умирайте или убивайте!» Составленная Шалье формула присяги санкюлота содержала клятву «истреблять всех тиранов в мире, равно как их пособников, именуемых аристократами, и еще — фельянтинцев¹, умеренных, эгоистов, барышников, ростовщиков, спекулянтов и всех ненужных граждан священнической касты, злобной противницы свободы и покровительницы деспотизма».

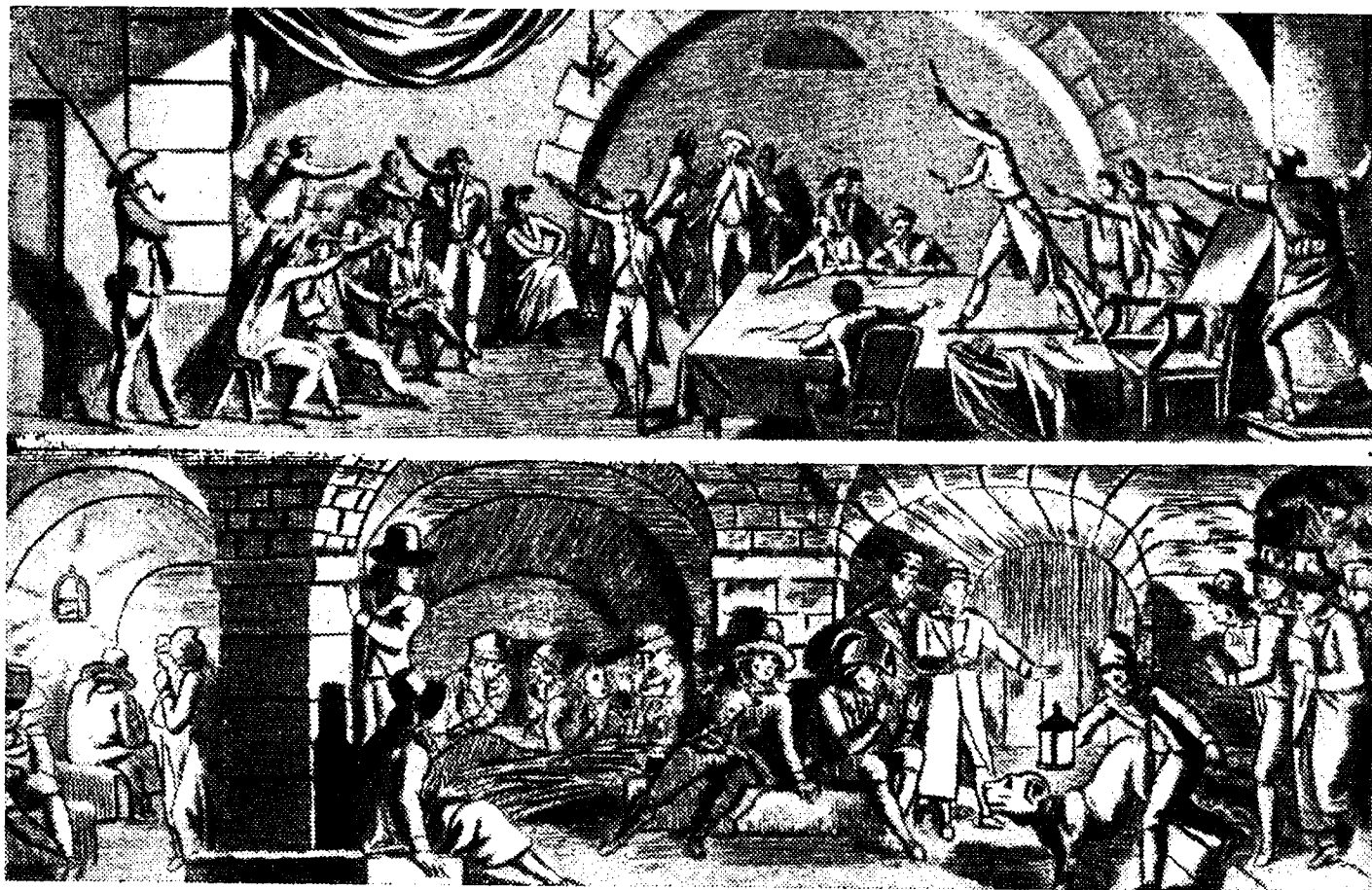
Принципы, за которые боролся и отдал жизнь этот вождем лионской бедноты, не были еще, конечно, истинными принципами политической борьбы пролетариата против буржуазии. Но объективно то, что делал Шалье, являлось наиболее передовым для того времени проявлением революционного движения предпролетариата. Шалье, несомненно, принадлежал к числу «лучших якобинцев 1793 года», которые, по словам Ленина, «были представителями самого революционного класса XVIII века — городской и деревенской бедноты».

Жирондистская буржуазия, в руках которой находились управление департаментом и большинство секций, только ждала благоприятного момента, чтобы расчитаться с Шалье и якобинским муниципалитетом.

2

С начала февраля 1793 г. произошел ряд вооруженных столкновений сторонников Шалье с жирондистами,

¹ Фельяны — политический клуб, возникший в июле 1791 г., когда после бегства короля из Якобинского клуба вышло его умеренное крыло, составившее основное ядро клуба фельянов. В 1792 г. клуб распался.

Вверху: Шалье председательствует на народном собрании, во время лионской коммуны, в котором был составлен список 1200 жирондистов, подлежащих аресту. С гравюры Дюплесси Берто. Внизу: Арестованные жирондисты в подвале городской гостиницы. С гравюры из «Парижской революции»

сопровождавшихся попытками свергнуть якобинский муниципалитет и провести мэром жирондиста Нивьер-Шоля, уже занимавшего ранее этот пост.

18 февраля перед центральным якобинским клубом собрались, как писал реакционный мемуарист, «все честные люди Лиона: дворяне, лавочники, писцы, носильщики Роны и Соны». Они ворвались в помещение клуба, устроили погром, сломали мебель, сожгли бумаги и заставили Шалье и его друзей бежать. Мэром был незаконно избран Нивьер-Шоль.

25 февраля Конвент заслушал доклад о событиях в Лионе и направил туда трех своих комиссаров: Ревера, Базира и Лежандра. Комиссары добились вывода из города находившихся там трех батальонов марсельских войск, бывших на стороне жирондистов, и восстановили якобинский муниципалитет, который взялся за дело с удесятенной энергией.

Крупнейшим мероприятием, которого добился муниципалитет при помощи представителей Конвента, было объявление призыва добровольцев под лозунгом борьбы с Вандеей. В резуль-

тате якобинцам удалось сформировать в середине мая революционную армию в составе восьми батальонов (6400 чел.). Безымянный жирондистский памфлет, изданный позже в Лионе, характеризовал эту армию, как «организацию отборных убийц, головорезов, забрызганных кровью, сброд негодяев, выдрессированный для грабежа и бойни». Особенно непереносимо для лионской буржуазии было то, что содержание этого «сброда негодяев» муниципалитет возложил на нее же, проведя для этой цели принудительный заем с богачей в сумме 6 млн. ливров.

15 мая в Конвенте была оглашена петиция за подписью 400 буржуа Лиона, называвших себя «истинными санкюлотами», а Шалье и его сторонников — «сеятелями анархии, чьи крайности могут причинить большой вред свободе».

Жирондистам удалось провести в Конвенте декрет, разрешавший «притесняемым» действовать силой против силы. Таким образом, лионская буржуазия получила как бы законное основание для вооруженного вы-

ступления. Лионские жирондисты ликовали, якобинцы же растерялись.

Первым шагом жирондистов было объявление 19 мая созыва непрерывных заседаний секций, которым якобинский муниципалитет не разрешал собираться уже в течение четырех месяцев.

Через неделю жирондистское управление департамента прервало всякие сношения с муниципалитетом. Секции буржуазных кварталов распространяли прокламации, призывавшие к восстанию против якобинцев.

27 мая в Лион во главе двух батальонов войск вступили комиссары Конвента при Альпийской армии — Готье и Ниош. Их прибытие дало отрядам Шалье перевес над вооруженными силами жирондистских секций. Однако вместо решительных действий, комиссары Конвента проявляли роковую медлительность, занимаясь выяснением причин брожения, степени разногласий и т. п. В донесении Конвенту от 28 мая они даже выражали надежду, что «в этом городе не разразится никакое прискорбное движение».

Но уже 29 мая «прискорбное движение» началось. Представители создали комитет восстания, который работал воззвание к гражданам, в котором Шалье и его группа были зачинщиками кровопролития. На площади Белькур было собрано более 20 тыс. человек вооруженных сторонников секций. Якобинцы укрепились в арсенале с небольшим числом линейных и пушек. Командующим был избран фабрикант сукон.

Готье и Ниош все еще улаживали дело миром. Вместо того чтобы организовать вооруженное восстание, они составили воззвание к бунтовщикам, и Готье читал его на улице перед полными вооруженными гражданами. Его арестовали. После короткой схватки арсенал перешел в руки восставших и единственной ячейкой якобинцев осталась ратуша.

Тогда и Готье решил сделать попытку «усоветить» восставшим. Он вышел к ним для переговоров, но Ниоша, его задержали и

Изгнание жирондистов из Конвента. Париж, 2 июня 1793 г.

Арест Шалье Национальной гвардией инсургентов в Лионе 31 мая 1793 г. С рисунка неизвестного художника.

угрожая оружием, подписать акт о прекращении полномочий якобинского муниципалитета. После оружейного обстрела и ряда непрерывных атак ратуша пала. Якобинцы дрались с величайшей отвагой, но восставшие в несколько раз превышали их численностью. Шалье и другие вожди якобинцев были захвачены в здании ратуши.

Разгром якобинцев в Лионе почти совпал с разгромом жирондистов в Париже (жирондисты были изгнаны из состава Конвента 2 июня). Бежавшие на юг депутаты Жиронды приложили все усилия к тому, чтобы взять федералистское движение¹ в городах юга в свои руки. В Лион с этой целью явились жирондисты Бирото и Шассе.

Они поставили перед собой задачу превратить Лион в центр широкого вооруженного жирондистского восстания против Конвента.

¹ Движение, поднятое против якобинцев и направленное к раздроблению Франции на отдельные провинции. Федералисты вошли в сношения с врагами революции — англичанами, которым они сдали Тулон. Федералистское движение было раздавлено войсками Конвента.

Прежде всего они создали так называемую «Республиканскую и народную комиссию общественного спасения», во главе которой был поставлен жирондист Жилибер.

Под руководством «Комиссии» началось разоружение тех нескольких секций рабочих кварталов (Гургион, Сен-Жорис), которые в событиях 29 мая не поддержали жирондистов. Попытка вооруженного сопротивления со стороны этих секций была жестоко подавлена национальной гвардией буржуазных районов.

Вслед за этим «Комиссия» постановила сформировать департаментскую армию и начать земляные работы по укреплению Лиона.

Как только стало известно о лионском восстании против Конвента, в Лион хлынули со всех сторон тысячи роялистов.

Не прошло и месяца со дня создания «Комиссии общественного спасения», как во главе ее вместо жирондиста Жилибера был поставлен роялист Ранбо, секретарем был назначен королевский генерал Рубес.

Чтобы рассеять подозрения жирондистски настроенных слоев населения,

роялист Ранбо обратился к населению с лицемерным воззванием, в котором громил злонамеренных лиц, приписывающих руководителям лионских организаций роялистские замыслы!

Первоначальные вожди восстания, жирондисты Бирото и Шассе, убедившись, что бразды правления перешли к роялистам, просто скрылись из Лиона под покровом ночной темноты.

3

Конвент в течение первых двух месяцев восстания реагировал на лионские события крайне вяло, что объяснялось, с одной стороны, неполнотой и сбивчивостью поступавшей из Лиона информации, с другой стороны, — тем, что внимание Конвента было отвлечено массой первоочередных дел в Париже, Вандее и на фронтах войны с другими странами.

Единственным мероприятием Конвента против нахлынувших в Лион эмигрантов и агентов роялизма было платоническое требование: «частным лицам, не имеющим постоянного жительства в Лионе, в трехдневный срок выехать».

Бюст «друга народа» — Марата — работы Мартина Гренобль.

Декретом 14 июля предлагалось приостановить уплату жителям Лиона всяких сумм, которые им были должны казначейство или частные лица. Подобные полумеры, разумеется, не могли иметь никакого существенного действия.

Отсрочка решительного столкновения с Конвентом была наруку восставшим, так как дала им время для военной подготовки.

Между тем вожди лионского восстания всячески старались усыпить бдительность комиссаров, которых командировал Конвент.

Широко практиковавшаяся роялистами Лиона демагогия способствовала этому. Комиссары сообщали Конвенту, что в Лионе «никто не хочет тирана» (донесение Робера Ленде).

Таким образом, Конвент не давал решительного боя лионским контрреволюционерам.

Только Марат, поддерживавший переписку с уцелевшими лионскими якобинцами, настаивал на срочных, решительных действиях против восставших. Уже в начале июля он требовал объявить вне закона весь административный аппарат департамента Роны и Луары и вызвать против Лиона «честных санкюлотов из Канталя, Пюи-де-Дома, Эна и департамента Верхней Луары, если он откажется покориться в недельный срок».

Исключительную вялость проявил Конвент и в деле Шалье, томившегося все это время в тюрьме. По инициативе Марата, Конвент, правда, потребовал передачи Шалье в руки центральных властей для разбора возведенных жирондистами обвинений против Шалье, но не принял энергичных мер к осуществлению этого требования.

Восставшие не только не отправили Шалье в Париж, но начали против него и других арестованных якобинцев судебный процесс, предъявив Шалье обвинение в том, что... «он хотел короля».

Контрреволюционеры стремились нажить на этом процессе политический капитал. Было сострепано поддельное письмо, якобы полученное на имя Шалье из лагеря эмигрантов. В этом письме выражалась благодарность Шалье за службу принцам.

17 июля, через три дня после убийства Марата, Шалье был казнен. Он был первой жертвой гильотины в Лионе. Неопытность палача превратила казнь в мучительную пытку. Нож гильотины четыре раза срывался и кромсал по кускам череп Шалье. В конце концов палач оставил гильотину и прикончил Шалье ножом. Вслед за Шалье были казнены другие видные члены бывшего якобинского муниципалитета.

Авторитет Шалье в массах лионского населения не пострадал от клеветы врагов. Даже контрреволюционный «Journal de Lyon» вынужден был признать, что «когда палач поднял над толпой окровавленную голову Шалье, немногие жидкие аплодисменты были заглушены общим негодованием».

Между тем лионская контрреволюция организовывала и укрепляла свои силы. Военное руководство обороной Лиона было сосредоточено в руках аристократов — специалистов бывшей королевской армии. Командовавший восставшими 29 мая суконщик Мадинье был заменен графом де Пресси — профессиональным солдатом, служившим ранее по найму на Корсике, в Германии и в швейцарских войсках в Тюльери. Во время событий 10 августа он был в первых рядах защитников короля и удостоился за свою храбрость личной благодарности Людовика. Начальником лионской кавалерии и своим первым помощником Пресси поставил графа де Вирье, знатного аристократа и роялиста.

Вожаки восстания ни на минуту не забывали о ненадежных настроениях лионского населения.

Поэтому, вооружаясь и возводя укрепления против войск Конвента, они вели усиленную обработку общественного мнения в городе, пуская в ход беззастенчивую демагогию, обман и террор. Над городскими воротами красовалась надпись «Единая нераздельная республика», а вокруг города на огромных столбах были укреплены выдержки из «Прав человека», написанные огромными красными буквами: «Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа делается его непременным долгом». Позже, уже во время осады

Голова казненного Жозефа Шалье.

Лиона армией Конвента, роялисты организовали «для народа» пышное празднование дня годовщины свержения короля (10 августа).

4

Только в начале августа Конвент начал военные действия против Лиона. Генерал Келлерман, главнокомандующий Альпийской армией Конвента, получил приказ взять восставший город. Келлерман начал окружение Лиона, медленно стягивая первое кольцо осады.

Но он оказался «прямодушен и добросовестен, но вял», и по настоянию комиссара Конвента при Альпийской армии Дюбуа-Крансе генерал Келлерман был смещен. До прибытия нового главнокомандующего Дюбуа-Крансе — сам военный инженер — взял руководство осадой Лиона в свои руки.

Весь август осаждавшим приходилось ограничиваться пассивной блокадой города, так как для решительных действий не хватало ни войск, ни — главное — артиллерии.

Но силы Дюбуа-Крансе, составлявшие вначале всего 5 тыс. регулярных войск и 8 тыс. молодых, только что призванных рекрутов, с каждым днем пополнялись ополчениями, которые собирали в ближайших департаментах комиссары Конвента: Минье, Шатоннеф, Кутон и др. Первые два вскоре подошли к Лиону во главе колонны в 12 тыс. ополченцев.

Накапливались и военные припасы. Было изготовлено 130 орудий, 74 тыс. бомб, 34 тыс. ядер, 300 тыс. фунтов пороха.

Неоднократные обращения Дюбуа-Крансе к лионцам с предложениями «мира и братства» при условии сдачи оружия и признания декретов Конвента, изданных после 29 мая, остались безрезультатными. Роялистские вожаки от имени всех лионцев отвечали осаждавшим: «Вы войдете к нам только через горы трупов».

18 августа Дюбуа-Крансе пишет в своем донесении Конвенту: «Бомбы готовы, ядра накаливаются, фитиль зажжен. Если лионцы будут упорствовать в своем бунте, мы начнем завтра вечером войну при зареве пламени, которое уничтожит этот мятежный город».

Интересно, что тем же числом, 18 августа, датировано письмо к Дюбуа-Крансе, подписанное Робеспьером, Кутоном, Карно, Барером и Сен-Жюстом, в котором предлагается «пощадить лионцев, если они покорятся». Так до последнего дня вожди Конвента во главе с Робеспьером все еще надеялись на мирное разрешение конфликта.

В ночь с 22 на 23 августа Дюбуа-Крансе начал систематическую общую бомбардировку Лиона. От раскаленных ядер возникали сотни пожаров, дворцы на набережных и на центральных

площадях вскоре превратились в развалины, наконец, взлетел на воздух подожженный бомбами арсенал, а с ним значительные боевые запасы.

Лионские роялисты превосходно организовали защиту и сражались с отчаянным упорством.

Однако с первых же дней осады им пришлось убедиться, что никакой демагогией, никакими посулами им не удалось завоевать поддержки лионских рабочих.

Тысячи рабочих бежали из осажденного города, чтобы присоединиться к войскам Конвента. Оставшиеся же в городе рабочие установили связь с осаждавшими и условными сигналами направляли огонь их артиллерии на наиболее важные опорные пункты защиты: склады боеприпасов, продовольствия, фуража и т. п.

К концу первого месяца осады в городе был учрежден военный суд специально для расправы с «изменниками и бунтарями». Был издан приказ, воспрещающий «произнесение малейших возмутительных речей под страхом преследования в чрезвычайном порядке».

«Герою» 29 мая — суконщику Мадинье — было поручено подавление восстаний в самом Лионе. Во главе многочисленной «национальной гвардии» он осуществлял жестокую расправу с рабочими — сторонниками якобинцев, отбирая припрятанное оружие, разгоняя тайные собрания.

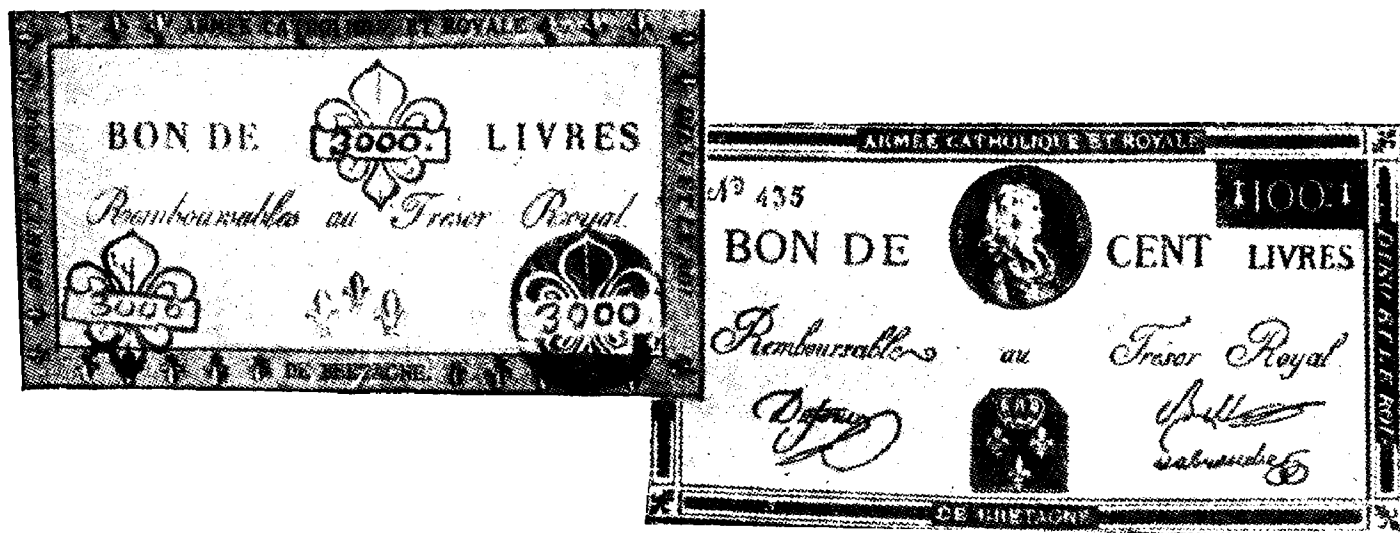
Несмотря на все эти меры вожаки восстания и верхушка населения, которая была за них, боялись возмущения и мести тех, кого они называли презрительно кличкой «кануты» (от французского слова «челнок», т. е. рабочие-шолкопрядильщики).

Когда в разгар осады роялисты, решив проверить общественное мнение, выпустили кредитки с изображением королевских лилий, со стороны населения (а, как мы помним, 44% его составляли рабочие) поднялась такая волна возмущения, что кредитки пришлось срочно изъять.

К концу второго месяца осады почти все жизненные припасы были истощены. В городе начался голод: хлеб пекли из овса и рубленой соломы, доедали последних лошадей. Нараставшее с каждым днем отчаяние обману-

Жетон жирондистов, по которому они опознавали своих единомышленников. Выпущен после майских дней 1793 г.

Бумажные деньги «католической и королевской армии» с изображением дофина, выпущенные в Бандее. Кредитки на подобие этих были выпущены лионскими роялистами.

того населения роялисты сдерживали распространением ложных слухов о том, что на помощь Лиону якобы идут войска пьемонтцев¹, эмигранты, марсельцы и т. п.

Между тем Дюбуа-Крансе успел за это время взять лишь несколько более слабых фортов и редутов, откладывая решительный штурм в надежде на то, что Лион, истощенный голодом и разрушенный бомбардировкой, не сегодня-завтра сдастся без боя.

Тактика Дюбуа-Крансе не отвечала политической обстановке момента. Для дела революции было необходимо как можно скорее разрубить лионский узел. Каждый день проволочки поднимал надежду всех внутренних и внешних врагов республики. Кроме того медлительность Дюбуа-Крансе приводила к тому, что у стен Лиона задерживались войска, необходимые для других фронтов гражданской и внешней войны.

В первых числах октября к Лиону во главе двадцатипяти тысячного ополчения, набранного в департаменте Овернь, явился Кутон — один из виднейших деятелей революции, член Комитета общественного спасения, ближайший помощник и личный друг Робеспьера.

Кутон был против медлительной тактики Дюбуа-Крансе, за тактику революционного напора масс.

По настоянию Робеспьера и Сен-Жюста Комитет общественного спа-

сения отозвал Дюбуа-Крансе и поручил завершение лионской операции Кутону.

Вместе с ополченцами соседних департаментов, приведенными Кутон и другими комиссарами Конвента, численность стянутых вокруг Лиона революционных войск достигла 60 тыс. человек. Послав лионцам последнее предупреждение и обещание пощады всем, кроме роялистских зачинщиков, и не получив удовлетворительного ответа, Кутон отдал приказ о решительном общем штурме, и после кровопролитной схватки 9 октября Лион пал. Осада, тянувшаяся 70 дней, была, наконец, завершена.

Весть о капитуляции мятежного Лиона встретила мощный отклик во всей революционной Франции, возбудив новую волну революционного энтузиазма. Конвент обратился с воззванием к Северной и Вандейской армиям, ставя им в пример энергию войск, взявших Лион: «Знамя свободы развеивается на стенах Лиона и очищает их... Ужель вы последними пожнете пальмы, заслужите славу!?» Ликвидация лионского мятежа лишила эмиграцию ее надежд на контрреволюцию и освобождала для других фронтов крупные военные силы.

Пресси с двухтысячным отрядом удалось бежать под прикрытием сильного тумана. Впрочем, бежавшие были вскоре частью уничтожены погоней, частью изловлены и перебиты окрестными крестьянами. Спаслись, добравшись до границ Швейцарии, лишь генерал Пресси и суконщик Мадинье.

¹ Пьемонт — самостоятельное герцогство на севере теперешней Италии, предлагавшее свою вооруженную помощь французским роялистам.

Через год Пресси вернулся в Лион мстителем за провал роялистского восстания.

5

Толпы лионских рабочих и ремесленников радостно приветствовали вступавшие в город войска Конвента. Первой заботой Кутона была организация доставки продовольствия измученному осадой беднейшему населению. С этой целью он разослал в соседние департаменты 12 специальных комиссаров.

Местные якобинцы и часть приведенных комиссарами ополченцев намеревались самочинно и немедленно расчислаться с виновниками и участниками восстания, требуя «имущества богатых и голов федералистов». Кутон издал приказ о том, что всякий, уличенный в грабеже, будет расстрелян в течение 24 часов.

Немедленно после занятия города Кутон восстановил прежний якобинский муниципалитет, создал народный суд и военную комиссию и начал кропотливую процедуру расследования дела каждого захваченного с оружием в руках роялиста.

Медлительность в наказании виновных со стороны Кутона — автора закона 22 прериаля II года (10 июня 1794 г.) о реорганизации ревтрибунала, — заявлявшего в Конвенте, что «всякая снисходительная или излишняя формалистика представляет собой общественную опасность» и что «сроком для наказания врагов отечества может служить единственно время, необходимое для признания их таковыми», кажется непонятной. Этой медлительностью Кутона воспользовалось до 20 тыс. участников мятежа, ускользнув в Швейцарию.

Тактика Кутона в покоренном Лионе оказалась столь же не отвечающей политическим требованиям момента, как в свое время тактика Дюбуа-Крансе у стен Лиона. Революционная обстановка требовала более решительных действий. Тем временем будущий термидорианец Барер выступил в Конвенте с демагогическим предложением снести Лион с лица земли (в буквальном смысле слова).

На заседании Конвента 12 октября

он зачитал следующий проект декрета:

«1. Национальным конвентом будет назначена по представлению Комитета общественного спасения комиссия из пяти народных представителей, которые должны будут немедленно отправиться в Лион, чтобы арестовать и предать военному суду всех контрреволюционеров, взявшихся за оружие в этом городе.

2. Все лионцы будут обезоружены; оружие будет отдано тем, относительно которых будет признано, что они не участвовали в мятеже, а также защитникам отечества.

3. Город Лион будет разрушен.

4. Не будет оставлено ничего, кроме жилищ бедняков, зданий, предназначенных для потребностей промышленности, госпиталей, общественных памятников и просветительных учреждений.

5. Этот город перестанет называться Лионом; он будет называться «Освобожденная община».

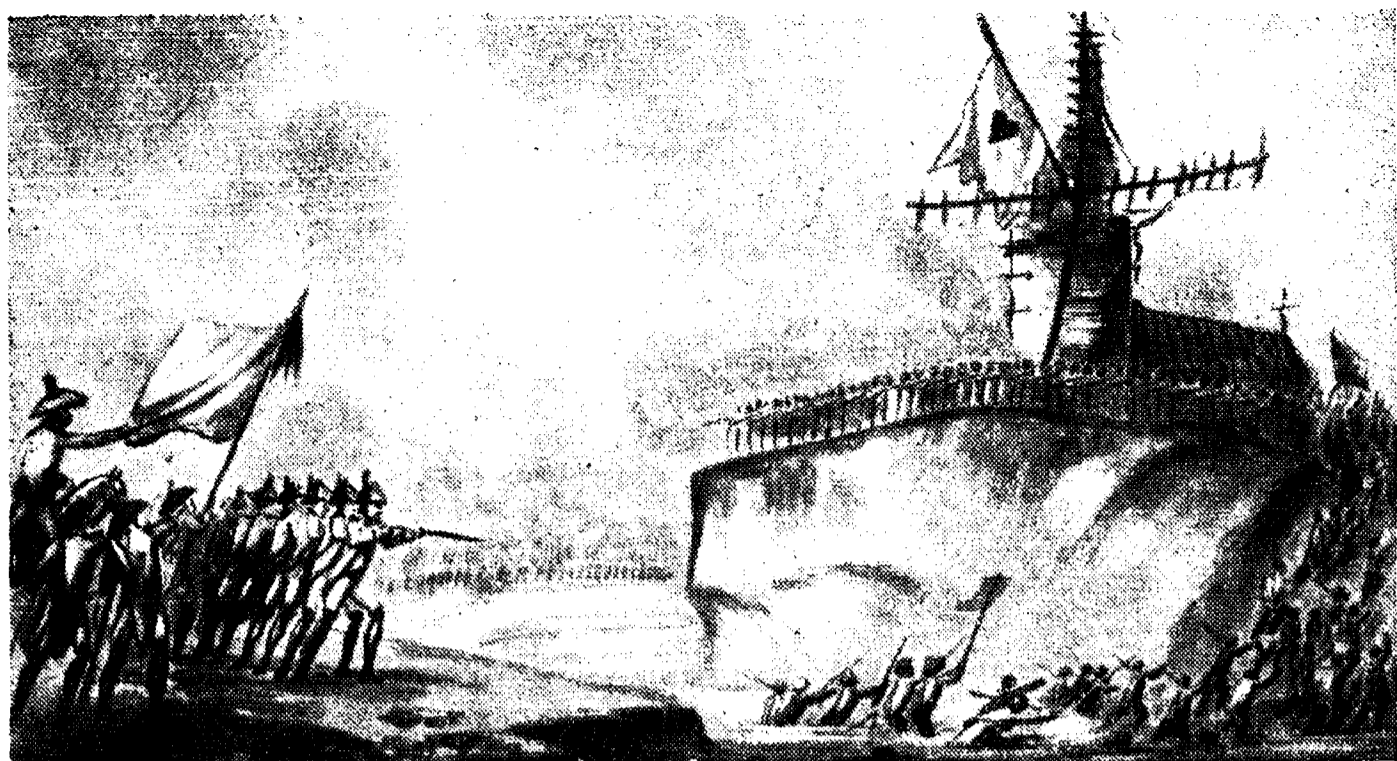
6. На развалинах Лиона будет воздвигнут памятник, на котором начертаны будут следующие слова: «Лион вел войну против свободы — Лиона больше нет».

Робеспьер, который хотя и понимал, что разрушение второго по величине города Франции может принести делу Республики непоправимый политический и материальный ущерб, был вынужден согласиться на принятие декрета, так как понял, что этот декрет выдвинут его противниками в Конвенте с целью найти новый аргумент для борьбы с ним, если он проявит малейшую нерешительность. На Кутона легла обязанность привести в исполнение принятый Конвентом декрет.

Получив декрет 15 октября, Кутон 12 дней не мог решиться действовать и, наконец, нашел хитроумный выход из положения: придать декрету символический смысл.

В торжественной обстановке на площади Белькур он нанес несколько ударов серебряным молотком по стенам лучших домов богачей, приговаривая при этом: «Тебя карает закон».

Но враги Кутона (и среди них не забывший обиды Дюбуа-Крансе) подняли против него обвинение в саботаже распоряжений Конвента. Тогда

Осада Лиона республиканцами.

С акварели Берикур.

Кутон добился перевода из Лиона в южную армию. В Лион были посланы новые комиссары Конвента — Колло д'Эрбуа и Жозеф Фуше, которые немедленно по прибытии в Лион взялись за буквальное выполнение декрета от 12 октября.

Колло д'Эрбуа и Фуше были разными людьми. Первый — человек пылкого и необузданного темперамента, был все же искренним революционером, хотя жажда действий была для него выше политических соображений. Горячий темперамент актера (Колло до революции был драматическим актером и, в частности, с успехом выступал в Лионе) сказывался в каждом его шаге, начиная с помпезного в'езда в Лион и кончая его донесениями в Конвент, составленными в пышных театральных выражениях.

Поведение Фуше в Лионе, как и на всем его извилистом жизненном пути, диктовалось одним холодным, циничным расчетом человека, абсолютно беспринципного и руководимого единственным правилом — держать нос по ветру. В разгар революции этот бывший монах и будущий министр полиции Наполеона и герцог Отрантский больше всего заботился о том, чтобы не показаться умеренным.

Поэтому он с той же величайшей готовностью осуществлял крайне революционные идеи, с какой впоследствии служил императору.

Первым шагом обоих комиссаров в Лионе было проведение торжественной и шумной церемонии чествования останков Шалье. Церемонии был придан резко антиклерикальный характер. По окончании церемонии бюст Шалье был установлен в одной из церквей, на алтаре, вместо разбитого изображения Христа, а урна с его прахом отправлена в Париж якобинскому клубу.

На другой день на улицах Лиона появилось знаменитое воззвание Колло д'Эрбуа и Фуше, известное под именем «Лионской инструкции». Этот документ, составленный в смелых и четких выражениях, по изложенным в нем социальным принципам является едва ли не самым радикальным документом всего периода Французской буржуазной революции 1789 г. Особенно интересно место «Инструкции», где дается характеристика революции 1789 — 1793 гг., причем впервые подчеркивается, что завоевания революции принадлежат не народу вообще, но классу тех, кто «кормит своим трудом общество».

«Революция, — гласит «Инструкция», — совершена для народа; но под этим именем не следует подразумевать привилегированный благодаря своему богатству класс, присвоивший все радости жизни и все имущество общества. Народ — это совокупность французских граждан и прежде все-

го — грандиозный класс бедняков, защищающих границы нашего отечества и кормящих своим трудом общество. Революция была бы политическим и моральным бесчинством, если бы она заботилась о благополучии нескольких сотен людей и терпела нищету двадцати четырех миллионов. Она была бы оскорбительным обманом человечества, если бы, действуя всегда во имя равенства, примирилась с промадным расстоянием между благополучием одного человека и другого».

Исходя из этого основного принципа, «Инструкция» призывала не только к конфискации имущества богачей, но и к отобраанию всех излишков «у каждого гражданина».

«Все предметы, — говорится в «Инструкции», — которыми они (т. е. состоятельные лица. — В. П.) обладают в излишке и которые могут быть полезны защитникам отечества, принадлежат ныне отечеству». Таким образом, в «Инструкции» были высказывания против частной собственности, в то время как в «Декларации прав человека и гражданина» (проект конституции 1793 г.) был пункт о том, что «никто не может быть лишен без своего согласия хотя бы малейшей доли своей собственности», а Робеспьер говорил: «Санкюлоты, движимые любовью ко всему человечеству, всегда следовали истинным принципам общественного строя и никогда не претендовали на равенство имущества, они настаивали только на равенстве прав и счастья» (речь в Якобинском клубе 8 мая 1793 г.).

Колло д'Эрбуа и Фуше действительно провели массовую реквизицию излишков частного имущества, обложили буржуазию крупными налогами на содержание сирот, увечных, бедняков, обеспечили бездомных жильем, регулировали распределение работы и средств производства между работоспособными и т. д.

6

Но если Кутон старался не допустить стихийной анархической расправы местных якобинцев с участниками восстания и принимал меры к тому, чтобы ввести мщение в русло революционного правосудия, то Колло

д'Эрбуа и Фуше, наоборот, делали все, чтобы разжечь страсти, не заботясь о возможных ошибках и излишествах. «Действующим в духе революции все позволительно», — заявляли они в расклеенной на улицах «Инструкции».

В донесении Конвенту Колло д'Эрбуа и Фуше писали: «Мы не намерены спускаться с той высоты, на которую нас возвел народ, ради соблюдения жалких интересов более или менее виновных людей».

Все это привело к тому, что виновность заподозренных устанавливалась не всегда достаточно полно, поступающие доносы подчас не проверялись и в результате при последовавших казнях и расстрелах погибло немало случайно схваченных людей. Известен случай, когда в спешке вместе с роялистами был расстрелян один якобинец. В качестве одного из методов казни Колло д'Эрбуа и Фуше применяли массовые расстрелы картечью, которые в конце концов начали вызывать недовольство со стороны трудового населения, преданного революции, тем более что коллективные расстрелы из пушек, заряженных картечью, Колло д'Эрбуа и Фуше превращали в своего рода праздничные зрелища.

Главным вдохновителем и организатором расстрелов картечью был Фуше, заслуживший кличку «человек, который расстрелял Лион» («Le Mitrailleur de Lion»). Для него, заботившегося только о том, чтобы не показаться в глазах Комитета общественного спасения умеренным, никакие преувеличения не казались чрезмерными.

Что касается Колло д'Эрбуа, то он сосредоточил свое внимание главным образом на выполнении той части декрета Конвента от 12 октября, которая предписывала разрушение города, хотя задача эта оказалась далеко не из простых. Прежде всего не хватало рабочих. Приходилось выписывать их из соседних департаментов. Кроме того разрушение массивных каменных зданий ручным способом, с помощью ломов и заступов, подвигалось очень медленно и не давало большого эффекта. Дело двинулось быстрее, когда перешли к закладыванию мин под фундаменты домов.

Антирелигиозная процессия.

О акварели Берикур.

Дворцы на площади Белькур и набережной Сен-Клер, замок Пьер-Сиз («Лионская Бастилия»), лучшие дома в кварталах торговой аристократии, несколько церквей и монастырей — всего около 40 зданий — вскоре были взорваны и сравнены с землей. Все же несмотря на все рвение Колло дальнейшее разрушение пришлось приостановить из-за недостатка денежных средств: одно только содержание 20 тыс. занятых на этой работе землекопов обходилось в 40 тыс. ливров в декаду, а на все произведенные разрушительные работы ушло 15 млн. ливров. Эта сумма вдвое превысила ту, которую удалось получить по контрибуции с лионских богачей.

Усердие обоих представителей, подстегивавшееся необузданностью одного и циничным расчетом другого, вызвало в конце концов недовольство Робеспьера, хотя декрет от 12 октября юридически не был отменен и, строго говоря, Колло д'Эрбуа и Фуше ни в чем не превысили свои полномочия.

Вести о поступавших в Конвент жалобах и о недовольстве Робеспьера стали известны в Лионе, и Колло д'Эрбуа поспешил в Париж для объяс-

нений. Конвент, поставленный в двусмысленное положение, так как не мог осуждать тех, кто столь ревностно выполнял его волю, принужден был одобрить Колло д'Эрбуа. Таким образом, Робеспьер, осуждавший поведение Колло д'Эрбуа и Фуше, потерпел поражение.

Тем не менее остававшийся в Лионе Фуше уловил своим тонким нюхом политического авантюриста, что продолжение прежней политики может оказаться для него опасным. Он неожиданно прекратил расследование дел участников восстания и объявил сторонников Шалье «сеятелями анархии». Этот маневр был осуществлен им для того, чтобы в случае осуждения политики террора показать свою непричастность и переложить ответственность на Колло д'Эрбуа. Предательство Фуше вызвало негодование лионских якобинцев. В Конвент поступали многочисленные жалобы и протесты. Комитет общественного спасения отозвал Фуше. Покидая Лион (3 апреля 1794 г.), предусмотрительный Фуше гильотинировал лионского палача и его помощника, которые могли бы быть невыгодными сви-

детелями, если бы пришлось оправдываться против обвинений в терроре.

После 9 термидора в Лион возвратились сначала жирондисты, а вскоре и роялисты, пытавшиеся снова сделать этот город своим опорным пунктом и даже столицей будущего королевства.

Белый террор принял исключительно гнусные формы: поджигали тюрьмы с сотнями заключенных рабочих, убивали детей, бросали арестованных с мостов в Рону. В убийствах участвовали буржуазные и дворянские дамы, пользуясь в виде оружия ножницами. Мутная волна одичания и фанатизма вынесла на поверхность шарлатанов — «пророков» и «святых дев», боодушевлявших убийц «благословлениями».

Охотно и щедро перечисляя жертвы якобинского террора в Лионе, буржуазные историки оказываются неосведомленными, как только речь доходит до белого террора, продолжавшегося

почти целый год, с июля 1794 до мая 1795 года.

Точное количество жертв белого террора в Лионе осталось неподсчитанным. Но в том, что оно во много раз превысило жертвы террора якобинского, не может быть сомнения. Пресси и его лагерь взяли реванш с лихвой...

История подавления контрреволюционного лионского восстания характеризует неустойчивость и дряблость мелкой буржуазии, неспособной даже в лучший период своей революционности осуществить до конца последовательную, твердую политику. Только в Великой пролетарской революции в СССР рабочий класс, под руководством коммунистической партии завоевав диктатуру пролетариата, действительно мудро и последовательно отразил удары контрреволюции и смог осуществить победу нового строя общественных отношений — социализма.

Якобинцы.

Фрагмент с гравюры Поке.

**Е. Звягинцев,
Н. Левенсон,
П. Миллер**

МОСКВА В ПРОШЛОМ

«Москва». Под редакцией Л. Ковалева. Издание газеты «Рабочая Москва». М. 1935. 647 стр. 30 руб 8000 экз.

В обращении от редакции рецензируемого сборника сказано:

«Наш сборник, составленный в очень короткий срок, — скромная попытка показать лишь отдельные штрихи происходящей сейчас перестройки Москвы, отдельные моменты героизма рабочих и славной борьбы московской организации большевиков» (стр. 2).

Этим вступлением определяется цель издания книги, которая состоит из трех разделов: «Москва в прошлом» (118 стр.), «Социалистическая Москва» (452 стр.) и «Москва будущего» (57 стр.). К этому надо прибавить вводную статью «Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина».

В книге приняли участие сто авторов.

Настоящая рецензия относится к первому разделу этой интересной и полезной книги, посвященной показу основных путей превращения Москвы феодальной и купеческой в образцовую, социалистическую столицу пролетарского государства.

Несмотря на свои несомненные достоинства, первый раздел — «Москва в прошлом» — грешит целым рядом фактических неточностей и исторических ошибок, которые должны быть обязательно исправлены при повторном издании.

В написании этого раздела принимали участие 10 авторов, из них 9 писателей и 1 историк партии.

Первой статьей идет очерк Н. С. Ашукина «Прошлое Москвы». Очерк этот, к сожалению, изобилует неточностями.

Например на стр. 21 автор пишет: «Высокие пошлины, которыми тверские князья облагали новгородских купцов, вызвали разрыв отношений между Новгородом и Тверью. Торговые караваны из Новгорода, минуя Тверь, стали идти на Волгу через Москву, путем более дальним, но дешовым».

Здесь следовало бы добавить, что тверские князья занимались также открытым грабежом проходивших мимо новгородских купеческих караванов, поэтому новгородцы предпочитали путь через Москву не только как более дешовый, но и как более безопасный.

На стр. 24 читаем: «В 1564 г., при Иване Грозном, крепостники в союзе с ку-

печеством совершили государственный переворот, известный под названием «опричина». Следовало бы кратко объяснить классовое значение опричины и существо происшедших событий, поскольку книга имеет в виду широкий круг читателей, не всегда обладающих достаточным историческим образованием.

На этой же странице сказано: «Восставшие (в 1606 г.) захватили Кремль. Во время восстания был убит сын царя Бориса — Федор», в то время как Федор тогда был уже царем.

Автор совсем запутывается при характеристике московских слобод (стр. 25 и 26). Например он указывает, что в Мясницкой слободе, где жили мясники, были выгоны для скота, что в Кузнечной слободе были расположены кузницы, и т. д. Конечно, ни в городе, ни в слободе никаких выгонов не было, в крайнем случае были загоны для убойного скота; никаких кузниц на теперешнем Кузнечном мосту не было, а кузнецы, заселявшие слободу, работали на казенном Пушечном дворе, находившемся между Неглинной и Рождественкой, отсюда и название улицы — Пушечная.

Дальше Ашукин утверждает, что прозвище «Белый город» Москва получила от белокаменной стены, которая окружала ее по линии теперешних бульваров.

Между тем стена была кирпичная, и название «Белого города» местность получила от селившихся там белолицев, т. е. лиц, освобожденных от пошлин и налогов. Так же неправильно объясняет он и название улиц: «от Чертольской (теперь Кропоткинской) улицы до самой Тверской тянулись ремесленные слободы, память о которых сохранилась и теперь в названиях улиц и переулков: Поварская, Столовый, Ножевой, Скатертный». На самом же деле в этих районах селилась царская, дворцовая челядь и слободы эти были фактически служилыми, а никак не ремесленными.

Характеризуя население Москвы, автор ничего не сказал о стрельцах, которым земли отводились преимущественно за Москвой-рекой в целях большей защиты города с юга.

Описывая конец XVIII и начало XIX в., Н. С. Ашукин неправильно утверждает, что членами Английского клуба были исключительно дворяне и видные сановники, между тем как первыми старшинами начавшего снова действовать в 1802 г. клуба были Виллиам, Галлидей и Антон Монсендейк — коммерсанты, представители крупной буржуазии (конечно, нерусской).

Оставив в стороне многие, более мелкие замечания по статье Н. С. Ашукина, перейдем к разбору следующей статьи — «Москва до XIX века» Алексея Толстого. Ряд критических замечаний вызывает

и эта статья. Для рядового читателя, на которого рассчитана книга, ряд мест изложен совершенно непонятно.

Так например на стр. 42 статьи А. Толстого сказано:

«Москва становится центром борьбы с дряхлой экономически и губительной политически феодальной системой Земли. Во второй половине XVI века борьба вырастает до размеров появления нового класса служилых людей (помещиков). Эта опричнина Грозного — новая военно-экономическая организация. Происходит глубокий передел Земли».

Не проще ли было бы сказать о борьбе двух групп: мелких и средних землевладельцев (дворян-помещиков, из которых была затем организована опричнина) и крупных феодалов-вотчинников (тоже помещиков) — и подчеркнуть, что крестьянство страдало и от тех и от других, ибо обе группы, боровшиеся за землю, принимали все меры к наибольшему закреплению крестьянства.

На стр. 45 Алексей Толстой, ссылаясь на опубликованные в 1926 г. мемуары современника Грозного — Генриха Штадена, рассказывает как о чем-то новом о «некоторых ранее неизвестных подробностях», например о львах и слонах, содержащихся у Никольских ворот Кремля.

Между тем эти подробности давно уже известны, а Воскресенские ворота даже назывались одно время «львиными».

Обильно цитируя Штадена, писатель дает свои пояснения, которые зачастую не соответствуют истине. Например, приводя фразу Штадена о том, что Грозный приказал поставить Опричный двор на Неглинной, против Троицких ворот, автор поясняет: «...там, где строится библиотека имени Ленина» (стр. 46). Это неверно, так как при постройке метро было точно установлено, что Опричный двор занимал квартал между Моховой, ул. Коминтерна, ул. Грановского и ул. Герцена. Неверно сделана также выписка из Штадена, что «весь правый берег Неглинной был отведен на расстояние выстрела из ружья под опричнину».

Под опричнику действительно было отведено все Занеглименье, весь правый берег Неглинной, а на расстоянии выстрела из ружья от Троицких ворот находился Опричный двор.

Очень картинно описывая громадное количество нищих в Москве, писатель, однако, не дает объяснения этому явлению (стр. 48).

Совершенно непонятным является утверждение, что «дом В. В. Голкицина (там, где сейчас огромная постройка СТО, в Охотном ряду) был снаружи обшит медными листами...» (стр. 49).

Медной была, конечно, только крыша. Кому могла придти в голову совершенно нелепая мысль обшить медью стены?

Внешний вид здания, продержавшегося до последнего времени, с его кирпичны-

ми украшениями опровергает утверждения о медных стенах.

На той же странице допущен ряд мелких ошибок: кремлевские терема были реставрированы не при Александре III, а на 50 лет раньше, при Николае I, в 1849 г., и не Рихтером, а Солнцевым. В числе мебели XVII в. никаких табуреток не было, как не было и кроватей с горами перин и подушек, как не было каких-то чемоданов, где хранилось платье.

А. Толстой очень смело оперирует цифрами: на стр. 50, говоря о суконной фабрике Щеголина, он пишет о том, что она имела 130 станков и 730 рабочих, причем не указывает, когда, в каком году это было. На самом же деле в год приема Суконного двора (а не фабрики) — 1720-й — у Щеголина было 712 рабочих и 107 станков, а в 1742 г. у того же Щеголина было 1625 рабочих на 240 станках¹.

«Фабрики, — читаем мы дальше (стр. 50 — 51), — ставились на Москве-реке и на Яузе, так как работали они от водяных колес (первая Суконная фабрика — еще допетровская — стояла на берегу у Москворецкого моста, близ южной кремлевской башни)».

Если водяные колеса без плотин можно было ставить на Неглинке и Яузе, то на Москве-реке их ставить было нельзя. Очень жаль, что автор не указал точное место первой Суконной фабрики у Москворецкого моста, близ южной башни Кремля, т. е. Беклемишевской.

На стр. 54, заканчивающей статью А. Толстого, как-то особенно чувствуется, что он без особой охоты и без достаточной подготовки написал эти строки. Страница начинается так:

«На месте сгоревшего дотла во время пожара в 1812 году первого здания университета, построенного замечательным русским зодчим — самородком Казаковым, ставится новое великолепное здание университета архитектором Жиллярди. Его же работа — здание Английского клуба на Тверской».

Старое здание университета (Моховая, 11), пострадавшее, но не дотла сгоревшее, «только переделано в 1817 году Жиллярди, который полностью сохранил казакское здание в новой обработке»².

Автор постройки основного здания бывшего Английского клуба XVIII в. до сих пор не выяснен. Боковые флигеля, крылья, портик и выступ основного дома были пристроены после 1812 г. и, по-видимому, принадлежат архитекторам Менеласу и Афанасию Григорьеву.

Говоря дальше о Кузнецком мосте, А. Толстой пишет, что на нем «открываются немецкие лавочки с парфюмерией и нарядами».

Почему немецкие? Не немецкие, а французские. На следующей же, 55-й

¹ «Московский суконный двор», стр. 228, 237. Изд. Академии наук.

² В. В. Згура «Монументальные памятники Москвы». М. 1926.

стр., в статье Л. Славина, приводится современное стихотворение:

«Кузнецкий мост давно без кузниц,
Парижа пестрый уголок...»

Толстой поставил перед собой задачу — на десятке страниц обозреть всю многовековую историю Москвы, от ее основания до XIX в., да еще на последней странице прихватил и XIX—XX вв., вплоть до 7 ноября 1917 года.

В результате получилась довольно бессистемная работа. Трудно определить, о чем, собственно, хотел сказать автор: о внешнем ли облике города Москвы в разные эпохи, о домашнем ли быте москвичей, об общественных ли нравах, об отдельных ли эпизодах вроде казни Пугачева? Горки с золотой посудой и чемоданы в боярских палатах, пьяные холпы, вшивый ряд, площадные женки, тревога за целостность Поганкиных палат во Пскове, лесной рынок (где?), продажа колоколен, пожары, нищие, менялы, и т. д., и т. д. — все перемешано, нет определенной, руководящей идеи. Не очерчена внешняя история города, не прослежена история общественных классов и групп, не отражены ни социальная борьба, ни политические схватки.

Даже с внешней стороны очерк никак не оформлен, не разделен на главы или разделы.

К терминам, цифрам и определениям А. Толстой относится довольно беззаботно. Что это, например, за «гости гостиной сотни» и «гости суконной сотни» (стр. 50)? На каких московских предприятиях XVIII в. пытались ставить «паровые двигатели» (стр. 51)? Неужели в XVIII в. Тульский оружейный завод находился в Москве? Разве Ярославские мануфактуры Затрапезного работали не в Ярославле?

На стр. 50 автор утверждает, что шелковая мануфактура компании Шафирова владела капиталом в миллион тогдашних рублей (равняется 15—20 миллионам теперешних). На самом деле тремя учредителями мануфактуры: Апраксиным, Толстым и Шафировым — вместе с деньгами купцов, привлеченных впоследствии в компанию, было всего затрачено 31 338 рублей¹.

«Каждый век по несколько раз Москва выгорала дотла», — сообщает автор на стр. 47. Так-таки дотла? Москва горела часто и сильно, но не выгорала целиком. А. Толстой обозревает прошлое Москвы за шесть веков (XII—XIX). Москва, стало быть, по А. Толстому, выгорала дотла по крайней мере раз двадцать.

К каждой странице очерка можно было бы добавить еще десятки мелких замечаний в связи с ошибками, допущенными незнанием топографии и быта Москвы и являющимися результатом некритического оперирования сведениями из третьих рук.

Переходим к следующей статье, о ко-

торой было только что упомянуто и которая называется «Родословная улиц» (Л. Славин).

В основу своей статьи Л. Славин взял труд А. Н. Петунникова «Пути сообщения в г. Москве» (М. 1915), повторяя ошибки, допущенные Петунниковым, который в свою очередь, отнесясь доверчиво к труду А. Мартынова «Названия московских улиц и переулков» (М. 1881), повторил ошибки последнего.

Л. Славин изумляется, что в центре столицы, за который он принимает Козихинские переулки, паслись коровы. Но он забывает, что здесь были Козье болото, Три пруда и Быковский переулок, а рядом было всполье — Вспольный переулок — целая животноводческая патриаршая ферма, что несколько не удивительно в месте, далеко от центра тогдашней Москвы, и что здесь щипали травку не только коровки, но и бычки и козочки...

Название «Трубниковский переулок» Л. Славин вслед за Мартыновым — Петунниковым произвел от придворных трубников-печников, а не от трубников-почтальонов, как это было на самом деле.

Об Арбате Славин пишет:

«Что только ни делали в Москве! На Арбате, происходящем от татарского слова «арба», была слобода колымажных мастеров».

Оказывается, мастеровые (не мастера) появились в Москве не в XIX в., а гораздо раньше. Кроме того пусть в этом районе делали колымаги, но при чем тут арба?

Известный востоковед В. К. Трутовский еще с лишком двадцать лет назад, произведя целое научное исследование — «Происхождение названия «Арбат», доказал, что оно происходит от арабского слова «рабад», во множестве — «арбад», что обозначает «пригород»². Кстати, там же Трутовский разъясняет ошибочность предположений Строева о колымагах, тем более, что в древности слово «колымажный» обозначало место стана, становища, лагеря.

Не лубяные шалаши, в которых шла торговля, определили название улиц Лубянок и всей местности, как повторяет Славин вслед за Петунниковым и Мартыновым, а урочище Лубянка, появившееся здесь одновременно с переселением в этот район Москвы в начале XV в. 7000 «житых людей» из Новгорода и Пскова, где у них была своя Лубяница — Лубянка³.

Самой родословной улиц и переулков, т. е. происхождения их, характера их в связи с кольцевой застройкой Москвы, исчезновения многих переулков, прокладки новых проездов, Славин не касается.

В его статье ничего не сказано о ха-

² «Старая Москва». Вып. 1-й, стр. 34—41. М. 1912.

³ «По Москве», стр. 229. Изд. Сабашниковых. М. 1917.

¹ Туган-Барановский «Русская фабрика», стр. 15. 3-й год издания.

рактнейшей особенности Москвы — «внутренних» и «внешних» проездах, родословной которых нельзя понять, если не знать истории укрепления древней Москвы. Нет ничего и о московских «туниках».

Зато говорится о том, что не относится ни к происхождению самих улиц, ни к их названиям. К чему, например, излагать разные домыслы о названии Китай-города (стр. 56)? Это вовсе не улица и не переулок. Какое отношение к теме Славина имеют 12 печур, устроенных какими-то монашками (стр. 63), тем более, что об этих печурах уже поведал раньше Толстой на стр. 53?

Автор и сам, видимо, учтя многочисленность своих отступлений, восклицает по собственному адресу: «Но довольно о фискалах, о царях, о франтах, кокетках, о старых генеральшах, о жирных откупщиках!» (стр. 62). Однако, увы, и после этого он продолжает рассказывать о сорока тысячах лавок в Китай-городе, о первобытных плавильных печах в Гнездняках, о московских арбах, украинцах на Хохловке, фабрике Тамеса XVII в., шведской слободе, бочарах за Москвой-рекой и т. д. и т. п.

Тема о происхождении уличных названий — очень маленькая, детальная, но и с этой темой можно справиться только в том случае, если имеются точные исторические сведения.

Следующая статья — «Под великий звон» — принадлежит Пантелеймону Романову и не вызывает особых поправок, хотя об истории Москвы в статье сказано мало.

В статью И. Потемкина «Путь к Октябрю» хотелось бы внести одну поправку: все, что он относит к декабрьской стачке 1905 г. (стр. 123), надо отнести к октябрьской. На стр. 124 упоминается какой-то Лазаревский пехотный полк. Такого вообще не было. Из Варшавского военного округа был прислан Ладужский полк.

Теперь несколько замечаний о статье писателя Георгия Шторма «Красная площадь».

Г. Шторм повторяет ошибку Н. Ашукина, утверждая, что торговля происходила на самом Спасском мосту через ров на Красной площади. Ашукин говорит, что на мосту лепились лавки и ларьки. Шторм пишет, что мост был застроен небольшими торговыми лавками¹, в то время как торговля производилась не на самом крепостном подъемном мосту, а возле него.

Описывая подробно крестец у моста, Шторм пропустил такую интересную подробность, как «Библиотеку» у самого моста: попытку Петра I создать в Москве клубную жизнь и приохотить к чтению (стр. 148).

Нет никаких серьезных оснований, что-

¹ На стр. 190 «По Москве» тоже говорится о торговых лавках, как будто бывают лавки, в которых не торгуют!

бы утверждать, что Степана Разина казнили на Красной площади (стр. 150), а не на Болоте.

На той же странице сказано, что в 1618 г. на Красной площади существовала больница. Факт очень интересный, так чья до этого о больнице ничего не было известно, но не указан источник, из которого автор почерпнул эти сведения.

Рассказывая, что у Воскресенских ворот был выставлен напоказ скованный Пугачев, автор опять-таки не дает источника этого интересного сообщения.

Несмотря на эти замечания мы считаем необходимым отметить, что статья Г. П. Шторма является лучшей из статей писателей, участвовавших в составлении сборника.

Статья писательницы Анны Караваевой «Пропавшая улица», по нашему мнению, неудачна и начинается с ошибки: «На старинных планах XVI и XVII веков Сигизмунда, Килиана, Олеария на месте Охотного ряда виден невысокий берег скромной речки Неглинной, покрытый пышной зеленью» (стр. 157).

Из планов, вернее, чертежей, XVI в. известен только один — Герберштейна, а плана XVII века Сигизмунда не было; был так называемый сигизмундовский план, то есть план, составленный для польского короля Сигизмунда, гравированный аугсбургским гравером Лукою Килианом в 1610 г.; отдельно планов Сигизмунда и Килиана не было. Из этих чертежей положительно не видно, чтобы берег Неглинки был невысокий, не видно также и того, чтобы этот берег был покрыт пышной зеленью. Нет ничего такого и на чертеже Олеария.

Лиха беда — начало. И дальше у Анны Караваевой — ряд выдумок и фантазий.

Оказывается, что Петровка, завернув к Охотному ряду, «выходила к пышным береговым кустам». «Между Тверской и Б. Дмитровкой шумели сады с березами, липами, ягодными кустами, с раскидистыми яблонями старинных русских сортов: аниса, хорошовки, мелкой, с робким румянцем грушовки, московской и теменького бабушкиного яблочка» (стр. 157).

Между тем на сигизмундовских, килиановских и олеариевых чертежах как нарочно не изображено ни одного кустика, ни одного деревца в указанных местах, а немного дальше, между ул. Коминтерна и Москвой-рекой, прекрасно и отчетливо изображен самый настоящий сад.

Фантастичным является и одно из следующих сообщений: «На лодках по реке Неглинке спускались к Белому городу рыбаки и охотники со свежей «живностью».

Надо сказать, что Неглинка берет начало в теперешней Марьиной роще, и вряд ли до Белого города, т. е. до теперешней Самотеки, можно было проехать на лодках, да и рыбацкая добыча едва ли могла там быть обильной.

На стр. 158 Анна Караваева пишет, что после пожара в 1812 г. Москва начала снова строиться и «Эдуарду Бове, лучше-

му столичному архитектору, поручено было обратить Москву в красивый город. Он обломал Петровку... вывел к им же построенному Малому театру...»

Зачем было переименовывать Осипа Ивановича Бове в Эдуарда и приписывать ему постройку Малого театра,—совершенно непонятно. Под Малый театр, возникший лишь в 1825 г., когда Москва отстраивалась после пожара, был занят дом Князя Сибирского, выстроенный еще в XVIII веке.

Л. М. Леонов в статье «Паденье Зарядья» не дал почти ничего нового по сравнению со своим романом «Барсуки».

Между тем Зарядье — замечательная окраина торговой части Китай-города. Это задворки Китай-города, имевшие свои функции, свое население, задворки, своеобразные по своей архитектуре и быту. Неужели писатель не нашел ничего более характерного для изображения Зарядья чем толстого городского Басова, прожорливого дьякона и «мясистых» проституток?

Представляя собой в XVIII и XIX вв. группу заброшенных и грязных кварталов, Зарядье раньше, в XVI—XVII вв., играло иную роль. Но этого стдаленного прошлого Леонов вовсе не касается.

Л. Никулин в статье «Четверть века в Москве» приписывает обелиск Свободы на Советской площади скульптору Н. А. Андрееву (автору замечательного памятника Гоголю), тогда как Андрееву принадлежит только фигура Свободы, а автором обелиска и цоколя является архитектор Д. П. Осипов.

Е. Габрилович в статье «Нет Сухаревки», на стр. 206, приводит стихотворение:

«Башня тиха. Годы безмолвья,
Годы безвестности...»

Так характеризуется башня до 1918—1920 годов. По Габриловичу, башня становится известной с того времени, когда на рынок, раскинувшийся вокруг нее, начинают попадать вещи «разбитого класса».

В действительности же башня никогда не была тиха и безвестна. В течение многих десятилетий, когда башня стояла в ремонтных лесах, в ней находились архивы и склады, в ней жили люди. Вокруг же башни шел оживленный торг уже больше ста лет до революции.

Неправильно также утверждение Е. Габриловича, что Мещанские улицы Дзержинского района Москвы: 1, 2, 3 и 4-я — переименованы в Гражданские. В Гражданские в 1924 г. были переименованы Мещанские улицы бывшего села Богородского, Сокольнического района.

Очень выгодно в сравнении со многими другими статьями выделяется статья рабочего завода «Компрессор» М. Абрамова «Окраина, ставшая центром». Единственная недоговоренность допущена Абрамовым на стр. 221, где он пишет:

«По шоссе, по знаменитому Владимирскому тракту, в годы реакции на Владимирский пересыльный пункт, в Сибирь,

в далекую ссылку, на каторгу, самодержавие гнало ссыльных политических заключенных».

В какие годы реакции? Движение политических заключенных по Владимирке имело место и при усилении и при ослаблении реакции и продолжалось до 60-х годов XIX века. Оно прекратилось, когда была проведена Нижегородская, ныне Горьковская железная дорога, когда всех, и политических и уголовных, начали «гнать» в Сибирь уже по «чугунке».

Удачна заметка рабочего-строителя Гана Клемма «С крыши дома СТО».

Небольшую заметку писателя Федора Гладкова «Люблю Москву» хотелось бы поправить на стр. 224.

Он пишет:

«Охотный ряд, где когда-то мелкие лавочки торговали мясом, птицей и молочными продуктами (знаменитые охотняцкие молодцы), остался только в дряхлой памяти старожилов».

Торговцев Охотного ряда нельзя называть мелкими лавочниками. В Охотном ряду торговали крупнейшие торговцы, вроде Трофимовых, Громова, Смирнова, Байкова, Шафоростовых, Егорова и многих других. А «молодцами», в большинстве составлявшими черносотенную армию погромщиков, были, конечно, не хозяева—вдохновители и руководители, а их приказчики и продавцы.

В заключение нельзя не отметить действительно захватывающего интереса последнего раздела книги — «Москва будущего», где архитекторы, строители и инженеры дают грандиозную картину переустройства столицы мирового пролетариата.

Теперь об иллюстрациях. Количественно их достаточно—около 450. Портреты, помещенные в книге, вполне удовлетворительны, в особенности портреты вождей.

Гравюры и рисунки не радуют. Наравне с такими мастерами, как А. И. Кравченко, для выразительной гравюры которого «Мавзолей Ленина» отведено лишь полстранички (152), помещены две гравюры Евг. Бургункера, занимающие по целой странице: «Старая Москва» (левая сторона Охотного ряда) — на стр. 19 и без подписи (заседание в Доме союзов) — на стр. 557, которые и плоски, и невыразительны, и, главное, неверны. Те же сюжеты на фото куда лучше (см. стр. 40-б и 569).

Две гравюры Н. А. Шевердяева, каждая в страницу: «Новый Охотный ряд» (стр. 135) и без названия (Красная площадь, стр. 295) — так грубы и грязны, что их скорее можно считать гравюрами на линолеуме чем гравюрами на дереве.

Единственная гравюра П. Рябова без названия (стр. 589), долженствующая изображать проект Дворца советов, сильно проигрывает, если сравнить ее с фотографией того же проекта на стр. 643.

Рисунки П. Васильева, довольно тонкие по манере и вполне пригодные для иллюстраций,

люстрации газетных заметок, по своей незначительности не подходят к большой и серьезной книге.

Еще менее удачны мизерные и неинтересные по манере два рисунка Д. Рубинштейна.

Очень хороша большая часть фото (всего их 22), и если бы 20 самых больших из них не были окрашены в неестественные цвета: голубые, синие, красные, зеленые, — можно было бы поставить их в пример того, как надо иллюстрировать книгу.

Нехорошо также и то, что большей частью не названы авторы новых построек.

Большим недостатком являются неверные подписи под иллюстрациями.

Приведем несколько наиболее заметных ошибок.

На стр. 27 изображена южная часть Красной площади с акварели Гильфердинга 1787 г., а подпись дана такая: «Спасские ворота. Конец XVIII в., акварель Мартынова».

Художник Н. Мартынов, копировавший Гильфердинга, работал во второй половине XIX века.

На стр. 30 помещен вид Москворецкой набережной с гравюры Делабарта 1799 г., под которой в подлиннике сделана такая подпись:

«Вид Кремлевского строения и его окружностей в Москве». В книге подписано: «Кремлевская набережная. Старинная гравюра».

На стр. 57 помещен снимок с прекраснейшего лубка 50-х годов XIX в. со стихами «Железная дорога». Подпись сделана такая: «Первый вокзал на месте, где теперь Комсомольская площадь. Старинный лубок», тогда как надо было просто написать, что это — изображение Октябрьского вокзала на Комсомольской площади.

На стр. 89 помещена репродукция с офорта Ф. Компорези, изобразившего одну из застав, построенных в 1783 г., под которой дана подпись:

«Тверская застава в 1886 году». Компорези умер в 1831 г., и один из организаторов материала книги, вероятно, воспользовался фототипией с этого офорта в издании Найденова, где сделана подпись: «1886 г. Тверская застава».

На стр. 172 дана фотография одного из переулков Зарядья, помещенная в тексте статьи Л. Лезноза «Падение Зарядья», а в подписи почему-то сказано: «Старое Замоскворечье».

На стр. 343 помещена прекрасная фотография Амурского, изображающая Музей народов СССР (бывшая Ноевская, или Мамонтова, дача), подписано же под ней «Академия наук», которая в действительности помещается в бывшем Нескучном дворце.

На стр. 353 помещена фотография с Университетской библиотеки, а подписано: «Университет им. Покровского». В действительности университет им. Покровского помещается по соседству, в

здании так называемого Нового университета.

Крайне беспорядочно и самое распределение иллюстративного материала, зачастую не согласованное с текстом. Например виды Красной площади конца XVIII в. даны при описаниях Москвы XVI—XVII вв. (стр. 23 и 27); литография «Толкучий рынок 1855 г.» (не Милье, а Лилье) дана при описании 1730-х годов (стр. 23); «Возвращение беглых крепостных» XIX в. — при описании Москвы XVI в. (стр. 43); «На Моховой в конце XVIII в.» — при тексте о Грозном (стр. 45) и т. п.

Рисунок «Старая Сухаревка» (стр. 61) был бы уместен в статье о Сухаревке (на стр. 206); вид Красной площади с сигнализирующим милиционером (стр. 153) совсем неуместен при описании Октябрьских боев, а вид Китайского проезда (стр. 164) не имеет никакого отношения к тексту об Охотном ряде; то же с изображением Ленинградского шоссе (стр. 178), помещенным в статье о Зарядье; вид Казанского вокзала (стр. 286) попал в статью о Северном вокзале, и т. д. и т. п.

Два слова о переплете книги, сделанном художником Гольштейном. Приходится признать переплет неудачным: он и незырателен и скучен несмотря на свою рельефность. Может быть, неудачен выбор цвета материи. Супер-обложка и титул художников Мельникова и Жукова значительно лучше.

Нам кажется, что основным недостатком книги является то, что ее редактировало 18 редакторов да еще главный редактор.

В результате ряд авторов, особенно Ашуркин, Толстой, Шторм, повторяет одно и то же — иногда буквально, а иногда и по-разному, — копируя одни и те же источники. Например повторяются данные о местоположении Москвы (на стр. 21 и 41), о перестройке Кремля (стр. 23 и 147), о бунтах 1648 и 1662 гг. (стр. 25 и 149), о мостовых (стр. 27 и 57), о бульварах (стр. 30 и 61), цитаты из Берлинского (стр. 33 и 57), об Ишутине (стр. 36 и 114), о монахинях Моисеевского монастыря (стр. 53 и 63), о вербном базаре (стр. 54, 70 и 151) и многие другие.

К этим замечаниям о редакторах надо прибавить пожелания для писателей.

Горячо приветствуя стягивание писательского актива в работу по истории Москвы, необходимо отметить, что писателям надо выступать более подготовленными к этой сложной научной теме.

В заключение хочется сказать, что наилучшим отделом книги является второй — «Социалистическая Москва», где непосредственными участниками описано героическое, полное жизни и смысла, богатое изумительными фактами социалистической стройки настоящего мирового города. При переиздании книги необходимо исправить все эти недочеты и хорошую книгу сделать еще лучше.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ 1905 ГОДА

ОКТАБРЬ

1 (18 сентября). В Эривани вновь начались столкновения между армянами и татарами.

В Варшаве брошена бомба в памятник подавления восстания 1830 года.

2 (19 сентября). В Москве началась забастовка типографских рабочих.

Столкновение рабочих с казаками в Иваново-Вознесенске.

Уличные «беспорядки» в Симферополе.

3 (20 сентября). В Петербурге открылся всероссийский съезд делегатов железных дорог, созванный правительством для пересмотра положения о пенсионных кассах.

В Баку военным судом приговорен к смертной казни М. Гурджидзе за убийство околоточного надзирателя кн. Микеладзе.

4 (21 сентября). В Варшаве военным судом приговорен к смертной казни И. Орыма за убийство казака Лукова (в Седлецкой губернии).

6 (23 сентября). В Москве забастовка охватила все типографии; уличные митинги и манифестации в Москве, столкновения с полицией и казаками.

7 (24 сентября). Забастовка в Москве распространяется на другие отрасли производства; уличные митинги; столкновения с казаками.

8 (25 сентября). В Москве организован «Совет депутатов от типографий»; уличные митинги и манифестации; обстрел казаками общежития булочников Филиппова; арест и избиение забастовавших булочников.

В Тифлисе в разных местах брошены бомбы в казачьи казармы и в дома, занятые казаками.

9 (26 сентября). Демонстрации в Москве; обстрел демонстрантов казаками.

Вооруженное нападение на казаков близ Сухума.

10 (27 сентября). Забастовка в Москве становится всеобщей.

В № 20 «Пролетария» напечатана статья Ленина «Социализм и крестьянство».

11 (28 сентября). Демонстрация в Москве; столкновения с полицией и казаками.

Ряд манифестаций протеста против Булыгинской думы в Вильне; столкновения с полицией и казаками.

15 (2). Забастовка портовых рабочих в Петербурге.

Рабочий митинг в синагоге в Витебске.

16 (3). В Петербурге началась забастовка типографских рабочих из солидарности с московскими типографщиками.

Политическая забастовка и манифестация в Ставрополе Кавказском; обстрел манифестантов войсками.

17 (4). Началась забастовка на ряде крупных заводов и фабрик Петербурга; столкновения рабочих с казаками и конной стражей.

18 (5). Центральное бюро железнодорожного союза постановило начать с 20 (7) октября железнодорожную забастовку.

Рабочий митинг в синагоге в Минске; избиение рабочих казаками.

Опубликован манифест о мире с Японией.

19 (6). В Москве началась забастовка на Московско-Казанской железной дороге.

Ряд манифестаций протеста против избиения 18 (5) октября в Минске; столкновения с полицией.

20 (7). В Москве забастовали почти все рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги.

Началась забастовка на Нижегородско-Ромодановской железнодорожной ветке.

21 (8). В Москве железнодорожная забастовка распространилась на Московско-Курскую, Московско-Нижегородскую, Московско-Киево-Воронежскую и Рязано-Уральскую железные дороги.

Началась забастовка на Либаво-Роменской, Привислинских и Полесских железных дорогах.

Ряд митингов в Петербурге. Избиение полицией рабочих Обуховского завода в Петербурге.

22 (9). В Москве железнодорожная забастовка распространилась на Московско-Брестскую и Московско-Ярославскую железные дороги.

Началась железнодорожная забастовка в Курске, Балашове, Козлове, Вильне.

Всероссийский съезд представителей железных дорог в Петербурге выработал требования.

Митинги в Петербурге, Смоленске, Киеве, Одессе.

23 (10). В Москве железнодорожная забастовка распространилась на Николаевскую и Московско-Виндаво-Рыбинскую железные дороги.

Началась железнодорожная забастовка в Саратове, Симбирске, Харькове, Екатеринославе, Калуге.

Всеобщая забастовка в Харькове; ми-

тинги и демонстрации, захват оружейного магазина, постройка баррикад, столкновения с казаками и драгунами.

24 (11). Началась железнодорожная забастовка в Полтаве и Гомеле.

Митинги железнодорожников в Москве и Петербурге.

Огромный митинг в Харьковском университете; осада университета войсками; столкновения на улицах.

Всеобщая забастовка в Екатеринославе; баррикады, столкновения с войсками.

25 (12). В Петербурге началась забастовка на Варшавско-Венской, Балтийской и Николаевской железных дорогах. Всероссийский съезд железнодорожников объявил всеобщую железнодорожную забастовку. На собрании представителей 40 бастующих предприятий в Технологическом институте принято постановление об организации совета рабочих депутатов.

Собрание делегатов московских профсоюзов постановило примкнуть к железнодорожной забастовке.

Столкновения с войсками в Харькове и Екатеринославе; сдача войскам Харьковского университета.

26 (13). В Петербурге забастовали рабочие почти всех фабрик и заводов, фармацевты, приказчики и служащие ряда учреждений. В ночь на 27-е (14) состоялось первое заседание Петербургского совета, постановившего выпустить воззвание ко всему петербургскому пролетариату с призывом ко всеобщей забастовке.

Начало железнодорожной забастовки в Одессе, Златоусте, Ревеле, Лодзи, Пабаницах, на Ирчиговской, Царскосельской, Сибирской, Забайкальской, Приморской, Риги-Орловской, Оренбургско-Ташкентской, Среднеазиатской и других железных дорогах.

Забастовка рабочих городских предприятий в Москве; митинги в Москве; ряд столкновений с войсками.

Митинги в Петербурге, Харькове, Саратове, Самаре.

Демонстрация в Екатеринославе на похоронах убитых 25 (12) октября.

Демонстрация учащихся в Одессе; избивание демонстрантов полицией.

Харьков и Харьковский уезд объявлены на военном положении.

27 (14). В Петербурге забастовала электрическая станция. Ряд митингов в Петербурге, Москве, Одессе.

Всеобщая забастовка в Саратове, Варшаве и Ревеле. В Ревеле забастовавшими рабочими захвачены оружейные магазины. Столкновения с войсками в Ревеле и Саратове.

Демонстрация в Харькове на похоронах убитых.

Демонстрация в Севастополе.

Опубликовано постановление особого совещания министров о недопущении публичных собраний в высших учебных заведениях.

Опубликован приказ Трепова при усмирении «беспорядков» «холостых залпов не давать, патронов не жалеть».

28 (15). Митинги и столкновения с войсками в Москве; осада Московского университета войсками.

Начало всеобщей забастовки в Одессе и Вильне. Столкновение с войсками в Вильне, Одессе и Ревеле.

Митинги и демонстрации в Ташкенте. Начало восстания в Гурии.

Ряд избиваний студентов и рабочих казаками, драгунами и черносотенцами в Москве.

Избиение учащихся полицией в Новороссийске.

29 (16). Делегация Петербургского совета предъявила городской думе ряд требований. Волнения во флотских экипажах в Петербурге. Высшие учебные заведения Петербурга оцеплены войсками.

Началась забастовка на Финляндской и Савеловской железных дорогах.

Всеобщая забастовка в Риге; столкновения с войсками.

Столкновения с войсками в Вильне.

Баррикадные бои в Одессе.

Уличный митинг в Нижнем Тагиле.

Покушение на виленского губернатора гр. Палена.

Московский университет сдался войскам.

30 (17). Опубликован манифест о политических свободах, о законодательных правах Государственной думы и о расширении избирательного права. Николаем II одобрен доклад Витте, намечающий «либеральный» курс политики.

Петербургский совет постановил продолжать забастовку. Забастовочный комитет железнодорожных служащих и рабочих Петербурга постановил продолжать забастовку. Объединенное заседание ЦБ союза союзов с центральными и петербургскими бюро интеллигентских союзов постановило продолжать забастовку.

Вышел № 1 «Известий» Петербургского совета.

Грандиозные манифестации в Петербурге по поводу опубликования манифеста.

Всеобщая стачка и грандиозная демонстрация в Тифлисе.

Всеобщая забастовка в Юрьеве.

Демонстрации и столкновения с войсками в Риге, Казани, Мариуполе.

Демонстрация в Вильне на похоронах убитых 29 (16) октября.

Начало железнодорожной забастовки в Финляндии.

Избиение населения полицией и казаками в Казани.

Разгром и сожжение черной сотней здания губернской земской управы в Твери.

31 (18). Московский стачечный комитет постановил прекратить забастовку.

Огромные митинги и демонстрации в

Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, Ташкенте, Киеве, Полтаве, Кишиневе, Одессе, Варшаве, Сосновицах, Петрокове, Пабианицах, Кременчуге, Ростове на Дону, Ярославле, Твери, Пензе, Архангельске, Тифлисе, Екатеринославе, Орле, Нижнем Тагиле.

Столкновения с войсками в Лодзи.

Столкновения с черной сотней в Москве и Ростове на Дону.

Освобождение политических под давлением толпы в Москве, Нижнем Новгороде, Минске, Симферополе, Ревеле, Одессе, Орше, Новозыбкове.

Разгром полицейского управления и освобождение политических в Золотоноше.

Всеобщая забастовка в Гельсингфорсе; ряд митингов, требование отставки генерал-губернатора и сената.

Начались черносотенные погромы в Одессе, Кизеве, Ростове на Дону, Елизаветграде, Орле, Херсоне, Геническе, Курске, Владимире, Ярославле, Архангельске.

Избиения и расстрелы населения полицией и войсками в Петербурге, Казани, Киеве, Полоцке, Минске, Твери, Пензе, Орле, Кишиневе, Кременчуге, Севастополе, Белостоке.

В Москве убит черносотенцем освобожденный из тюрьмы большевик Н. Э. Бауман.

НОЯБРЬ

1 (19 октября). Петербургский совет принял постановления о прекращении забастовки 3 ноября (21 октября) и об осуществлении революционным путем свободы печати.

Митинги и демонстрации в Казани; организация народной милиции; освобождение политических заключенных.

Митинги и манифестации в Нижнем Новгороде, Сормове, Туле, Тифлисе.

Грандиозный митинг в Севастополе на Приморском бульваре.

Уличный митинг в Киеве, расстрелянный войсками. Уличные митинги в Риге, Новороссийске, Саратове, Костроме.

Манифестация в Киеве, Баку, Ярославле, Колпине, Пензе, Великих Луках, Вязьме, Челябинске; в Пензе и Колпине манифестанты избиты казаками и солдатами.

Столкновение рабочих с войсками в Лодзи.

Бой в Насакеральском ущелье, в Гурии.

В Финляндии организуется рабочая «Красная гвардия».

В Таммерфорсе на грандиозном митинге принят «Красный манифест», призывающий финляндский народ избрать временное правительство.

Захват рабочими полицейского управления в Гельсингфорсе.

Все высшие учебные заведения Петербурга закрыты на неопределенное время. Ряд избиений населения полицией и солдатами в Петербурге.

Избиение рабочих черной сотней в Екатеринбургe.

Расстрелы толпы казаками в Ташкенте и Баку.

Начались черносотенные погромы в Кишиневе, Феодосии, Саратове, Бирзуле, Великих Луках, Вязьме, Каменец-Подольске, Курске, Николаеве, Новгород-Северске, Новозыбкове, Челябинске, Нежине, Костроме.

В Феодосии черносотенцами сожжено здание городской думы.

Избиение учащихся черной сотней в Архангельске.

2 (20 октября). Грандиозная демонстрация в Москве на похоронах Н. Э. Баумана.

Гражданские похороны убитых 31 (18) октября в Севастополе; речь лейтенанта Шмидта.

Демонстрация в Казани на похоронах убитых 30 (17) октября в Казани.

Митинги и демонстрации в Сормове, Виндаве, Туле, Тифлисе.

Манифестация в Сураже.

Митинг на Институтской площади, в Саратове, расстрелянный войсками.

Стотысячный митинг в Риге.

Громадные митинги в Финляндии.

Сожжение черносотенцами при содействии войск здания Главного управления Сибирской железной дороги в Томске.

Обстрел студентов черносотенцами и казаками в Москве.

Расстрел войсками населения и самообороны во время погрома в Одессе.

В Баку начался армянский погром с участием казаков, продолжавшийся 5 дней. Начались погромы в Екатеринославе, Бахмуте, Жмеринке, Туле, Голте, Юзовке.

3 (21 октября). Прекращение всеобщей забастовки в Петербурге.

Освобождение политических заключенных по требованию толпы в Ковне.

Демонстрации в Вильне, Туле, Арзамасе, Уфе, Виннице; в Туле и Арзамасе произошли столкновения демонстрантов с черносотенцами; в Вильне и Туле демонстранты обстреляны войсками.

Осада и обстрел войсками здания городской думы в Казани, где засели революционеры.

Начались погромы в Томске, Злынке, Сураже, Клинцах, Казани, Александровске, Виннице, Белой церкви, Умани, Воронеже, Гадяче, Луганске, Могилеве Подольском, Новомосковске, Саратове, Тифлисе.

Организация тверского совета рабочих депутатов.

Опубликован указ об амнистии политическим.

4 (22 октября). Уличный митинг в Костроме; перестрелка с казаками.

Демонстрации в Новгороде, Брянске, Харбине, на Ижевском заводе; в Брянске демонстранты избиты казаками.

Народное собрание в Гельсингфорсе; избрано временное правительство.

Избиения и убийства студентов и евреев черносотенцами в Москве.

Обстрел войсками домов в Тифлисе.
Погромы в Калуге, Новгороде, Аккермане, Козельце, Кролевце, Новочеркасске.
В Иваново-Вознесенске убит черносотенцами рабочий-большевик Ф. А. Афанасьев.

Иркутск объявлен на военном положении.

Опубликован манифест о созыве чрезвычайного сейма в Финляндии.

5 (23 октября). Демонстрация в Вильне на похоронах убитых 3 ноября (21 октября).

Многочисленный митинг матросов и солдат в Кронштадте; приняты экономические и политические требования.

Погромы в Риге, Иваново-Вознесенске, Рязани, Чернигове, Стародубе, Лозовой, Павловке (Екатеринославской губернии), Калараше (Бессарабия).

6 (24 октября). Волнения среди матросов и солдат в Кронштадте.

Прекращение всеобщей забастовки в Финляндии.

Погром в Б. Устюге.

Витте назначен председателем совета министров.

7 (25 октября). Митинг и демонстрация в Кустанае.

8 (26 октября). В Кронштадте вспыхнуло восстание матросов и солдат.

В м. Байрамчи (Бессарабия) начался еврейский погром.

9 (27 октября). Кронштадт объявлен на военном положении.

В Петербурге вышел № 1 легальной большевистской газеты «Новая жизнь».

10 (28 октября). Подавление кронштадтского восстания.

Вся Польша объявлена на военном положении.

11 (29 октября). Петербургский совет принял постановление о введении явочным порядком 8-часового рабочего дня.

Армянский погром в Баку.

12 (30 октября). Во Владивостоке начались «беспорядки» среди матросов и солдат.

13 (31 октября). В Петербурге началось введение захватным путем 8-часового рабочего дня.

Собрание литовцев в Вильне приняло резолюцию с требованием автономии Литвы.

В Саратовскую, Тамбовскую и Черниговскую губернии командированы генерал-адъютанты с чрезвычайными полномочиями «в видах водворения общественно-го порядка и спокойствия».

14 (1). Петербургский совет постановил объявить с 15 (2) ноября в Петербурге всеобщую забастовку протеста против введения военного положения в Польше и предания военному суду участников кронштадтского восстания.

Столкновение рабочих с войсками на Кренгольмской мануфактуре, близ Нарвы.

15 (2). В Петербурге началась всеобщая забастовка. Петербургский совет постановил привлечь к забастовке пролетариат всей России и войсковые части. Собрание всероссийских и петербургских бюро интеллигентских союзов высказалось за присоединение к забастовке. Ряд матросских и солдатских митингов в Петербурге по поводу кронштадтских событий.

Адмиралтействсовет высказался против предания военно-полевому суду участников кронштадтского восстания.

Представители 30 сельских обществ Иорской Кахетии заявили кавказскому наместнику о намерении встать на защиту восставшей Гурии в случае попытки ее разгрома.

16 (3). В Невском районе Петербурга началась организация рабочей милиции.

В Новороссийске началась организация милиции под руководством социал-демократов и социалистов-революционеров.

Опубликован манифест об отмене выкупных платежей и расширении операций Крестьянского банка.

17 (4). Московский стачечный комитет высказался против всеобщей забастовки. В Варшаве брошена бомба в казаков.

18 (5). Петербургский совет постановил прекратить политическую забастовку 20 (7) ноября; на заседании совета выступили с приветствиями делегаты от крестьян Сумского уезда и представители солдат.

Митинг протеста против военного положения в Польше, созданный союзом союзов в Петербурге.

19 (6). В Москве открылся делегатский съезд Всероссийского крестьянского союза, продолжавшийся 5 дней.

В Петербурге открылся съезд земских и городских деятелей, продолжавшийся 4 дня.

Первое заседание киевского совета рабочих депутатов.

Демонстрация в Нарве на похоронах убитых рабочих.

Митинги матросов в Севастополе.

Избиение рабочих казаками в разных местах в Петербурге.

Расстрел толпы войсками в Ченстохове.

20 (7). Прекращение всеобщей политической забастовки в Петербурге.

20 (7) или 21 (8). Приезд Ленина в Петербург; расширенное заседание редакции газеты «Новая жизнь» с участием Ленина.

21 (8). Начались волнения на крейсере «Очаков» в Севастополе.

Первое заседание ростовского совета рабочих депутатов; постановлено объявить с 22 (9) ноября двухдневную политическую забастовку.

22 (9). В Петербурге состоялось пленарное заседание ЦК РСДРП с участием Ленина; принято обращение о созыве IV съезда партии.

Собрание представителей профсоюзов в Петербурге, посвященное вопросу об объединении профсоюзов; избрано Центральное бюро профсоюзов.

Митинг матросов и солдат в Севастополе.

Всеобщая забастовка протеста против избиения работниц казаками в Ростове на Дону, организованная советом.

23 (10). Волнения во флотских экипажах Севастополя.

Собрание железнодорожных рабочих в Харькове, разогнанное полицией.

24 (11). Начало восстания в Севастополе; многотысячный митинг матросов и портовых рабочих; матросом Петровым убит штабс-капитан Штейн и ранен контрадмирал Писаревский; освобождение арестованного Петрова по требованию матросов; избрание делегатов от экипажей; волнения среди саперов.

Начались волнения среди солдат военно-электротехнической школы в Петербурге.

25 (12). Волнения в Брестском и Белостокском полках в Севастополе; обезоружение офицеров Брестского полка; арест восставшими солдатами коменданта крепости генерала Николаева и командира дивизии генерала Седельникова; демонстрация рабочих, матросов и солдат; восстание на «Очакове», «Пантелеймоне» (б. «Потемкине») и др. военных судах; первое заседание совета матросских, рабочих и солдатских депутатов.

26 (13). На заседании Петербургского совета выступил Ленин, предложивший резолюцию о мерах борьбы с локаутом.

Многолюдный митинг в Севастополе; к восставшим присоединилась саперная рота; депутация от восставших судов к лейтенанту Шмидту с просьбой принять командование; измена Брестского полка. Севастополь объявлен на военном положении; началось стягивание в Севастополь войск из Симферополя и Одессы.

Большой солдатский митинг в Батуме.

27 (14). Лейтенант Шмидт прибыл на «Очаков» и принял командование восставшими судами. Петербургский совет послал приветственную телеграмму севастопольским матросам и солдатам.

Волнения среди солдат в Тифлисе.

Бунт в самарской военной тюрьме.

28 (15). Артиллерийский обстрел восставших судов на Севастопольском рейде; потоплены контрминоносец «Свирепый» и минный заградитель «Буг»; пожар на «Очакове»; осада и артиллерийский обстрел флотских казарм.

Петербургский совет отправил делегатов в провинцию для организации советов на местах и подготовки всероссийского съезда советов.

В Москве открылся всероссийский съезд делегатов от почтово-телеграфных организаций; постановлено объявить всеобщую почтово-телеграфную забастовку.

Начало почтово-телеграфной забастовки в Петербурге, Киеве, Новороссийске.

Всеобщая политическая забастовка в Харькове в связи с севастопольскими событиями.

Забастовка резервного батальона в Ташкенте; кровавая расправа с забастовавшими солдатами.

Волнения среди солдат в Ростове-Ярославском.

29 (16). Начало почтово-телеграфной забастовки в Вильне и Нижнем Новгороде.

Сдача флотских казарм в Севастополе. Забастовка и демонстрация Закаспийского железнодорожного батальона в Самарканде—протест против расстрела солдат в Ташкенте 28 (15) ноября.

Волнения среди солдат в Курске.

На собрании партийных работников в Петербурге Ленин делал доклад об аграрной программе партии социалистов-революционеров.

30 (17). Начало почтово-телеграфной забастовки в Казани.

Всеобщая забастовка на Среднеазиатской железной дороге—протест против расстрела солдат в Ташкенте 24 (15) ноября.

Вооруженная демонстрация солдат и рабочих в Харькове.

Волнения среди саперов и артиллеристов в Киеве; демонстрация солдат и рабочих; расстрел демонстрантов.

Волнения среди солдат в Сухуме.

В ноябре почти по всей России бурно развивается крестьянское движение.

ДЕКАБРЬ

1 (18 ноября). Политическая забастовка в Николаеве.

Волнения в Воронежском дисциплинарном батальоне; разгром офицерских квартир; демонстрация, столкновения с войсками.

Волнения среди солдат в Петербурге, Риге, Барановичах.

Организация либавского совета рабочих депутатов.

Отмена военного положения в Польше.

2 (19 ноября). В Риге открылся съезд крестьянских депутатов Латвии.

«Беспорядки» в воронежской губернской тюрьме.

3 (20 ноября). Волнения в войсках в Екатеринодаре и Пятигорске.

Киев и Киевский уезд объявлены на военном положении.

4 (21 ноября). В Вильне открылся вселитовский съезд, продолжавшийся 2 дня.

В г. Газенпот (Курляндия) по призыву социал-демократической организации собралось около 30 тыс. крестьян, по тре-

бованию которых освобождены политические и удалены из города полиция и войска.

Волнения среди солдат в Тифлисе.

Открылась конференция северных комитетов РСДРП.

5 (22 ноября). Всеобщая политическая забастовка в Новороссийске, организованная советом в знак траура по погибшим в Севастополе борцам за свободу; митинг и демонстрация.

Первое пленарное заседание Московского совета рабочих депутатов.

Волнения среди солдат в Пскове.

Бунт в дисциплинарном батальоне в Минске.

В Саратове эсеркой А. Биценко убит генерал-адъютант Сахаров.

В Тифлисе вновь началась армяно-татарская резня.

Лифляндская губерния объявлена на военном положении.

6 (23 ноября). Демонстрация протеста против армяно-татарской резни в Тифлисе.

Демонстрация рабочих и солдат в Харькове.

Волнения среди солдат в Ломже.

Избиение казаками бастующих почтово-телеграфных служащих в Петербурге.

Продолжение доклада Ленина об аграрной программе партии социалистов-революционеров на собрании партийных работников в Петербурге.

7 (24 ноября). Начало всеобщей забастовки в Риге, Митаве и других городах Прибалтики—протест против введения военного положения в Лифляндии.

В г. Фридрихштадте (Курляндия) организован революционный комитет под руководством социал-демократов, взявший власть в свои руки.

Демонстрация в Чите, с требованием освобождения политических.

Бунт в Бобруйском дисциплинарном батальоне.

Опубликованы временные правила о периодических изданиях.

8 (25 ноября). В Тифлисе началась организация рабочей милиции.

9 (26 ноября). В Петербурге арестован председатель совета Хрусталев-Носарь.

Волнения среди казаков в Москве.

Волнения среди солдат Иркутского гарнизона.

Перестрелка между татарами и армянами в Баку.

10 (27 ноября). Петербургским советом избран новый президиум.

Начались волнения в Ростовском полку и других воинских частях Московского гарнизона.

Демонстрация протеста против армяно-татарской резни в Баку.

Столкновение с казаками в Кутаисе.

Бой между драгунами и революционными дружинами при Ленневарене (Лифляндия).

В Юрьеве открылся съезд представителей эстонского народа, продолжавшийся 3 дня.

Волнения в воронежских арестантских потах.

В Москве вышел № 1 легальной большевистской газеты «Борьба».

11 (28 ноября). Первое пленарное заседание одесского совета рабочих депутатов.

Митинг солдат Иркутского гарнизона в городском театре; принят ряд профессиональных и политических требований.

Начались волнения в Урюпском казачьем полку на Кубани.

Расстрел казаками жителей в Батуме.

12 (29 ноября). Волнения в Преображенском полку в Петербурге.

Захват г. Туккума (Курляндия) восставшими крестьянами.

13 (30 ноября). Демонстрация в Батуме на похоронах убитых 11 декабря (28 ноября); перестрелка с казаками, баррикады.

Вооруженная демонстрация солдат в Иркутске. Организация совета депутатов рабочих и служащих управления, депо и станции Иркутск.

Волнения в Бобруйском полку в Царицыне.

Первое заседание самарского совета рабочих депутатов.

14 (1). Волнения в Несвижском полку в Москве.

В г. Туккуме (Курляндия) организовано революционное управление.

15 (2). В Петербурге вышел «финансовый манифест» за подписью Петербургского совета и других революционных организаций, с призывом не платить налогов и требовать вкладов из банков и сберкасс.

В Москве арестованы бюро почтово-телеграфного союза и бюро почтово-телеграфного съезда.

Солдатская демонстрация в Красноярске.

Сдача г. Туккума революционерами.

16 (3). Арест Петербургского совета рабочих депутатов.

Первое заседание Московского совета солдатских депутатов.

Захват г. Тальсена (Курляндия) восставшими крестьянами.

17 (4). В Петербурге состоялось совещание представителей обеих фракций РСДРП и исполнительного комитета Петербургского совета; принято постановление объявить всеобщую политическую стачку.

Обезоружение полиции в м. Квирилах (Кутаисской губернии).

Четыре уезда Сувалкской губернии объявлены на военном положении.

18 (5). В Москве открылась конференция депутатов 29 железных дорог, продолжавшаяся 2 дня. Московская общегородская конференция большевиков постановила предложить совету объявить с 20 (7) декабря всеобщую забастовку как переходную ступень к вооруженному восстанию.

Сдача г. Талвсена революционерами.

19 (6). Московский совет постановил объявить с 20 (7) декабря всеобщую забастовку как переходную ступень к вооруженному восстанию. Конференция представителей железных дорог постановила объявить всеобщую железнодорожную забастовку. Почтово-телеграфный съезд постановил объявить всеобщую почтово-телеграфную забастовку. Выпущено воззвание Московского совета и социалистических партий с призывом к восстанию. Выпущено воззвание ИК Петербургского совета и социалистических партий с призывом к всеобщей забастовке.

Организация объединенного совета депутатов от солдат и рабочих в Красноярске.

Губернаторам и начальникам областей предоставлено право удовлетворять ходатайства землевладельцев об учреждении на частные средства полицейских должностей и формировании команд пешей и конной полицейской стражи.

20 (7). Начало всеобщей забастовки в Москве; забастовка железных дорог Московского узла (кроме Николаевской, Московско-Киево-Воронежской и Рязано-Уральской); манифестации и стычки с войсками; большой митинг в театре «Аквариум», избиение собравшихся войсками. Арест Московского федеративного совета РСДРП.

Вышел № 1 «Известий» Московского совета.

Центральное бюро союза союзов постановило присоединиться к забастовке. Забастовка в Уфе.

21 (8). Всеобщая забастовка в Москве; присоединение к забастовке Рязано-Уральской железной дороги; уличные митинги; перестрелка с войсками.

Начало всеобщей забастовки в Петербурге, Ростове на Дону, Новороссийске, Екатеринославе, Ярославле, Самаре, на Екатерининской, Владикавказской и Юго-восточных железных дорогах.

Первое заседание саратовского совета рабочих депутатов.

Екатеринославским советом совместно с депутатским собранием рабочих и служащих Екатерининской железной дороги организован боевой стачечный комитет.

Красноярский совет занял губернскую типографию.

22 (9). Баррикадные бои в Москве; расстрел толпы драгунами и артиллерией на Страстной площади; осада и артиллерийский разгром реального училища Фидлера, где засели дружинники.

Начало всеобщей забастовки в Ревеле, Двинске, Костроме.

Митинг в Сормове; рабочие приступили к изготовлению оружия.

Столкновение рабочих с казаками в Ярославле.

Столкновение железнодорожных рабочих с войсками в Уфе.

Новороссийский совет взял в свои руки управление городом и округом.

В Таммерфорсе (Финляндия) открылась партийная конференция большевиков под председательством Ленина, продолжавшаяся 7 дней.

23 (10). Баррикадные бои в Москве.

Новороссийский совет постановил готовиться к вооруженному восстанию.

Осада и взятие войсками народного дома в Самаре.

Начало всеобщей забастовки в Рязани; освобождение политических заключенных; разгром толпы казаками.

24 (11). Баррикадные бои в Москве, сожжение войсками типографии Сытина.

Начало всеобщей забастовки в Вильне, Одессе, Воронеже, Бахмуте.

Демонстрация на Коломенском машиностроительном заводе; избиение демонстрантов казаками.

Демонстрация в Ярославле на похоронах убитых 22 (9) декабря рабочих.

Николаевский совет объявил с 26 (13) декабря всеобщую забастовку.

Опубликован указ об изменениях и дополнениях в положении о выборах в Государственную думу.

25 (12). Баррикадные бои в Москве.

Начало всеобщей забастовки в Харькове; общегородской рабочий митинг на заводе Гельферих-Саде; бомбардировка завода войсками.

Начало всеобщей забастовки в Сормове; митинг и демонстрация; столкновение с полицией и казаками; осада и взятие казаками помещения рабочей столовой.

Начало всеобщей забастовки в Нижнем Новгороде, Ковне, Киеве, Смоленске, Твери.

26 (13). Баррикадные бои в Москве.

Стычки рабочих с казаками в Сормове. Баррикады, столкновения рабочих с казаками в Ростове на Дону; началась бомбардировка рабочего предместья Ростова — Темерника, — продолжавшаяся 8 дней.

Начало всеобщей забастовки в Риге, Николаеве, Саратове, Кременчуге.

Демонстрация в Вильне, рассеянная казаками.

27 (14). Баррикадные бои в Москве.

Баррикады в Темернике; перестрелка с казаками.

Артиллерийский обстрел укрепленного революционерами здания школы в Сормове.

Начало всеобщей забастовки в Баку и Брест-Литовске.

Опубликован указ о введении правил чрезвычайной охраны железных дорог.

28 (15). В Москву прибыл из Петербурга Семеновский полк. К вечеру восстание в Москве подавлено, за исключением района Пресни.

Артиллерийский обстрел вокзала Московско-Нижегородской железной дороги в Нижнем Новгороде, где засели революционеры.

29 (16). Осада Пресни войсками; революционная дружина Прохоровской мануфактуры заставила отступить артиллерию.

Все вокзалы в Москве заняты войсками; по линии Московско-Казанской железной дороги отправлен карательный отряд с артиллерией и пулеметами.

Постановление МК РСДРП и ИК Московского совета о прекращении восстания с 31 (18) декабря и политической забастовки с 1 января (19 декабря).

Начало артиллерийского разгрома

Пресни. Начало действий карательного отряда на линии Московско-Казанской железной дороги (Москва — Голутвино). Массовые аресты рабочих в Москве.

Арест саратовского совета.

Столкновения рабочих с войсками в Бахмуте.

Демонстрация в Гельсингфорсе.

31 (18). Столкновение рабочих с войсками в Тифлисе и Перми.

Однодневная забастовка протеста против введения чрезвычайной охраны в Новороссийске.

В Вятке собрался крестьянский съезд; столкновение охранявших съезд дружинников с войсками; разгон съезда.

В декабре вооруженное восстание было также на рудниках и заводах Донбасса и в других промышленных пунктах. Крестьянское движение охватило почти всю Россию.

Е. МОРОХОВЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

Речь тов. Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев . . .	1
К 18-й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
А. ДРЕЗЕН — Корниловщина	13
М. ЛУРЬЕ — Петроградская Красная гвардия в борьбе за великую пролетарскую революцию	25
К. НИКИФОРОВА — Борьба за телеграф на Дальнем Востоке	37
Н. БОЛЬШАКОВ — 1917 год в Подольске	47
Н. КОРНАТОВСКИЙ — Заговор против социалистической родины (осень 1919 г. в Петрограде)	52
ОТКЛИКИ ВЕЛИКОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЗАПАДЕ	
М. МОРВИНОВ — Всеобщая политическая стачка в Австро-Венгрии (январь 1918 года)	58
К 30-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА	
М. ГЕНКИН — Ноябрьское восстание в Севастополе	71
М. КАЛЬВАРИ — В огне крестьянских восстаний	84
ИСТОРИЯ ПАРТИИ	
П. ГАЛКИНА — Большевики в IV государственной думе	94
К ИТАЛО-АБИССИНСКОЙ ВОЙНЕ	
Г. ЗУСМАНОВИЧ — Из истории борьбы Абиссинии за независимость	107
НОВАЯ ИСТОРИЯ	
Е. ПАШКОВСКИЙ — Лионская контрреволюция 1793 года	117
БИБЛИОГРАФИЯ	
Е. ЗВЯГИНЦЕВ, Н. ЛЕВЕНСОН, П. МИЛЛЕР — Москва в прошлом	131
ХРОНИКА СОБЫТИЙ 1905 ГОДА	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. М. ВОЛИН (отв. редактор), А. М. ПАНКРАТОВА (зам. отв. редактора), О. С. ВЕЙЛАНД (отв. секретарь), С. С. БАНТКЕ, Т. М. ДУБЫНА, Л. Е. ФРУГ, Ф. Б. ФРУМКИНА.

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. ЯНОШ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-10-39. Прием в редакции от 10 до 3 дня
Уполномоченный Главлита № Б — 15545   Издательский № 1064   Заказ № 2363   Тираж 31.700
Материал сдан в набор 9/XI 1935 г. Подписан к печати 2/XII 1935 г. 4¹/₂ бум. листа. 160.000. зн. в бум. листе.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.